

Человек — это часть целого, которое мы называем Вселенной, часть, ограниченная во времени и в пространстве. Он ощущает себя, свои мысли и чувства как нечто отдельное от всего остального мира, что является своего рода оптическим обманом. Эта иллюзия стала темницей для нас, ограничивающей нас миром собственных желаний и привязанностью к узкому кругу близких нас людей. Наша задача — освободиться от этой тюрьмы, расширив сферу участия до всякого живого существа, до целого мира, во всем его великолепии. Никто не сможет выполнить такую задачу до конца, но уже сами попытки достичь эту цель являются частью освобождения и основанием для внутренней уверенности.

А. Эйнштейн

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

Е. А. Бардамова

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Монография

Издание второе, исправленное и дополненное

Улан-Удэ
Издательство Бурятского государственного университета
2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DORZHI BANZAROV
BURYAT STATE UNIVERSITY

E. A. Bardamova

**REPRESENTATION OF SPATIAL REPRESENTATIONS
OF SPACE IN THE BURYAT LANGUAGE**

Monograf

Second edition, revised and enlarged

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2021

УДК 811.512.31

ББК 81.64.2

Б 247 Бурятского госуниверситета. Протокол № 4 от 12 мая 2021 г.

Утверждено к печати

редакционно-издательским советом

Рецензенты

П. П. Дамбуева, д-р филол. наук, проф.,
ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН
Н. А. Дарбанова, канд. филол. наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Монография размещена в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Бардамова Е. А.

Б 247 **Репрезентация пространственных представлений в бурятском языке.** Изд. 2, испр. и доп. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. — 176 с. ISBN 978-5-9793-1610-9
doi 10.18101/978-5-9793-1610-9-2021-1-176

В монографии описан сложный комплекс представлений, связанных с тем, как человек воспринимает пространство, обозначает пространственные отношения и отражает эти модели в родном языке. Проблема решается с позиции антропоцентрической парадигмы в лингвистике. Адресована преподавателям, аспирантам, студентам-филологам, востоковедам, культурологам — всем, кто интересуется проблемами языка и культуры.

Bardamova E. A.

Representation of spatial representations of space in the Buryat Language. 2nd edition, revised and enlarged. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2021. — 176 p.

The monograph describes a complex set of ideas related to how a person perceives space, denotes spatial relationships and reflects these models in their native language. The problem is solved from the standpoint of the anthropocentric paradigm in linguistics.

The book is addressed to teachers, graduate students, students-philologists, Orientalists, cultural studies — everyone who is interested in the problems of language and culture.

УДК 811.512.31

ББК 81.64.2

© Е. А. Бардамова, 2011

© Е. А. Бардамова, испр. и доп., 2021

© Бурятский госуниверситет

им. Доржи Банзарова, 2021

ISBN 978-5-9793-1610-9

Введение

В последние годы возрос интерес к исследованию этнокультурной и когнитивной информации, аккумулированной и зафиксированной в языке. Вновь привлекли внимание идеи В.фон Гумбольдта о том, что язык неразрывно связан с национальной духовной силой: «Язык... всеми тончайшими нитями своих корней сросся... с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем строгом сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации, и поэтому на главные вопросы о началах и внутренней жизни языка, — а ведь именно здесь мы подходим к истокам важнейших звуковых различий, — вообще нельзя должным образом ответить, не поднявшись до точки зрения духовной силы и национальной самобытности» [Гумбольдт 1984, с. 70].

Тот факт, что каждый язык демонстрирует свое видение мира, отличное от других, ближних или дальних этнических коллективов, способствовало тому, что чаще всего в центре внимания современных лингвистических исследований находится не структура языка и ее описание, сколько сами процессы моделирования и репрезентации знаний в языке, проблемы взаимодействия языка и культуры, вопросы когнитивной функции языка во всех ее проявлениях, особенности образа мышления и словесного обозначения предметов и понятий.

В данной работе рассматриваются средства и способы отражения в бурятском языке процессов осмысления и категоризации пространства. Общеизвестный факт, что пространство и время — онтологические категории. Пространство является той средой, без которой человек себя не мыслит, топология которой становится релевантной для национального сознания [Талми, 1983]. Восприятие, концептуализация и представление в языке любого объекта внеязыковой действительности осуществляется чаще всего при помощи пространственной лексики, языковое сознание выбирает ее в качестве образов и знаков для обозначения непространственных сущностей. Справедливо в этом смысле заключение Ю.М. Лотмана о том, что всякая модель культуры может быть описана в «пространственных терминах» [Лотман, 1968, с. 406]. Нами выделены и описаны несколько фрагментов пространства бурятской языковой

картины мира, которые, на наш взгляд представляются специфическими и интересны с точки зрения выявляемой этнолингвистической и когнитивной информации. В центре нашего исследования, которое в большей степени может быть отнесено к лингвокультурологии, находятся вопросы осмысления и концептуализации пространства, разрабатываются проблемы его описания и применения пространственных идей в других семантических полях. При всей множественности понимания пространства как такового в языке отчетливо выделяется мифологизированное пространство [В. Н. Топоров 1983, Д. С. Лихачев 1979, Ю.М. Лотман 1992, 2002; Э. Кассирер 2002], отличающееся одухотворенностью объектов и их семантизацией: гора, степь, дорога, земля (глава 2). Представлению о пространстве как некоей протяженности, постижение, преодоление и измерение которой получает языковую объективацию при помощи разных грамматических форм, посвящена глава 1. В третьей главе рассматриваются другие аспекты пространственной категоризации внеязыковой действительности, которые составляют образно-метафорический и ценностный компоненты пространственной картины мира.

ГЛАВА 1

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ БУРЯТ

Уникальность феномена человека как объекта научного исследования, представляющего собой единое целое, приобретает особую значимость на пороге нового тысячелетия. Человек живет, думает, познает и творит в языковой среде. Неразрывна связь человека и языка. Язык является средством общения между людьми. Он представляет собой источник информации о мире, фиксирует ее структуру и ментальные механизмы, накапливает общественный опыт и знания. Через язык познается окружающий нас мир. В центре внимания лингвистов на современном этапе развития науки о языке находится вопрос, как происходит преломление окружающего мира в его сознании и как в языке находит отражение познаваемая им действительность.

Картина мира – одно из центральных понятий, выражающее определенное мировидение, миропознание, мировосприятие, мироотражение: «действительность, взятая в ее совокупности, есть мир»; «образ есть модель действительности»; «границы моего языка означают границы моего мира»; «я есть мой мир (микрокосм)» [Витгенштейн 1958, с. 34, 35, 80, 81].

В любом естественном языке зафиксирована и отражена концептуализация обыденным сознанием целостного восприятия окружающего мира. Исторически сложившиеся в обыденном сознании представления, нашедшие отражение в языке, принято называть языковой картиной мира. Как вместилище знаний о мире картина мира содержит наиболее важные, системные взгляды на окружающий человека мир, сформированные на основе традиций, аксиологических установок, этических и эстетических норм, образа жизни и направленности деятельности членов лингвокультурного сообщества. Впервые термин *картина мира* использовал Г. Герц, который под физической картиной мира подразумевал общие представления об объектах внешнего мира, определяющие особенности существования и функционирования этих объектов. Возникновение данного понятия связано с необходимостью систематизации представлений об объективных связях и отношениях действительности.

Обобщенные знания о реальном мире, нашедшие отражение в сознании в виде системы понятий и категорий, и представляют картину мира. Категория *картина мира* понималась как образ мира. Именно образ мира, отражающий объективные закономерности природы, по мнению М. Планка, и является картиной мира [Карасик 2002, с. 14-15]. Современное понимание и объяснение картины мира носят в основном семиотический характер. Изучение выраженных в ЯКМ значений складывается в определенную систему взглядов. Ю.Д. Апресян называет данную систему коллективной философией, которая навязывается как обязательная всем носителям языка. «Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания» [Колшанский 1984, с. 15]. В лингвокультурологии под картиной мира понимается «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик 2002, с. 104]. Под картиной мира понимается «когнитивно-эмотивная (концептуальная) система, возникающая в результате сознательной и бессознательной языковой речевой структуризации и отображений среды человека» [Сорокин 1994, с. 98]. Некоторые исследователи рассматривают картину мира как воссозданный в сознании человека материальный мир, опосредованный предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами [Леонтьев 1997, с. 105]. Г.В. Колшанский справедливо замечает, что язык «лишь фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и действительность в этом мире» [Колшанский 1984, с. 32-33]. Концептуальная картина по своему объему, широте охвата действительности, способу осмысления гораздо шире языковой [Постовалова 1988, с. 5]. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности универсален и имеет огромный интерес с точки зрения своей специфичности в том смысле, что он дает ключ к пониманию определенной культуры.

Наблюдения над внутренней формой слова, над тем, почему в языках мира один и тот же предмет назван на основе выделения разных признаков, показывает разное членение словарями

естественных языков континуумов объективной реальности. Проблема внутренней формы слова поднималась еще В. фон Гумбольдтом и А.А. Потебней. В. фон Гумбольдт напрямую связывал усвоение языка с овладением внутренней формой слова. А.А. Потебня, изучая внутреннюю форму слова, пришел к мнению, что все слова в момент своего возникновения мотивированны, то есть имеют внутреннюю форму. Такие слова характеризуются образностью, поэтичностью, достаточно прозрачной связью между звучанием и значением. Но в процессе развития и функционирования языка и мысли слова утрачивают внутреннюю форму, образность [Потебня, 1960, с. 119-121].

Изучение своеобразия языковой картины мира предполагает изучение естественного языка с использованием концептуального, ономазиологического и семасиологического подходов. В настоящей работе предпринята попытка анализа пространственной и темпоральной лексики с целью выявления своеобразия способов языковой объективации таких концептуальных оснований, как *Пространство* и *Время*.

Концепт Пространство структурно довольно сложный феномен, его объективация в языке представлена следующими семантическими полями: 1) типы пространств – место, линия (путь), поверхность, объем; 2) его организация – центр, периферия; обжитое, необжитое; знакомое, незнакомое; 3) ориентация в пространстве; 4) способы его измерения; 5) восприятие и соотнесенность предметов в пространстве (далеко, близко и т.д.).

Э.А. Азроянц утверждает, что «пространство не какая-то абстракция или условная конструкция, а реальная сущность, имеющая явно и неявно выраженные свойства. Пространство объемлет вещество во всех формах его проявления, а само вещество выступает одним из элементов его структуры» [1997, с. 16].

1.1. Ориентация человека в пространстве

Пространство и время определяют социальный мир в наиболее общем и отвлеченном виде, являясь единой системой взаимоотношений вещей мира. Человек постоянно находится в границах пространственно-временного континуума и соотносит себя и окружающий социальный и вещный мир через призму про-

странственных и временных характеристик. Такого рода осмысления представляют собой систему концептов, которые находят закрепление в языковой картине мира. Понятие пространства входит в число главных категорий бытия и рассматривается как основная форма существования материи. Еще Аристотель в своих «Категориях», перечисляя рубрики классификации слов и описывая местоимения писал, что «каждое из выражений, не входящих в какую-нибудь комбинацию, означает: или *субстанцию*; или *сколько*; или *какой*; или *в каком отношении*; или *где*; или *когда*... Ученый считал важным, что каждый предмет «объемлет» определенное место [Аристотель 1939, с. 59]. У А. Вежбицкой также в списке атомарных сущностей, или примитивов, называется Место [Вежбицкая 1988]. Современные когнитологи и концептуалисты выделяют следующие концепты как универсальные: вещь, событие, состояние, место, направление, признак, объем [Jackendoff 1991, с. 22], лицо, объект, процесс, пространство, время, качество [Hein, Claudi, Henpeneyer 1991, с. 53]. Как видим, ведущим в концептуальной системе человеческого интеллекта исследователи называют *пространство*. Верной, на наш взгляд, является интерпретация пространства В.Н. Топорова, который выделил два понимания пространства – по Ньютону и Лейбницу, различия в которых сводятся к противопоставлению ньютоновского геометрического пространства пространству, определяемому «порядком сосуществования вещей» [Топоров 1983, с. 228]. Первая концепция рассматривает пространство как образование в рамках строгой системы координат, его описание как результат научных достижений. Вторая отражает представления человека о мире, его окружающем. Е.С. Кубрякова выделяет две относительно автономные системы видения мира – «так называемая что-система (what-system) и где система (where-system)» [Кубрякова 2000, с. 88]. Первая служит восприятию и идентификации объектов в поле зрения, вторая – определению расстояния до объекта, находящегося в фокусе внимания, обнаружении дистанции между объектами, их относительного расположения. Благодаря первой системе складывается понятие о предмете, благодаря второй складываются ориентационные концепты, понятия удаленности и близости объекта, конкретного его местонахождения.

Предметом наших исследований будут те пространственные смыслы, которые нашли отражение в языке. Теория пространства касается фундаментальных измерений человеческого мира и выражается в специфических параметрах, таких как верх и низ, центр и периферия, поверхность и глубина, удаленность и близость. Изучая особенности категоризации пространства, выявляем особенности фрагментов наивной картины мира, обыденного сознания. Способность сопоставлять различные объекты и явления окружающего мира, систематизировать, объединять и группировать их в зависимости от единства и различия их признаков, качеств и свойств, представляет собой категоризацию. По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, «категоризация воспринятого – это главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер... Важно поэтому попытаться понять, на основании каких критериев человек выносит суждение о сходстве одних явлений и различии других... как человек классифицирует окружающую действительность и членит ее...» [Кубрякова 1997, с. 25].

Концепт *пространство* является структурирующей и организирующей формой дискурса, где под дискурсом понимается система специфических познавательных практик. При этом пространство выступает как основание элементов конструкции познавательной деятельности человеческого сознания, а время – как их последовательность. А.В. Подосинов в своей книге *Ex oriental lux! Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии* отмечал отсутствие единой и неделимой системы ориентации в пространстве, объясняя ее гетерогенность тем, что для разных целей годятся разные системы: «Трудно представить, что составитель карты пользовался той же ориентацией, что и жрец, выполняющий определенные обряды в храме у алтаря, путешественник-купец ориентировался так же, как и гадающий на печени маг, а хижина крестьянина планировалась и строилась в той же ориентационной системе, что и городской храм...». В каждом языке зафиксирована простейшая концептуальная структура пространства, сформировавшаяся в результате восприятия обыденным сознанием окружающего мира.

В языке сохранились свидетельства того, что на определенном этапе своего развития человек не отделял себя от природы и среды, ощущая себя его частью [Ср.: Гуревич 1972, с. 31, 35]. Представление о целостности пространства не свидетельствует о том, что оно воспринималось как однородное по своей сути и

структуре. В языковой картине мира пространство членится на ряд составляющих его элементов: в нем выделяются сакральное и бытовое, освоенное и неосвоенное, доступное и недоступное, свое и чужое, мужское и женское, враждебное и доброжелательное для человека. Анализ фактического материала показывает, что пространство, объективированное обыденным языковым сознанием, может быть условно поделено на жилищное пространство, динамическое пространство и пространство рода.

Вертикальное пространство, согласно бурятской ЯКМ, членится на три составляющие: Вечно синее небо, Земля, населенная людьми и другими живыми существами, и подземный мир, царство Эрлика. Убывание локальной сакральной значимости этих пространств усиливается по мере движения от центра к периферии. При этом Вечно синее небо *Тэнгэри* является сакральным центром, рождающим все живое и неживое на земле, наделенное мудростью, являющееся обителью богов. Небо для бурят на протяжении всей их истории, задолго до принятия буддизма, а также после его принятия – это верховное божество, высшая сила, которая вечна, не исчезает и не появляется - *М=нхэ Тэнгэри*. Оно управляет земным миром, предопределяет поступки людей, живых существ, жизнь людей. «Монголы долго поклонялись небу как благороднейшей части природы, не представляя его себе определенным лицом и гением, или безотчетно воображали иногда духом, который являлся им в форме неба...» Считалось, что милость неба можно снискать добропорядочным поведением, поэтому люди совершали обряды и церемонии поклонения Вечно синему небу. Об этом свидетельствуют многие афористические изречения: «*Тэнгэридэ м=ргэжэ тэгшэ жаргадаг*» ‘полное счастье достигает тот, кто поклоняется небу’. [Бардаханова 1982, с. 40]. Монголы представляли небо «правителем мира, вечным, правосудным и источником жизни. Не знаем, чему они приписывали начало мира и первых людей. Из некоторых только намеков в молитвах можно заключить, что, по мнению монголов, небо и земля были некогда слиты, соединены в одну массу, вроде хаоса. По крайней мере, в молитве огню говорится, что огонь зародился при отделении неба от земли...» [Банзаров 1955, с. 56].

Главной ориентационной системой в пространстве земли в культуре монголоязычных народов являлась система, построенная

на солярно-геологическом принципе, связанная с движением солнца. Система пространственной ориентации по солнцу культурологически мотивирована. Мы говорим: «*Нара з=б 'по солнцу' (букв. солнце правильно), нара буруу 'против солнца' (букв. солнце неверно)*». Правильным у бурят считалось любое движение по солнцу, то есть с востока на запад: по местности, по буддийскому храму и т.д. Для монгольских народов радиальное пространство представляется как серия концентрических кругов, идущих от сакрального центра и затухающих к границам неизвестного пространства. Концентрический (солярный) принцип организации пространства начинает функционировать при размещении на определенном месте. Маркерами жизненного пространства являются элементы ландшафта. Обязательными атрибутами жизненного пространства для бурят являлись гора, долина, река. Почитание горы как культового объекта отражает архаические представления древних бурят о трансформации душ умерших в горы, традицией погребения усопших предков в пещерах горы, горных расщелинах. Понятно в связи с этим существование таких фразем, как *хадын гэртээ хариха 'умереть' (букв. вернуться в свой горный дом), хада гэр 'кладбище, могила' (букв. горный дом), хада гэртээ харитараа 'до гробовой доски' (до самого возвращения в горный дом)*. Гора в этом случае приобретала статус места родового поклонения, поскольку все предыдущие поколения находили последний покой именно в этой горе, отсюда представления о ней как об источнике жизненной силы. Гора становилась местом религиозного почитания.

Круг – главная форма освоения пространства у бурят. Монголы называли кругом маршрут традиционного кочевания [Шинкарев 1981, с. 22]. Жилища одной семейно-родовой группы располагались с запада на восток, огороженные одной изгородью *х=рез*, имеющей сему *предмет округлой формы*. Сама юрта представляет собой жилище круглой формы. Традиционно монгольские кочевые стойбища являлись структурой, отличающейся целостностью, гармоничностью, равноудаленностью от сакрального центра. Центром семейно-родственной территории у бурят было *сэргэ 'коновязь'* – символ семейного очага, рода, воплощение *с=лдэ 'духовной мощи, жизненной силы'* хозяина. При подобном понимании пространства с особой точностью указываются все границы и переходы между своим и чужим. Речь идет об усвоении и освоении прежде всего тех

ее ключевых и важных мест, от которых зависит безопасность человека. Именно поэтому в архаической модели мира особенное внимание уделяется враждебному пространству (лес, дорога и пр.). Комплекс негативных представлений в мировоззрении бурят связан с дорогой: дорога не должна пересекать усадьбу, запрещалось строить у дороги дом: по дороге перемещаются враждебные для человека существа: *харгын уулзуурта гэрэй барихаг=й`на пересечении дорог не строить свой дом`*. Преодоление пути изначально предполагает наличие препятствий, трудностей, испытаний на смелость и мужество, способности выйти из опасной ситуации перед лицом угрозы жизни. Не случайно в бурятской паремии находим много юролов ‘благопожеланий’, в которых помимо напутственных пожеланий счастливой дороги и достижения намеченной цели звучит мотив благополучного возвращения в родные места: *Зори\ондоо х=рэжэ т=рэ\энд-- тэхэрижэ ерээрээ ‘исполни задуманное, благополучно вернись в родные места’, +ргэн дэлхэйн унтууряар, =ндэр уулайн х=тэл--р, т=рэ\эн тоонтодоо х=рэгты, гар\ан газартаа гасааг=й х=рэгты ‘по тихим просторам земли, по холмам и косогору до места своего рождения вернитесь без препятствий, до родных своих мест без препятствий возвращайтесь’*. Кроме того, аналитические конструкции *ошоод ерэхэ (букв. поехать приехать), ябаад ерэхэ ‘ехать приехать’*, актуализирующие значение *съездить*, демонстрируют то, что в языковом сознании дальняя поездка (от глагола *ошохо ‘поехать’*) не всегда предполагала обязательное благополучное возвращение, отсюда разграничение в движении в чужое пространство и обратно.

Представления о наличии концентрических кругов, являющихся основой структуры окружающего людей пространства, находят продолжение в глагольной парадигме *тойрохо ‘обходить, кружить, вертеться’, эрьехэ ‘кружиться, повернуться’, т--рихэ ‘заблудиться’*. Движение по кругу представляет способ кодирования пространственных свойств и отношений, иногда единственно возможный: *дэлхэйе тойрохо ‘обойти вокруг света’, добые тойруулха ‘заставить обходить бугор’, ада\а малаа эрьехэ ‘объезжать свой скот’*. В данном случае указание на концентрический локализатор инкорпорирован в глаголе. Референционное пространство производных от *тойрохо – тойруу ‘дальний, кружной’, тойруулан ‘вокруг’, орион тойрон ‘близости, вокруг’, тойруугаар*

‘вокруг, кругом’, тойруулха ‘окружать, обходить’ представляет собой территорию вокруг наблюдаемого объекта, которая преодолевается бесконтактным движением. Речь идет о динамическом местонахождении субъекта вокруг какого-то объекта, которое не предполагает контакт между двумя этими сущностями. Такого рода отношения могут быть поняты физически (в таком случае субъект и объект вступают в собственно пространственные отношения) или психологически (в этом случае происходит наращение смыслов и развитие семантики слова). Конфигурация бесконтактных пространственных отношений объектов послужила основой появления переносного значения – *‘избегание прямого определения истины, сути дела’*: *тойруулха ‘обходить какой-либо вопрос’, тойруу х=р ‘замысловатое, мудреное слово’, тойруугаар хэлэхэ ‘говорить обиняками’, тойруутаха ‘уходить от истины’, тойруутуулжа хэлэхэ ‘говорить вокруг да около’, олон табые тойруулха ‘говорить, не доходя до сути дела’*. В ряде случаев наблюдается реализация ингерентных свойств глагола: *бээ тойруулха ‘отвести от себя неприятность’ (букв. телом обойти)*.

В приведенных примерах мы обнаруживаем вторичную функцию пространственной семантики. Переосмысление локальной структуры приводит к появлению непространственных значений. Дж. Лакофф и М. Джонсон называли такого рода переносы «ориентационной метафорой». В.Г. Гак отмечал, что «если... используется слово, указывающее на нечто, не представляемое в виде двух- или трехмерного объекта, то высказывание переосмысливается, его первоначальная пространственная семантическая структура совсем устраняется или сосуществует с новым значением, которое не является собственно пространственным» [Гак 2000, с. 133].

Глагол *эрьехэ*, имеющий основное значение *‘кружиться, вращаться, обходить’*, также обозначает неконтактную динамическую локальную референцию субъекта, чаще всего сопровождающуюся рефлексом повторения: *тархимни эрьенэ ‘голова кружится’, н=г-- тээшээ эрьехэ ‘вернуть в другую сторону’* и др. При этом глагол эксплицирует экстравертную и интравертную перспективы. При интравертной перспективе наблюдается отсутствие контакта с окружающими объектами, замкнутость действия на самом субъекте. Данная перспектива демонстрирует два пути развития семантики:

1) *тархья эрьехэ 'испытывать симпатию' (букв. вскружило свою голову);*

2) *эрьюутэхэ 'поступать безрассудно, валять дурака', эрьюу 'закружившийся, бестолковый, глупый', эрьюутээ 'обезумевший, одуревший', эрьюутэй 'характеризующийся неразумным поведением, не отличающийся здравомыслием'.*

При экстравертной перспективе, характеризующейся тем, что повторяющееся действие вращения направлено на объект воздействия, наблюдается следующее наращение смыслов:

1) *тархья эрьюулэгдэхэ 'дать себя обмануть, провести' (букв. голову, быть закруженным), тархиень эрьюулхэ 'одурачить', бээдээ эрьюулхэ 'привлекать' (букв. к телу вращать);*

2) *хэрэг муу тээшээ эрьебэ 'дело приняло плохой оборот', тон ондоогор эрьехэ 'принимать совсем другой оборот';*

3) *эрьюулхэ 'добиваться чего-либо';*

4) *табан =дэр соо эрьюулхэ 'гнаться за кем-либо в течение пяти дней';*

5) *урагаа эрьехэ 'навестить родственников'.*

Глагол *т--рихэ 'блуждать'* продолжает стратегию номинации непредметных сущностей с помощью пространственной лексики. *Т--рихэ* образует целый ряд идиом, восходящих к локальным выражениям: *ухаа бодолынь т--рихэ 'сбиться с толку' (букв. ум, мысли блуждают), \анаа =н--ндэ т--рихэ 'путаться мыслями' (букв. в переживаниях блуждать), сэдхэлээ т--рихэ 'прийти в замешательство' (букв. душу блуждать).*

Солнечную ориентацию дополняет астральная (ориентированная по звездам), которая имела большое значение для тех, кому приходилось ориентироваться ночью. Так, самая яркая звезда ночного неба – *Алтан гадалан* 'Полярная звезда' (общемонгольское название) переводится как золотой колышек. В представлениях древних Полярная звезда – небесная коновязь, вокруг которой на привязи несется табун лошадей [Элиаде 1987, с. 147]. Сохранилось много легенд у бурят об утренней звезде *Солбон сагаан тэнгэри 'Венере'*. В старину считалось, что *Солбон* дарует коней, а его супруга *Майлган хатан* – сыновей. Прося сыновей, приносили в жертву солового коня [Баторай, 1990]. У М.Н. Хангалова также находим описание обряда, когда балаганские буряты посвящали *Солбон* каурого коня [1960, с. 15]. Ориентирами на звездном небо-

своде были *Тэнгэрийн Заада\ан (Огторгойн оёдол, Тэнгэрийн з=йдэл) 'Млечный путь' (букв. шов на небе), Долоон +бгэд 'Большая Медведица' (букв. семь старцев), Энгэр М=шэн, Гурбан Марал 'Малая Медведица' и др.*

Бурятская языковая картина мира демонстрирует четкое геометрическое представление человека о пространственных характеристиках окружающего мира. Восемь сторон света имеют свои исконные названия: *хойто з=г 'север', з==н хойто 'северо-восточный', урда 'юг', з==н урда 'юго-восток', з==н 'восток', баруун 'запад', баруун хойто з=г 'северо-западный', баруун урда 'юго-запад'.*

Национально-языковое своеобразие данной познавательной конструкции заключается в строгой фиксации любого номада по отношению к разнородным множествам различий пространственного горизонта. Стороны света расположены по горизонтали относительно гипотетического центра, в качестве которого выступает сам человек. Языку всегда присуща особая антропоцентричность, заключающаяся в том, что весь окружающий мир в языке осмыслен с позиции человека. Согласно данной пространственной упорядоченности, субъект ориентирован в мире лицом к югу: *урда: '1) впереди; 2) юг'. Восток при этом располагается слева: з==н: '1) левый; 2) восточный', соответственно по правую руку находится запад: баруун '1) западный; 2) правый', за спиной хойто: '1) сзади, 2) север'. Своеобразие данной системы объясняется, по-видимому, особенностями кочевого образа жизни, когда жилище степняка (юрта) строилось определенным образом относительно солнца. Четкая ориентация человека относительно сторон света при достаточно небогатой и неопределенной обозначенности характеристик местности и топографических наименований, когда северная сторона всегда находилась за спиной, послужила основой формирования вторичных номинаций, указывающих противопоставленность линий горизонта. Имплицитное присутствие человека в данной системе координат обусловило выбор кода: стороны света обозначаются соматизмами. Так, северная сторона, ассоциативно связанная с позицией тыла, именуется *ара тала 'север, спина, задняя, тыльная часть': ара тала\аа баруун тээшээ ябаба 'с севера на запад направился', ара гэр\ээн урагшаа 'с северной части домов на юг' и др.* Для обозначения южной или юго-восточной сторон применя-*

ется лексема =бэр 'пазуха, грудь'. Контексты с =бэр выявляют се-
му пространственного ориентира и служат для локализации описы-
ваемого объекта в южной части горизонта: =бэр хана 'южная, пе-
редняя стена', хадын =бэртэ 'на южном склоне горы', =бэри аду-
уень б=ритэхэ 'собрать скот с южного склона'.

Наличие четкой координатной системы по сторонам света, центром которой является человек, подтверждается минимальным использованием топографических имен или фактов ориентации относительно других пространственных объектов, мы говорим: ур-
да сагаан уула харагдажа байна 'впереди (с южной стороны) вид-
неется белая гора', хойшоо гараад ерээ 'съездил на север', ара
гэрлээн баруугшаа ябаба 'отправился на запад от крайнего дома'.
Носителем языка в случаях ориентирования на местности и описа-
ния направления или расположения объектов применяется лока-
тивная конструкция, исходя из которой он всегда располагается
спиной к северу, а лицом - к югу. Такой когнитивный сценарий по-
служил основой формирования неспецифических значений у слов,
не имеющих на первый взгляд ничего общего с линией горизонта, к
которой устремлено действие. Так, слова *лицо* 'шэг, нюур' и их
производные употребляется для обозначения направления, курса
движения или воздействия: \алхинай шэглэл 'направление ветра', \-
лж== шэглэлээр 'по диагонали', шэглэхэ 'направляться',
шэгл==лэн ябуулха 'посылать в каком-либо направлении', газарай
нюруу\аа 'с поверхности земли', дэлхэйн нюруу\аа аршаха 'сти-
рать с лица земли'. Как видим, сема 'направление' актуализируется
в контекстах, реализующих динамику ситуации и имплицитно
воспроизводящих в рамках данной ориентационной системы фа-
садную однонаправленность..

Хоймор (почетная сторона) всегда располагался в северной
части юрты, напротив которого находилась *орохо* ==дэн (входная
дверь); при выходе из жилища любой степняк обнаруживал во-
сточную часть пространства по левую руку, а западную – по пра-
вую, соответственно впереди открывался юг. Некоторые ученые
усматривают в такого рода ориентации проблему трехмерности
пространства, точнее, соответствие между трехмерностью про-
странства с тремя основными координатами, «разыгрываемыми»
телом – верх / низ, правая / левая сторона, передняя / задняя часть
(или близкое / далекое). Предполагается, что приписываемая про-

странству трехмерность может корениться в особенностях человеческого восприятия [Пуанкаре 1923, с.45; Mach E 1906].

Количество стен жилища должно было соответствовать числу сторон света в горизонтальной структуре пространства, поэтому наиболее приемлемым считались четырех- и восьмистенные юрты. Триадность вертикальной Вселенной, где верх – голова, середина – тело, низ – ноги, имеющая место в традиционном мировоззрении бурят, отразилась и в структуре стен жилища: верхняя часть стен юрты называется *ханын толгой* ‘голова стены’, нижняя часть именуется *иширэ* ‘конечности’. Именно человеческое тело и его функции во всем его многообразии служат основой классификации всего, что его окружает.

Универсальный мир моделируется в горизонтальном и вертикальном направлениях. Языковой материал позволяет предположить, что категории пространства в первую очередь тесно связаны с горизонтальной ориентацией. При этом следует отметить, что в сознании монголоязычных народов существует и вертикальная оппозиция сторон света. Так, *хоймор* (северная сторона) воспринимается как почетное место, расположенное выше в жилище, поэтому, обращаясь к почетным гостям, буряты говорят: «*Дээшээ уугыт!*» ‘садитесь на почетное место’ (букв. садитесь выше). Дополнительное значение обусловлено еще и тем, что проявление уважения и почтения к кому-либо обозначается в бурятском языке глаголом *бодохо* ‘уважать’ (букв. встать, подняться), --дэ *абаха* ‘оказывать уважение’ (букв. брать вверх). Отсюда очевидна мотивировка появления концептуальной метафоры: человек, которого уважили, пригласили в северную почетную часть, поднимается в своих глазах и окружающих, располагается выше, чем остальные. Со временем данная мотивация утратила свое прямое значение, а сема *северный* – более *высокий* в языке закрепились.

Итак, *хоймор* находится в северной части жилища, рассматривается как гостевая и его сакральная часть, при этом в бурятской картине мира север ассоциируется со стороной смерти, страной Эрлика, что объясняет обычай хоронить умерших головой на север. «Наблюдается инверсия в пространственном восприятии внешней структуры мироздания и пространства внутри жилища, при которой направления сторон с положительной и отрицательной семантикой не совпадают» [Содномпилова 2002, с. 14]. Во внешнем

пространстве передней, более высокой выступает южная его часть, а северная часть ассоциируется с низом. Такого рода несоответствия между вертикальным членением внешнего мира и внутреннего пространства юрты могут нести черты «пренатальной» памяти, то есть внутриутробной ориентации и внешней. Человек ощущал пограничную функцию тела, предполагающую наличие двух разных пространств: эта схема могла экстраполироваться и на другие виды ориентации [Кэйпер Ф.Б.Я. 1986, с. 112-146; Lagopoulos A. 1969, с. 213-214].

Традиция различения сторон света с позиции *высокий - низкий* находит дальнейшее развитие во фраземе западнобурятского диалекта: *доошо ошохо 'съездить в Москву'* (букв. *отправиться вниз*). Вертикальный взгляд на мир обусловлен в данном случае, по-видимому, и реальными ландшафтными особенностями: географически все, что располагалось севернее Восточных Саян, маркируемых как наиболее верхняя точка этнического пространства, осознается расположенным ниже. Авторы монографии «Пространство в традиционной культуре монгольских анродов» Б.З. Нанзатов, Д.А. Николаева, М.М. Содномпилова отмечают, что в сказочной прозе булагатских бурят юго-запад маркируется наиболее высоким объектом пространства: по некоторым сюжетам там находится мировая гора Сахирмай [2008, с. 85]. Авторы отмечают, что у бурят племени эхирит верхнюю позицию в вертикальной проекции занимает восток, атрибутируемый мифической горой, а запад означает нижнюю сторону [там же, с. 88]. Н.Б. Дашиева связывает локализацию мировой горы на юго-западе с почитанием этой части пространства как места, где пребывают светлые, западные божеества [Дашиева 2001, с. 18], поэтому эта часть горизонта характеризуется как верхний, светлый мир. В бурятском фольклоре закрепились аксиологические представления о вертикальном строении мира, так, пословица *«Агтын я\ан арада хосорно, эрын я\ан эндэ тэндэ хосорно»* '*кости аргамака пропадают на чужбине (букв. на севере), кости мужчины найдешь везде*' демонстрирует отрицательную маркированность лексемы *север* в бурятском языке, который воспринимается как чужбина, место, где возможно зло и даже гибель. В мифопоэтических текстах предбайкальских бурят побежденный героем неприятель падает мертвым на землю головой к северу, ногами к югу:

... И он рухнул
Ногами к высокой южной горе,
рухнул головой к высокой северной горе...

[Абай Гэсэр 1995, с. 284]

Итак, почему для бурятской языковой картины мира юг находится наверху, а север внизу? Простейшее объяснение находим в традиционном векторе кочевых перемещений: южное направление было наиболее благоприятным в плане решения витальных потребностей рода и задач хозяйственной деятельности, предполагающий сезонные перемещения в поисках корма для скота с учетом ландшафта местности. Для маркировки положительных моментов естественные языки используют универсальную языковую позицию абсолютного верха. Общеизвестно, что обозначение условий благоприятствования, лучших порывов, всего доброго и хорошего, улучшения материального положения осуществляется языком на основе антропоморфной метафоры верха: мы говорим: *нээр сэгнэлтэ* 'высокая оценка', *нээр ланаан* 'высокие мысли', *нээр соло* 'большая слава' (букв. высокая слава), *дэлхэ* 'выходить из бедственного положения' (букв. идти вверх), *нэртэ магтаал* 'высокая похвала'. Низ ассоциируется с дурным началом: *доошодохо* 'приходить в упадок' (букв. становиться ниже), *доро унаха* 'унижаться' (букв. вниз упасть), *доро зэхэ* 'презирать' (букв. смотреть вниз). Исследователи усматривают в этом в том числе и глубинные связи «надфизиологического» уровня с физиологическим, культуры и природы и – конкретно с телом человека, в частности с его перцептивно-моторной деятельностью, когда культурные образы пространства «надфизиологического уровня» мотивируются телом (физиологическим уровнем) [Топоров 1983, с. 250]. С этой точки зрения север, с которым ассоциируется зло, гибель, смерть, в языковом сознании находит обозначение как расположенное ниже, воспринимаемое отрицательно.

Можно сделать вывод, что освоение пространства более значимо для бурят было по оси юг — север, а ось запад — восток представлялась менее значимой. Не случайно существует и по сей день деление бурятов на северных (*хойшохо буряад* 'северные буряты') и южных, произошедшее в силу географических, историко-политических, языковых факторов, в наше время получившее закрепление к тому же в границах различных административно-

территориальных единиц (Бурятии, Иркутской области, Читинской области). При этом если в бурятском языке это деление получило именование *хойто* – *урда* ‘северные - южные’, то в русском языке – *западные и восточные буряты*.

Вертикальное деление мира находим в древнейшем способе ориентации в пространстве – с помощью естественных водных артерий. Движение от истока к устью в языке обозначается как перемещение вниз по поверхности, что обнаруживает восприятие истока реки как расположенного выше, а устья – ниже по линии горизонта вне зависимости от сторон света. В соответствии с данным типом ориентации пространство, расположенное в непосредственной близости от истока, маркируется как верхнее, а территория, прилегающая к устью, – как нижнее: *Дээдэ Наймагут* ‘Верхний Наймагут’, *Доодо Наймагут* ‘Нижний Наймагут’ (ориентация вдоль реки Осинки в Осинском районе Иркутской области). Такой тип ориентации, наиболее регулярный в бурятском языке, применяется для обозначения направления любого перемещения по местности, где протекает река: движение по течению реки обозначается в языке как спуск, перемещение вниз, а движение к устью осмысливается как преодоление возвышенности; реализация данного смысла осуществляется двухкомпонентными глаголами *уруудаха* ‘плыть по течению, сплавать вниз по реке, спускаться по течению реки’, *гол* =*гсэхэ* ‘двигаться вверх по течению’, которые помимо инвариантного значения движения актуализируют сему направления и вертикальную его проекцию. Обозначению вертикального членения пространства реки служат послелогои *уруу* ‘вниз’, употребляемый для указания общего направления вдоль течения речных систем, и --*дэ* ‘вверх’, ориентирующий вектор движения навстречу течению реки: *гол уруу ябах* ‘спускаться по течению реки’, *гол --дэ гарах* ‘подниматься вверх по реке’.

Осваивая предметное окружающее пространство, человек не только дает наименования всему окружающему, но и включает его в личную сферу, семантизирует – параметры внешнего мира психологизируются и получают аксиологическую оценку. Так, правая передняя (юго-западная) сторона перед юртой рассматривается как положительная, мужская, здесь располагается *сэргэ* ‘коновязь’, пользоваться которой имели право мужчины и почетные гости. А левая задняя (северо-восточная) часть территории жилища

представляется несущей отрицательную семантику. В народных заговорах, призванных огородить от злых бед, звучит такой рефрен: *муу \анаатайшуул зуун хаягаар гарагты 'нечистая сила, восточной стороной гинь'*. Пространственная лексика, денотатами которой являются конкретные предметы и ориентиры, приобретает символическую, образную знаковость и используется для обозначения непредметных сущностей.

Традиционной формой жилища всех монголоязычных народов была юрта, строение которой отражает комплекс представлений о строении мира и механизме ориентации в нем. Принцип организации жилищного пространства также концентрический. Сакральным центром юрты является очаг *гуламта*; через огонь и дым живущие на Земле могли общаться с верхним миром. *Гуламта* – это не просто объект жилища монголов, это тот случай, когда «пространство высвобождает место для сакральных объектов, открывая через них свою высшую суть, давая этой сути жизнь, бытие, смысл...» [Топоров 1983, с.237]. Референционное пространство очага находится на пересечении горизонтального и вертикального членения структур окружающего мира, является частицей небесного солнечного огня. С его помощью передавались просьбы и жертвы богам, именно огню жертвовали *дээжэ* - самую лучшую верхнюю часть пищи. «Дом без огня не может быть достоин жительства человека; огонь, разведенный в доме, очищает его, как бы освящает его. Таким образом, богиня Ут есть некоторого рода хозяйка дома: кто хочет вступить в члены семейства, живущего в известном доме, должен прежде поклониться ей, как бы прося у нее позволения на это и поручая себя ее покровительству. Поэтому у монголов есть обычай, что жених и невеста в день свадьбы совершают поклонение перед огнем, приносят ему жертву...» [Банзаров 1955, с. 73]. В благопожеланиях молодожены слышат повторяющийся элемент: *т=ли\эн галнай т=мэн жэлдэ бадараг 'огонь, разведенный нами, пусть горит тысячи лет'*, где *огонь* выступает в качестве символа домашнего очага, продолжающегося рода. Интересны в этом смысле представления людей о вселенной, особенности которой всегда волновали воображение, отражено в бурятских загадках-триадах, основанных на непосредственном наблюдении и богатом жизненном опыте. В них стремление древних людей постичь загадочный мир, понять суть явлений природы, ответить на такие вопросы, что

есть три самых трудных, три удивительных на свете, три самых умных, три самых быстрых, три самых красных, три самых высоких и т.д. Так, в загадке о трех самых чистых, светлых, красивых на свете, известных в народе в нескольких вариантах, таковым среди многих других объектов всегда признается очаг: =нэ\-- абуул\ан д=ли сэгсэ 'очищенный от золы очаг'.

У бурят существует традиция захоронения послета в хойморе под очагом, что свидетельствует о наличии представления об очаге как хранителе души человека. От очага расходятся все более расширяющиеся круги освоенного пространства человека: 1) жилище; 2) пространство, примыкающее к юрте; 3) территория, используемая родом для хозяйственной деятельности [ср.: Жуковская 1988, с. 24]. Локализация одомашненного пространства осуществляется при помощи животной символики, общепринятой для всех монголоязычных народов: там пасутся телята, следующие круги – пасутся овцы, кони. Человек, не освоивший территорию за ее пределами, признается не вполне адекватным или дееспособным. Это находит подтверждение в следующих бурятских фразеологизмах: *бого\о\оо сааша харахаг=й* – 'ограниченный' (о человеке), (букв. не видел ничего дальше своего порога), *буруугай бэлиээриһээ гаража =з--г=й* 'неопытный', (букв. не выходивший за пределы пастбища для телят). Необходима была определенная смелость и мужество, чтобы преодолеть страх нового пространства, высокая адаптивность для выживания. Можно предположить, что в архаическом сознании имела место установка на покорение территорий, не освоенных родовым кланом, такого рода человеческая деятельность выступала как некий критерий личностных характеристик и социальной значимости человека. В наивной картине мира любая попытка человека познать и преодолеть незнакомые, часто враждебные пространства значима, оценивается положительно: *яба\ан х=н я\а зууха, хэбтэ\эн х=н хээли алдаха* 'кто в пути, тот косточкой поживится, кто лежит, тот похудеет', *яба\ан х=н олзотохо* 'тот, кто движется вперед, удачу найдет'. В бурятском языке существует возможность аксиологической оценки человека путем подмены определенных его свойств пространственными характеристиками: *дайда хара\ан х=н* (букв. видевший целый мир), *холые хара\ан*, *олые =зэ\эн х=н* 'человек с опытом' (букв. познавший много неизведанного, увидевший дальние края).

Бурятские паремии зафиксировали мнение о предпочтительности человека, преодолевшего расстояние, а значит, обладающего большими знаниями и опытом: *нэгэ газарта |уу|ан сэсэн|ээ хан харгыг зай|ан тэнэг дээрэ 'глупец, прошедший дорогу, лучше мудреца, просидевшего на одном месте'*.

Концептуальная метафора, лежащая в основе данного понимания, может быть сформулирована следующим образом: чем большее расстояние от домашнего очага сумел преодолеть человек, тем выше его личностные качества, позволяющие выстоять в исполненной риска борьбе, тем выше его статус, выделенность из окружающего социума. В широком смысле прорыв к жизненной перспективе, к новой форме национальной государственности у монгольских народов не может быть объяснен простой случайностью, он был закономерен, обусловлен национальной ментальностью, одна из идей которой заключена в стремлении конституировать необжитые пространства. Не случайно бурятское слово *дайда 'пространство'* реализует такие смыслы, как *'родные места'*, далее - *'земля белый свет, мир'*, а также *'бескрайний, неисчислимый'*. Языковой материал позволяет говорить о том, что пространство воспринимается как бескрайняя область бесчисленного количества мест, осознаваемых человеком как места возможного пребывания или обживания. Подтверждение этого тезиса находим в бурятских пословицах: *|ужа бай|ан сэсэн|ээ ябадаг тэнэг дээрэ 'путешествующий глупец лучше мудреца, не покидавшего обжитые места'*, *яба|ан х=н я|а зууха, хэбтэ|эн х=н хээли алдаха 'кто трудится, тот и будет сыт, кто лежит, тот и похудеет'* (букв. идущий человек удостоится кости, лежащий человек потеряет вес).

В литературе отмечается значение миграционной динамики в развитии этноса. Так, А. А. Зубов в «Палеантропологической родословной человека» писал, что эволюция гоминид была «сменной пластов» и каждый новый пласт овладевал более широким пространством, чем предыдущий; одерживая верх в конкурентной борьбе [2004]. Для А. В. Головнева только динамическая культура способна освоить магистраль, установить контроль над огромной территорией [2009]. Такого рода установки на преодоление пространственных перспектив, покорение новых территорий являются доминантной культурологической особенностью бурятского народа, нашедшей отражение в языке и фольклоре. Так, в героическом

эпосе «Аламжи Мэргэн» предназначение всей жизни главного героя реализуется в процессе пути, ориентации на внешний мир, в зависимости от этого народная мудрость и веками накопленный опыт определяют ценность мужчины для всего рода: /айхан т=рэн х=нэйн лэ ябаха дайда болоол даа, \аархан т=рэн х=нэйн лэ \ууха газар гээшэл даа 'для человека рожденного сильным земля для того, чтобы на ней разгуляться, для человека рожденного слабым земля для того, чтобы сиднем сидеть'.

Способ отображения знаний об одной области при помощи другой был назван концептуальной метафорой. «Метафора – основной механизм, с помощью которого не только осознаются абстрактные концепты, но и создается способность абстрактно мыслить» [Лакофф, Джонсон 1987, с. 126-170]. М.В. Никитин считал, что метафоры дают возможность выразить трудно выразимое и обозначить то, для чего еще нет прямого обозначения, выразить и обозначить, не увеличивая словарь единиц выражения [Никитин 1979, с. 91-102]. Пространственные признаки, участвующие в создании концептуальных метафор во многих языках мира, носят ярко выраженный антропоморфный характер. Именно тело человека задает ему мерность и структуру; в некоторых языках вселенная «отождествлялась с телом человека или сверхчеловеческого существа» [Маковский 1996, с. 263]. Объективно существующее пространство в бурятском языке часто представлено антропоморфной лексикой: *дайдын нюрган* 'поверхность земли', *дэлхэйн нюур* 'лицо земли', =лэн дэлхэйн =бс=н 'грудь необъятного мира' и др. Физический мир, окружающий человека, структурирован в языковой модели мира бурят целым рядом пространственных противопоставлений: *баруун* – з=н (западный – восточный), *газаа* – *дотор*, *нютаг* - *хари*, *урда* – *хойно*, (южный – северный), *д=тэ* – *холо*, *дээдэ* – *доодо* и др. По мнению целого ряда ученых, бинарные оппозиции позволяют описать сложную и многоликую специфику мира. Использование антиномий упрощает представление о нем [Бабаева 2001; Маковский 1996; Топорова 1994; Ли Тоан Тхонг 1993]. Носителями языка пространство традиционно делится на переднюю и заднюю части. Передняя (южная часть), открывающаяся глазу, семантизируется как положительная, а движение вперед – как путь к удаче, благополучию, успеху: *урдаа хараха х=н* 'лидер' (букв. *впереди, видеть, человек*), *урдуур хойгуурхие хараха* 'быть

прозорливым и дальновидным` (букв. спереди, что сзади, видеть), урид `анатай` `добродушный`. Задняя (северная) сторона не только связывается со стороной смерти (см. выше), но и ассоциируется с отрицательным результатом в делах, неблагоприятным исходом, препятствиями, отсутствием общественного признания: хойшоо татаха `препятствовать` (букв. тянуть назад),

Пространство юрты традиционно делилось на почетную, сакральную, часть, где помещались бурханы (онгоны), имели право располагаться почетные гости, и мирскую зону напротив, где хранилась домашняя утварь, пища и пр. При этом обязательным было противопоставление мужского и женского пространства юрты, соответственно правой и левой сторон жилища, маркированные мужской и женской одеждой, орудиями трудовой деятельности. Такое членение пространства восходит к неразделенному мифологическому мышлению древних людей, когда человек не разделяет наделявших окружающее пространство различной семантической нагрузкой. Так, внутри жилища верхней точкой считался хоймор, нижней – входная часть. Внешнее по отношению к юрте пространство воспринималось как мужское, но и оно было неоднородно: так юго-западная территория считалась положительной, северо-восточная рассматривалась как отрицательная [Содномпилова 2002]. Подобное расчленение окружающего пространства весьма напоминает описание М. Фуко картины мира XVI в., в которой «мир – это всеобщая пригнанность вещей». «Пригнанными» (в сознании человека XVI в., по Фуко) являются такие вещи, которые, сближаясь, оказываются в соседстве друг с другом... Пригнанность – это сходство, связанное с пространственным отношением «ближнего к ближнему», выражающее соединение и слаженность вещей. Именно поэтому они в меньшей степени принадлежат самим вещам, чем миру, в котором они находятся» [Фуко 1997, с. 62,63].

Характерной для бурятской онтологии является семантическая позиция оси, организующей вокруг себя мир. Символика центра (*Эхэ шара модон`Желтое дерево-мать`, Хула модон`береза`, хада уула`горы`, сэргэ`коновязь`, гуламта`очаг`, тоонто`Родина`)* как духовно-энергетического истока является основным началом пространственной ориентации бурят.

Другим способом концептуализации пространственных впечатлений на основе определения пространственной протяжен-

ности объектов окружающего мира является линейный принцип, мерилom чаще всего в этом случае является человек, воспринимающий это пространство: говорящий, наблюдатель и др. Линейная или поверхностная система горизонтальных измерений представлена в бурятском языке различными средствами. Типичные пространственные понятия репрезентируют наречия места. Наречия *эндэ 'здесь'*, *ишиээ 'сюда'*, *наашаа 'поближе в эту сторону'* указывают на пространство, организованное вокруг личного пространства говорящего, наблюдателя, когда последний может вполне вступить в непосредственный контакт с реальным предметом мира. В этом смысле справедлива дефиниция Е.С. Кубряковой, что «пространство – это среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается, некая заполненная объектами и людьми «пустота» [Кубрякова 1997, с. 26]. Такого рода пространственные локализации свидетельствуют о том, что имеет место архаическая форма объективации пространства, когда окружающие предметы и субъекты его формируют, наполняют, задают ему границы и пределы, наделяя его различной семантикой [Ср.: Heidegger 1993, Витгенштейн 1958]. Наречия *тэндэ 'там'*, *тишиээ 'туда'*, *саашаа 'подальше в ту сторону'* являются указателями той пространственной локализации, которая исключает соотнесение и близость с личным пространством говорящего, исключает подобного рода контакты. Анализ языкового материала показывает, что последние наречия обладают достаточно широкой сферой действия: говорящий может задавать расстояния любой длины. Можно предположить, что в центре внимания говорящего находится не величина расстояния, а идея противопоставленности пространств – личного и чужого, что всегда имеет субъективный характер. Пространство наблюдателя (говорящего) находится в оппозиции пространству ориентируемого объекта. Возможность приписывать пространству самые разные размеры и масштабы вытекает из представления о протяженности пространства, которое эксплицируется данными наречиями.

Восприятие пространства предполагает выделение участка в некоторых границах. Эти границы определяются по-разному, в том числе и по выявлению его начала и конца. Начало и конец – конструкт обыденного сознания, ибо в объективном мире не существует ни начала, ни конца. По справедливому заключению Н.Б.

Мечковской, «концепты начало и конец сформировались в результате широких обобщений и высокого абстрагирования» [Мечковская 2002, с. 109]. Такого рода обобщения демонстрирует бурятская поговорка *юумэн эхитэй, захатай, тархитай, х=лтэй* 'все на свете имеет начало и конец, голову и ноги'.

1.2. Измерение пространства

Всякая ориентация в пространстве обнаруживает его членение на направления и зоны, имеющие отличительные особенности и являющиеся частью целого. Пространство, как справедливо отмечал Кассирер, представляет структуру, в которой хотя «целое (все) не выводится из части его на основе детерминированных законов, но каждая часть отражает структуру целого» [Cassirer 1955, с. 103-104]. Аристотель включал количество в систему своих категорий и отдавал ему второе место после сущностей [Степанов 1981, с. 151]. Это не случайно, ибо окружающий мир мы воспринимаем вместе с его внешними свойствами, в первую очередь в связи с количественными физическими параметрами. В бурятской ЯКМ протяженное, непрерывное пространство представлено цепью разнородных его частей, имеющих различную ценность для носителей данной культуры, и в нем можно ориентироваться и измерять его.

Пространство, окружающее человека, существует помимо нашего сознания, его отражение в языковых формах – это сложный процесс; когнитологи считают, что суждения об объектах материального мира рождаются на основе чувственных впечатлений, которые они вызывают [Miller, Johnson-Laird 1976, с. 30]. Любое открытое пространство можно увидеть. Самым древним способом измерения пространства является определение на глаз. Среди лексем, служащих измерителями такого рода, в бурятском языке выделяются следующие: *хараанай газар* 'видимое пространство' (букв. видимое место), *хара сагаан* 'расстояние, приблизительно равное 2 км' (букв. черное белое), *б=д=н тос* 'заметная глазом пылинка' (букв. толстая пылинка), *нарин тос* 'незаметная пылинка' (букв. тонкая пылинка). Зачастую такого рода измерители имели конкретную константу. Так, выражения *далан хараан газари* 'семьдесят верст' (букв. семьдесят видимая земля) *хараан газари* 'вер-

ста' (букв. видимая земля), встречающиеся в улигерах, обнаруживают один из традиционных способов определения количественной составляющей расстояния [Аламжи Мэргэн 1991, с. 114, 118]. В качестве классификаторов выступают именные слова из разряда конкретных существительных, подвергающихся счету. Происхождение термина *хара сагаан* объясняют по-разному, одна из версий заключается в том, что так называлось максимальное расстояние, которое человек мог воспринимать в сумерках, ибо в полумраке человеческий глаз способен различать только два цвета – белый и черный [Жуковская 1973, с. 14-15]. К классификаторам эмпирического плана примыкает *нохойн дуунай газар 'сравнительно небольшое расстояние'* (букв. место, откуда слышен собачий лай).

Мерой длины у бурят всегда служила антропометрическая лексика, когда в качестве измерителей выступает длина частей человеческого тела: руки, пальцев, ноги, размер их движений – размах рук, шаг и т.д. В русском языке до сих пор сохранились эти древние способы измерения: по пояс, до груди, по колено, по горло, с ноготок. В бурятском языке для более осязаемого уяснения величины пространственных параметров предмета или расстояния до него употребляются фраземы: *мухар тохой 'расстояние от локтя до подогнутых пальцев'* (букв. короткий локоть), *тохой 'расстояние от локтевого сустава до конца средних пальцев'*, *=з==р тохой 'расстояние от локтя до указательного пальца, так называемый малый локоть'* (букв. до кончиков пальцев), *хурган 'палец'*, *дуруу 'мера длины в четыре пальца'*. Мерой длины в повседневной народной практике служили естественные движения, которые свойственны человеку: *алда 'расстояние, равное длине раскинутых рук'* (букв. маховая сажень), *алха 'длина, равная шагу'*, *дэлим 'полусажень'*. Этимологизируют этот термин как *delim ← delikü 'натянуть лук'* [Ковалевский 1844]. Расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами называлось *|-м 'пядь'*, *=з==р |-м 'малая пядь'*, *мухар |-м 'укороченная малая пядь, с подогнутыми двумя суставами'*; расстояние между раздвинутым большим и средним пальцами именовалось большой пядью *т-- 'большая пядь'*, *мухар т-- 'куцая пядь, расстояние между большим и средним пальцами с двумя подогнутыми суставами'*. От вышеназванных мер длины образовались соответственно глаголы *|-млэхэ 'измерять малой пядью'* и *т--лэхэ 'измерять пядью'*.

В составе этих сложных наименований регулярно используются атрибутивы *мухар* и $=з==р$, где *мухар* 'отступающий от нормы' реализует сему 'недостаточность проявления нормы'. $+з==р$ 'острие, верхушка, конец' используется в качестве обозначения полной пяды и локтя; что указывает на наличие метонимического переноса: название меры длины *от кончиков пальцев* подменяется по смежности самой лексемой *конец*.

В ряду антропометрических пространственных измерителей, слов, указывающих на соотнесенность с определенным пространственным объемом, находим *барим* 'клок' от глагола *бариха* 'брать, держать'; *тэбэри* 'оханка' от *тэбэрихэ* 'обнимать, брать в оханку что-либо'; *адхаса* 'горсть' от *адхаха* 'зажимать в горсти'; *шэмхэ* 'цепотка' от глагола *шэмхэхэ* 'щипать'; *балга* 'глоток' от глагола *балгаха* 'глотать', *алха* 'шаг' от *алхаха* 'шагать', *алда* 'сажень' от *алдалха* 'мерять саженьями'. В практической деятельности людей важно было не точное количество, а предметное свойство определенного размера. О свойстве языка абстрагироваться от чувственно материальных свойств предметов для обобщений и идеализаций писал в свое время П.В. Чесноков: «Без чувственно материальных форм появление абстракций невозможно» [1966, с. 39]. Н.К. Рябцева отмечала, что «в обыденном сознании количество «опредмечивается», а не исчисляется, оценивается, а не измеряется, и потому окрашивается психологическим отношением к нему» [Рябцева 2000, с. 108]. В бурятском языке пространственные параметры часто служат оценочной шкалой социальных отношений человеческой личности. Наречие *наагуур* 'близко' в сочетаниях с глаголами *анаха* 'думать', *бодохо* 'размышлять', $=зэхэ$ 'узнавать' эксплицирует идею поверхностных взглядов - '*наагуур бодохо*', недалековидного поведения, неглубоких знаний - '*наагуур =зэхэ*', безразличного (лицемерного) отношения - '*наагуур хэлэхэ*'. Наречия *саагуур* 'подальше', *холо* 'далеко' в сочетаниях с этими глаголами также реализуют валентность *как?*, а не *где?*: *саагуур шэбшэхэ* 'поступать дальновидно, думать о последствиях' (букв. далеко думать), *саагуур бодохо*, *саагуур =зэхэ* 'хорошо изучить', *холо анаатай* 'с далеко идущими планами'. Языковая традиция представления аксиологической оценки пространственной и количественной лексикой находит свое продолжение и в сочетаниях, обозначающих структуру пространства по вертикали. Так, в мате-

риализации положительной оценки участвуют прилагательные =ндэр 'высокий' - =ндэр сэгнэлтэ 'высокая оценка', дээдэ 'высший' – дээдэ гарай х=н 'человек высокого полета' (букв. человек высокой руки), наречия дээрээ 'наверху' – дээрээ оройг=й 'без авторитетов' (букв. наверху, без верхушки), дээшээ 'наверх' – дээшээ хараха зон 'влиятельные люди' (букв. смотрящие наверх). Отрицательная оценка представлена словосочетаниями с дейктическими наречиями доро 'внизу' – доро унаха 'унижаться' (букв. низко упасть), доошоо 'вниз', прилагательным доодо 'низкий' – доодо шадалтай 'с низкими способностями'.

Познавая пространство, человек зачастую выражает свое отношение к его количественным величинам. Большие расстояния, объемы вызывают страх или опасение: аймшагтай холо 'очень далеко' (букв. страшно далеко), айдутай томо 'ужасно большой' (дил.). Малые размеры представляются в языке как побуждающие пренебрежение. В качестве измерителей наименьшего количества выступают обороты хюм\анай хара, хюм\анай харын шэнээн 'с ноготок' (букв. грязь под ногтями, величиной с черную полоску под ногтями), выражающие не только количественные представления, но и отрицательную коннотацию. «Антропоцентрическая интерпретация самых разнообразных явлений всегда эмоциональна, экспрессивна, импрессиивна, образна и выразительна, ср. сидеть на шее, развесить уши, обвести вокруг пальца, смотреть сквозь пальцы, гнуть спину / иметь зуб на к.-л., на лбу написано и мн. др.» [Рябцева 2000, с. 112].

Осмысление пространственных показателей в бурятском языке происходит и в категориях животного мира. Для обозначения пространственных размеров различных предметов в роли градуальных синонимов манифестируют названия домашних животных: тэмээн 'верблюд', буха 'бык', ямаан 'коза', хонин 'овца', хурьган 'ягненок', что продолжает традицию номинации явлений и предметов окружающего мира при помощи названий животных, характерную для всех монголоязычных народов. Такой способ именовании можно назвать эталонным, когда под эталоном понимается «образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией – персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойств» [Телия 1996, с. 242]. У каждого народа существует

свои собственные представления о соизмеримости человека и животного, животного и растений, человека, животного и вещей. В данном случае эти эталонизированные представления выражают образцы размера и величины. Буха 'бык' служат для обозначения чего-либо могучего, громадного, огромного: буха улаан шэнэнэн 'могучая красная листовница,' буха хара номон 'огромный черный лук', буха шулуун 'громадный камень', =хэр хулганаан 'крыса' (букв. корова крыса). Тэмээн 'верблюд' используется для указания на меньший размер, чем выше названный: тэмээн шулуун 'камень величиной с верблюда', тэмээн шубуун 'страус' (букв. верблюд птица), тэмээн хараасгай 'стриж' (букв. верблюд ласточка) и т.д. Морин 'конь' актуализирует сему 'большой': морин хана 'стена юрты с наибольшим размером ячеек', морин =льгэр 'большая былина', морин хулгана 'полевая мышь'. Следующим эталоном величины в порядке убывания выступает хонин 'овца' хонин хараасгай 'береговая ласточка' (букв. овца ласточка), хонин бургаа\ан 'ива сизая', хонин арса 'можжевельник казацкий'. Хурьган 'ягненок', продолжение данного синонимического ряда, реализует сему 'маленький' в зоологических и ботанических терминах и некоторых других: хурьган арса 'вид можжевельника', хурьган шэхэн 'щавель', хурьган за\аа 'мак голостебельный', хурьган хана 'стена юрты с маленькими ячейками'. Зоосемизмы не ограничиваются вышеперечисленными примерами. Для обозначения размера в бурятском языке употребляются и названия диких животных. Хэрмэн 'белка' используется для обозначения сухопарого, поджарого человека: Газаа\аа ногоон торгон гадартай тэрлиг доогуураа шара |элмэ хоёрые з==жэрхи|эн хэрмэн маряатай, дэрхэгэр шэхэтэй, --д-- бодошо\он шара =|этэй, |ахалаа хю\а\ан, шэр==н харасатай, шара шарайтай, нилээд х=йтэн шанартай х=н орожо ерээд, бурханда ё\ын тэдыдэ м=ргэжэ, адис абаад, То\отые халта хулта мэндэшлэн |ууха зуураа ' [Ж. Тумунов. «Нойр\оо |эри|эн тала», /амганинь хэрмэн маряатай сэбэрхэн эхэнэр харагдажа, та\а д==рэн: «Ямар |онин х=н гээшэбиши даа. Айлианаа х--р==лхэ гэжэ бодохог=й, --р--л шашаха!.. Эдээн бэлэн болоо, хоол бария! – гэнэ [Д. Эрдынеев. Х=лэг инсагална]. В данных примерах зоосемизм хэрмэн указывает на тонкое, сухощавое тело человека. Данная языковая модель представления характеристик окружающего мира через зоосемизмы находит продолжение в переосмыслении буйр

‘лось-самец’. В результате семантической трансформации *буйр* употребляется для обозначения высшего проявления признака, а в семантической парадигме слова появляются следующие семы ‘сильный, жгучий, достигший максимального проявления сил’: +бэлэй *буйр* $x=йтэнэй =едэ з--жэ тулижа, шуурга шамарганда малаа =x==лжэ байхаг=й$ |эмди ‘В трескучие морозы не стали бы мучиться переездом и в снежные метели терять скот’ [Б. Санжин], *буйр* на\андаа *ябаха* ‘быть в расцвете лет’.

Языком выбираются традиционные константы осмысления пространственных размеров путем сравнения с теми объектами, чувственное восприятие которых уже имеет место в базе данных носителей языка такие, например, как: домашние животные: =хэр *шэнги* ‘размером с корову’, *мориндли* ‘размером с коня’, *буха барагтай* ‘размером с быка’, *азарга сагаан ху\ан* ‘большая белая береза’ (букв. белая береза размером с жеребца), *тэмээн шулуун* ‘камень величиной с верблюда’; предметы дикой природы: *буха улаан шэнэ\эн* ‘большая красная лиственница’; *эреэн г=р--\эн* ‘тигр’, *сагаан баабгай* ‘белый медведь’, *борбилоогий алхамаар* ‘мало’ (букв. воробыными шагами), *добые б=рх--мэ хонид* ‘столько овец, что покрывают холм’, *талын шэнээн* ‘размером со степь’; бытовые постройки или предметы: $x=б==еын$ *гушан* |аадагшнн $д==рэг$, *гунжа =незе* |аа\аашнн *гурбан хотон болжи байг* ‘достаток в юрле сравнивается с размерами трех хотонов (загонов для скота) и колчана для стрел’, *гэрэй адли* ‘размером с дом’, *тогоон шэнги* ‘похожий на котел’, *хормой шэнээн* ‘мало’ (букв. с подол), *сомоо* ‘стог, куча, груда’, $м=рэн$ |аба\аа *гарахаа байна* ‘скоро река выйдет из берегов’ (аба ‘деревянная бочка’), *бээлэйн шэнээн* ‘толлка, малая часть’ (букв. размером с рукавичку); части тела человека: *тохойн шэнээн* ‘толщиной в локоть’, *шэгшэг барагтай зузаан =рмэ* ‘пенка величиной с палец’, |алтаа ‘расстояние между двумя расставленными ногами’, *алдын шэнээн* ‘размером с сажень’, *хамсын шэнээн* ‘толщиной с рукав’. Практика эталонного сравнения двух разных объектов в целях определения количественных пространственных величин распространяется и на абстрактные сущности. Так, оценка этических и нравственных качеств в бурятском фольклоре происходит в рамках данной пространственной эталонной модели: =гэнишнь – *буха, уханишнь - тугал* ‘быть хозяином своих слов’ (букв. слова размером с быка, а ум - с теленка), *танил-*

тай х=н талын шэнээн, танилг=й х=н альганай шэнээн ‘человек, имеющий друзей, размером со степь, человек, не имеющий знакомых, размером с ладонь’.

Для обозначения неопределенных больших размеров или неисчислимого количества, занимающего большое пространство эксплуатируется идея далай ‘море’: далай дабирхай з--риин эзэн болохо ‘стать хозяином несметного богатства’ (такого большого, как море смолы), далай ехэ таряалан ‘беспредельное хлебное поле’ (букв. море хлебного поля), далай дабирхай мяхан ‘горы мяса’. В этой же функции употребляется |=ри |--г (стог, куст), выступающее классификатором больших габаритов: |=ри |--г найдуулха ‘пообещать многое’. В качестве противоположного члена оппозиции – ничтожно малых величин – выступает ду\ал ‘капля’: ду\ал у\анай зэргэ далай болгохо ‘из капли сделать море’.

Весьма древним и широко распространенным способом измерения пространства является приравнивание к временным отрезкам. Одним из таких эталонов была продолжительность дня и ночи: гурбан хоногшын газар ‘расстояние в три ночевки’, =дэршын газар ‘расстояние дневного перехода’, хоногшын газар\аа сухариха ‘вернуться на расстояние одной ночевки’. Считалось, что за один световой день можно было преодолеть три уртонa, а уртон – расстояние между двумя почтовыми станциями, равное примерно тридцати километрам, поэтому =дэршын газар равен девятистам километрам. Классификатором измерения расстояния временем у монголов является также лексема н==дэл, н==лгэ ‘кочевка’, то есть перемещение с одной стоянки на другую целой группой семей со своим имуществом и скотом. Одна кочевка равнялась примерно десяти километрам. Большая часть жизни кочевника проходила в перемещениях, которые имели и сезонную периодичность, поэтому в языке некоторые топографические координаторы реализуют временные семы: зу\алан ‘летнее поселение’, =бэлж--н ‘зимнее поселение’. Широко используется в повседневной речи обозначение расстояния с помощью слова модон ‘дерево’, равное одному километру. Одни исследователи считают, что происхождение этого слова связано с километровыми столбами вдоль дорог.

Итак, количественные измерения пространства в обыденном сознании бурят характеризуются использованием антропометрической, зооморфной, перцептуальной и временной моделей.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что механизм определения пространственных размеров не был связан с фиксацией точного количества, сколько с оценочной деятельностью, и носил на начальной стадии сравнительный характер. Предметы окружающего мира подвергались сравнению с человеком и его размерами, с домашними животными и их размерами, с временными отрезками различных видов хозяйственной деятельности.

1.3. Парные слова и редупликаты как средства объективации пространственных идей

Пространственные идеи находят в человеческом сознании и в языке сложное и разнообразное выражение. В бурятском языке в процессе категоризации пространственно-временного континуума и объективации пространственных идей участвуют парные слова. Под парными словами понимаются сложные лексические единицы, обладающие целостным смыслом, образованные в результате семантической трансформации сочинительных сочетаний, включающих два однородных слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия). Структура парного слова представлена двумя элементами, большинство из которых бытует в языке в качестве самостоятельных слов. В литературе такие номинативные единицы иногда именуются композитами сочинительного типа.

Парные слова не раз являлись объектом лингвистических изысканий. Так, еще в V-VI вв. до н.э. Панини рассматривал парные слова санскритского языка как сложные слова. Д. Вайс в статье «Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга» выявлял главный и зависимый компоненты русских двойных глаголов типа *пить-есть*, *плакать-рыдать*, *целовать-миловать*, *жили-были* [Вайс 2000, с. 356-378]. Б. Велхли относит парные слова к сложным словам, *natural coordination* 'естественное связывание', объединяющим два естественных связанных понятия [Walchli 2003]. В русском языкознании уделено внимание проблеме слов-композигов их роли в развитии поэтической образности фольклора. При определении статуса композитных соединений Н.М. Шанский [1968], В.А. Плунгян [2000], Л.П. Евгеньева [1963, с. 260], Ткаченко [1979], А.Т. Хроленко [1972] однозначно относят их к сложным словам, имея в виду в качестве аргумента воспроизводимость,

цельноформленность и идиоматичность значения парных слов. Для А.А. Шахматова [1941] парные сочетания – единицы синтаксиса.

В тюркологии и монголоведении нет единства в определении статуса парных слов, так А.Н. Кононов [1948] и Н.А. Баскаков [1952] рассматривали бинарные образования как сложные слова сочинительного типа, Н.К. Дмитриев [1930] относил их к словосочетаниям. В монголоведении вопрос о специфике парных слов как наиболее древнего и продуктивного способа словообразования впервые был заявлен А.А. Дарбеевой [1963], которая выявила сферу их использования – фольклорные и художественные произведения, разговорный узус. По мнению А.А. Дарбеевой, "парные слова представляют собой особый тип сложных слов, образованных синтаксическим способом сочинительного соположения двух равноправных слов. Парные слова относятся, с одной стороны, к лексикологии, создавая новые понятия или новые оттенки понятий, тем самым пополняя лексический состав языка. А с другой стороны, при образовании парных слов используется синтаксический прием сочинительного соположения для образования новой лексической единицы. Но вместе с тем между сочетающимися компонентами парных слов нет никаких синтаксических отношений, т.е. они не определяют и не дополняют друг друга [Дарбеева 1963, с. 18]. Т.А. Бертагаевым парные слова отнесены к номинативным сочетаниям, но при этом ученый отмечает, что «уровни слова и словосочетания в силу их пограничности настолько близки друг к другу, что могут переходить из одной смежной зоны в другую: слово становится компонентом номинанта сочетания, а последнее трансформируется в сложное слово» [Бертагаев 1971, с. 11]. Т.А. Бертагаев рассмотрел процесс формирования значения номинативного биннома и роль мотивировочных признаков компонентов в него входящих [1955]. Л.Д. Шагдаров при изучении изобразительных слов современного бурятского языка уделил большое внимание парным звукоподражательным словам и парным образным словам, выявил особенности фонемной организации слоговой структуры, выделил их в семантически и структурно особый разряд слов в словарном составе языка. [1962]. Г.С. Биткеева, П.Ц. Биткеев отмечали, что в парных словах значения компонентов в равной мере участвуют в формиро-

вании новой семантики, уточняя и дополняя значение одного из них [Биткеева, Биткеев 1985, с. 12].

Г.Ц. Пюрбеев выделил аналитический и синтетический способ создания семантической структуры понятия, передаваемого парным словом [Пюрбеев 1984]. В других научных изысканиях рассматривались особенности парного словообразования имен существительных [Дондуков 1963], роль парных слов в создании идиостиля писателя, характеризующих художественные тексты Х.Намсараева [Будаев 1989], некоторые структурно-семантические признаки сложных слов [Надмидон 2007, Санжина 2010, Омакаева, Бадгаева 1980]. При этом специфика организации единства комбинативного значения парных слов, представляющих значительный пласт лексики бурятского языка и не получивших детального описания, вызывает интерес и заслуживает внимания как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

С точки зрения смысловой структуры парные слова в бурятском языке подразделяются на структурно-мотивированные и структурно-немотивированные. Структурно-мотивированные парные слова отличаются относительно открытой семантической структурой, содержание которых поддается непосредственному соотносению с соответствующими выражениями [Ахманова 2007, с. 244], например: *һууха байха* `проживать на одном месте` (букв. сидеть, стоять), *болдог боори* `бугры` (букв. кочка, возвышенность), *алад саана* `далеко` (букв. даль, подальше). К структурно-немотивированным относим парные слова с закрытой семантической структурой, не поддающейся разложению на отдельные лексические единицы, например: *ээбэ-ээбэ* `едва-едва` (о движении замерзшего или больного человека), *шагша шашаг* `незаметный, незначительный`, *хархи хурхи* `громоздкий`, *тохиг-тохиг гэхэ* `о походе сухощавого, сутулого человека`. Предметом исследования послужили структурно-мотивированные парные слова с целью выявления репрезентируемых ими пространственных идей.

Итак, парные слова бурятского языка отличаются семантической монолитностью, которая довлеет над структурной разделенностью составляющих элементов и формирует концептуальное единство. Как показал анализ, концептуальное единство достигается несколькими семантическими и структурными закономерностями.

- Смысловое содержание анализируемых конструкций может быть обусловлено единством образа, подвергающегося метафорической дефиниции, например: *эхи заха* `начало`, *хаяа хашаа* `строение, постройки`, *айл аймаг* `семья с родной родословной`; а также тем, что они адресованы к одному и тому же или близким понятиям, в этом случае компоненты парного слова представлены синонимами или словами одной тематической группы, например: *хилэ мужа* `черта, грань`, *хобхор-собхор* `о беге вприпрыжку (например, о волке)`, =лгэ *һалга* `дряхлый ветхий, трясущийся`, *хааха хашаха* `закрывать, притеснять`, *тэгнэхэ ашаха* `вьютить`. Синонимическая избыточность, характерная для совмещенной семантики парного слова, более емкой, чем значение слов-компонентов, в него входящих, чаще всего служит для интенсификации признака; усиление смысла происходит в результате удвоения исходного признака, названного мотивирующими словами: =л== *дутуу* `излишки` (букв. *лишний, недостаточный*), *хорёо шэбээ* `изгородь` (букв. *ограда, забор*), *залуур сэхэ* `прямой` (букв. *выпрямленный, прямой*) и др. Глагольные парные слова данной группы актуализируют пространственные и параметрические характеристики движущегося объекта, называя одно действие, но характеризуя его с разных сторон: *таршалха тэршилхэ* `копаться` (букв. *переворачиваться с боку на бок, возиться*), *х--бэртэхэ х--рэхэ* `подниматься (о тумане)` (букв. *покрываться пышной шерстью, подниматься вверх*), *хотирхо бэтирхэ* `извиваться (о дороге)` (букв. *витья, петлять*). С точки зрения выражаемого значения один элемент глагольных парных слов называет действие, другой служит для его интерпретации.

- Другую пропозициональную структуру демонстрируют парные слова, в которых можно вычлени́ть базовое или родовое понятие и аргумент, например: =лгэн *дэлхэй* `земные просторы` (букв. *необъятный, мир*), *һарьдаг мундарга* `гольцы` (букв. *безлесная вершина, вздымающийся*), *газарай мухурта* `на краю земли` (букв. *земли, в тупике*), *һужсаг набтар газар* `низменное место` (букв. *впадина, где во время разлива бывает вода, низкий*), *һалаа һадариг* `разветвления` (букв. *разветвления, неровный*). В парных словах данной группы обнаруживаются рудименты подчинительных отношений: один компонент определяет общую семантику, второй представляет признаковое значение: *һаад т=бэг* `препятствие`

(букв. препятствие, беспокойство), *хойногор ута* `длинный (только о шее)`, *эхи нуури* `основа` (букв. начало, место).

- Нередко семантическая близость между компонентами парного слова с пространственным значением может строиться по схеме локативных отношений, в этом случае каждый из компонентов выступает аргументом пропозиции, конкретизирующим место в пространстве, например: *айл тииргэн* `село` (букв. семья, стоянка), *аян зам* `путь` (букв. путешествие, дорога), *байра бууса* `место жительства` (букв. место пребывания, стоянка), *гол уһан* `река` (букв. река, вода), *губи тала* `степь` (букв. пустыня, степь). Как правило, два совершенно равноправных компонента парного слова различаются тем, что один из элементов парных слов данной группы имеет более частную семантику, а другой – логически выделяемую инвариантную.

- Количественно-разделительные отношения актуализируют парные слова, структурно-семантический тип которых построен на основе партитивных отношений: *ойн модон* `леса` (букв. лес, дерево), *тосхон айл* `поселок` (букв. селение, дом), *хаяа хааша* `постройки, двор` (букв. стена, забор), *мал адаһан* `скот` (букв. скот, домашнее животное). Эти слова называют множество из двух типов объектов, указанных в мотивирующих основах. В этом случае сформированную семантику множественности можно рассматривать как суммирующую.

- Некоторая часть парных слов демонстрирует собирательную модель. Бинарные образования, входящие в данную группу, эксплицируют совокупность отдельных предметов или понятий в отвлечении от последних, например: *==лэ манан* `облака, тучи`, *=ер лай* `наводнение`, *болдог боори* `бугорки`, *болдор-ялдар* `кочки`, *бур шабар* `топь`, *г=н г=нзэги* `бездна`, *добо дошо* `холмы`, *нюр-ган ара* `рост`, *обоо-собоо* `куча, скопление`, *нуур далай* `водоемы`, *хада уула* `горы`, *шэнжэ т=хэл* `форма, вид`, *эиэ* *=ндэһэн* `основа`, *яма янха* `яма`. К структурно-семантическим отличиям единиц названной группы можно отнести логическую конструируемость наименования, когда пространственные семы компонентов довольно прозрачно обнаруживаются в его словарных дефинициях и общее отвлеченное значение отличается отнесенностью к родовой понятию более высокого порядка.

• Продуктивной моделью образования парных слов можно назвать агентивную модель. Особенностью данного словообразовательного типа является определение высокой активности предмета описания, которая в первую очередь соотносится с пространственной конфигурацией объекта, представленной в виде интегрированных перцептивных образов. В отличие от прилагательных с пространственным значением, содержащих параметрические признаки в силу их категориальной функции, парные слова выражают пространственные характеристики движущегося объекта в комплексе. К релевантным относятся такие параметрические признаки, как размер, например: *һарха-барха* `нагроможенный`, *ама яма* `в большом количестве`, *аржа-баржа* `кучей, массой`, *арнайха тарнайха* `быть большим и несуразным`, *б=мбэр-б=мбэр* `о походе маленького круглого существа`, *балсар-балсар* `о походе толстого существа`; характер очертаний: *һагса-һагса* `о резком движении кого-либо взлохмаченного`, *һамбагар һэмбэгэр* `торчащий, пышный`, *һээзэг-һээзэг ябаха* `ходить, откинувшись назад корпусом, прихрамывая`, *=һэрхэ эрзыхэ* `ощетиниться`, *=гсэ-гсэ* `неуклюже, мешковато подсакивать в седле при езде`, *эрбэ-эрбэ* `о движении или легком мелькании чего-то растопыренного или развилистого`; форма: *ядагар мадагар* `торчащий, объемный`, *шоб-шобхо* `остроконечный`, *ш=мэ-ш=мэ* `о движении кого-либо остромордого или чего-то остроконечного`, *хотирхэ бэтирхэ* `извиваться (о дороге)`, *уриша-буриша* `о движении чего-то сморщенного`, *шаха-шаха* `о движении человека с короткой шеей`; открытость или закрытость границ: *зуунаг-зуунаг г=ллэхэ* `то открывать, то закрывать рот`, *дажарха дайлаха* `вторгаться`. Приведенные примеры отчетливо демонстрируют специфику осмысления пространственных характеристик движущихся объектов: для парных слов агентивной модели когнитивно значимыми является не столько факт передвижения, сколько собственно пространственные параметры объекта – его форма, размер, способ перемещения, особенности очертаний. Подобного рода сложность пространственных представлений составляет, на наш взгляд, особенность пространственной картины мира, отраженной бурятским этносом и зафиксированной в языке не только парными словами, но и глагольными формами и прилагательными.

Парные слова с пространственной семантикой можно условно поделить на два больших разряда. Первая группу составляют бинарные сочетания, характеризующие динамическое преодоление пространства. Во второй представлены парные слова, пространственное значение которых свойственны статичным предметам.

Парные слова динамической модели реализуют следующие значения:

1. параметрические характеристики передвижения

а) **форма и размер движущегося предмета.** Парные слова, участвующие в описании движущегося предмета в бурятском языке, представляют собой двухкомпонентные образования. В первую очередь они эксплицируют такую особенность характера движения, как скорость - *алхаха яараха`торопливо шагать`*, $\text{|\}=\text{дэл-|\}=\text{дэл гэхэ`едва перебирать ногами`}$, $\text{|\}алир\text{-|\}алир алхалха`с трудом шагать`$. При этом определение характера перемещения неразрывно связано с указанием на параметры описываемого объекта. К релевантным признакам маркированности можно отнести предельные внешние очертания, например: *сэлхэр-сэлхэр`о бегах черезчур полного человека`*, *тохиг-тохиг гэхэ`о походе сухощавого, сутулого человека`*, *хобиг-хобиг алхалалдаха`семенить (о ком-либо высоко и тощем)`*; беспорядок во внешнем облике: *лагса-лагса`о резком движении кого-л. взлохмаченного`*, $\text{|\}эгсэр\text{-|\}эгсэр`о движении кого-либо воздушного, лохматого`}$, $\text{=рзэ-}=рзэ`о движении кого-л. взлохмаченного, с беспорядочно торчащими волосами`$, *орбоготробо, орбого-сорбого`о движении чего-то лохматого`*; доступность для проникновения извне: *анга-анга`говорится о движении чего-то полуоткрытого`*; особенности строения: *шахашаха`о движении человека с короткой шеей`*, *эрбэ-эрбэ`о движении или легком мелькании чего-то растопыренного или развилестого`*.

б) **движение на лошади.** Передвижение на лошади для номадов, к коим относятся и буряты, было единственным способом преодоления пространства, поэтому в языке широко представлены конструкции, обозначающие данное действие. В семантике парных слов, используемых языком для разграничения качественных составляющих процесса езды на лошади, представлены три признака. Первый обусловлен характером местности, по которой осуществ-

ляется перемещение: *дондорхо-дэндэрхэ` подбрасывать на плохой дороге`, обхо-обхо ябаха`ехать, подпрыгивая в седле`. В соответствии со вторым имплицитируются умения и навыки владения конем: *ᠮᠡᠮᠦᠷ-ᠵᠡᠪᠡᠷ`идти плавной походкой`, =ᠭᠰᠡ-ᠭᠰᠡ`неуклюже, мешковато подсакивать в седле при езде`, гуйбар гайбар`качаться на ходу`. Третий определяет живость и прыть самого коня как средства передвижения: *сэл-сэл хашарха`бежать рысью`.***

в) **параметрические особенности походки.** В естественных языках объекты и предметы, наполняющие пространство, воспринимаются, осознаются и обозначаются в языке с учетом их параметрических особенностей. Индивидуальные различия образуют некоторые типичные формы систематизации наблюдаемых реалий. Отражая специфику передвижения людей, парные слова демонстрируют результат соотношения описываемого объекта с целым рядом прототипических категорий. Основанием таких номинаций служат размер - *балсар-балсар`о походке пухлого существа`, унжа-унжа`движение долговязового или растянутого`;* объем - *б=мбэр-б=мбэр`о походке маленького круглого существа`, б=лхэр-б=лхэр`о походке круглого человека`, ёрог-ёрог гэхэ`двигаться с прискоком` (о ком-либо долговязом);* освещенность - *барба-барба`о походке лохматого, черного, движущегося в темноте`;* физическое совершенство или его отсутствие - *маяг-маяг`о походке кривонного человека`, ялта-ёлто`о походке хромого человека`, таабагас таабагас алхалха`идти важно`, лапар-лапар`пружинисто шагать`;* обычность или неестественность движений: *б=гзэ-б=гзэ`походка неуклюжего, замерзшего, стесненного в действиях человека`, бэбэ-бэбэ (бэгзэ-бэгзэ)`о движении нагнувшегося, замерзшего существа`, |эззэг-|эззэг ябаха`ходить откинувшись назад корпусом, прихрамывая`, размахивая руками`;* колебательные движения относительно вертикальной или горизонтальной оси координат, например: *зантар-зантар ябаха`идти, покачивая головой`, гульбир-гульбир`ходить вразвалку`, |алжар-|улжар ябаха`идти вразвалку, дохиг-дохиг`о походке, сопровождающейся кивком головы на каждом шагу`, арза-барза`про движение по неровной поверхности`, гульба-гульба` (ходить) медленно и развинченно`, з=хэр-з=хэр ябаха`ходить, покачивая головой`, |абхар-|абхар (Алхига |улхига)`вяло, разболтанно (о движении)`, атир-түтир алхалха`шагать, покачиваясь`, сэл-сэл х=нд-р ябаха`идти враз-*

валку`, хэлтэ-ялта `о переваливающейся походке хромого человека`, гунха-гунха `о кивании поникшей головой`, гэлжэ-гэлжэ `о неуклюжем движении шеи`; положение тела человека или его частей при ходьбе: бидар-бидар `о походке человека с откинутой головой и выпяченным животом`, г=хэр-г=хэр гэхэ `о походке сутулого человека`, гэлжэр-галжар гэжэ ябаха `шагать неуклюже`, муяг-муяг гэхихэхэ `ходить с согнутыми в коленях ногами`; частота шагов, например: ибар-ибар гэхэ `семенить` и др.

д) **движение других живых существ.** Исходным моментом репрезентации пространственных передвижений других живых существ выступает чувственный образ, не сводимый к определенным типам и закономерностям, весьма разноплановый и индивидуальный, как и сам объект внеязыковой действительности. Его вербализация строится на передаче особенностей положения тела или его частей при перемещении. Для формирования общего представления об объекте язык акцентирует внимание на:

- движениях крыльев: |аб-|абхан дэбихэ `слабо махать крыльями (например, о сороке). Конструкция |аб-|абхан возникла в результате вторичной производной номинации от |абхан `промежуток, огрех`. Для выражения абстрактного понятия *медленно* язык выбирает временной интервал между взмахами крыльев, служащий ассоциативным показателем скорости полета птицы.

- характере передвижения. Интерпретация движения основана на выделении доминирующего признака, например, перемещение гривы на спине верблюда: зойгор-зойгор ябаха `идти, раскачиваясь (например, о верблюде), резкий подскок при беге: огсогод-согсогод г=йхэ `бежать вприпрыжку (например, о зайце), |обхор-собхор `о беге вприпрыжку (например, о волке), д=гдэг-д=гдэг `вприпрыжку`, длина одного прыжка унжар-унжар г=йхэ `бежать большими прыжками (о волке)`. Зачастую характер и особенности передвижения животного объясняются взаимным расположением относительно друг друга частей его тела или привычным поведением, например: зуубаг-зуубаг `о движении вытянутой пасти волка`, тонгор-тонгор харайлдаха `прыгать, поднимая зад (косуля)`, хондого-хондого харайха `бежать, подбрасывая зад (о зайце) (букв. выпячивая-выпячивая прыгать), |р--д-|р--д ябаха `двигаться подпрыгивая`, дэбхэрхэ собхорхо `прыгать` (букв. прыгая, подпрыгивать);

- внешнем виде животного во время действия: *᠋ᠪᠬᠠᠷ-᠋ᠢᠪᠬᠡᠷ* `быстрый бег лисицы или медведя` (букв. *растрепанный, взлохмаченный*), *ш=мэ-ш=мэ* `говорится о движении кого-л. остромордого или чего-л. остроконечного`, *муха-муха* `о движении кого-то с комолой головой`;

- скорости: *᠋ᠪᠢ-᠋ᠪᠢ* *дугшаха* `конь бежит ленивой трусцой` (букв. *слабо-слабо*), *орьёсо-торьёса г=йхэ* `бежать во весь дух (например, о верблюде)` (букв. *так что ветер взвился бежать*);

- цвете движущегося объекта: *сайба-сайба* `о движении чего-то белого`;

ж) каузация параметрических характеристик движения. Значительная часть парных слов с пространственной семантикой выражает пространственную каузацию. Под каузативными понимаются отношения, выражающие причинно-следственные отношения в действительности [Ахманова 2007, с. 193]. Пространственная каузация предполагает изменение положения или перемещения в пространстве, обусловленное разными причинами. В бурятском языке в отношении парных слов манифестируют следующие:

- усталость или старость, приведшие к изменению физического состояния: *лгэ* *᠋ᠠᠯᠭ᠎ᠠ* `с неверной походкой`, *ээбэ-ээбэ* `едва-едва (о движении замерзшего или больного человека)`;

- действие ветра: *дарба-дарба* `о покачивании чего-то содранного или всячего`, *дали-дали* `о движении чего-то болтающегося`, *дарсага-дарсага* `о трепетании чего-либо шуршащего`, *налба-налба (нарба-нарба)* `медленно развеиваться на ветру (например, знамя), *намхи-᠋ᠠмхи* `о чем-то всящем и развеиваемся`;

- физический дефект: *алсаг-алсаг* `нараскорячку`, *годиг-годиг* `шевелить чем-то кривым`, *ялтаг-ялтаг* `переваливаться с боку на бок`;

- физическое воздействие: *уры-хуры татаха* `трепать в разные стороны`, *дарбаха дэлихэ, дарбаха* *᠋ᠢᠪᠢᠬᠡ* `размахивать, махать`, *дохи-дохи* `кивать`, *духа-духа* `движение головы при кивании`;

- состояние отсутствия покоя: *урша-урша* `о движении чего-то сморщенного, *г=рбэн гайбана* `качается, извиваясь`, *хотиго-нуур-бэтигэн=р* `вертялый`, *годи-боди* `извиваясь`, *=рбэ =рбэ* `осязать легкие прикосновения`, *татаг татаг* `подергиваться`;

татагад татагад гэхэ `содрогнуться`, =ймэн х--рсэг `суета, су-толока`, отог-оргой `хаос, беспорядок`, эмирхэ томохо `скручивать`.

2. положение в пространстве:

- отклонение от вертикального или горизонтального положения: нахид-нахид гэхэ `сгибаться и распрямляться`, $d=x-d=x$ гэхэ `неуклюже нагибаться`, $b=x-b=x$ `нагибаться`, таршаха тэриэлхэ `переворачиваться`,

- горизонтальное распространение: дэлгэрхэ дээхэ `растийлаться`, хойно хойно\оон `один за другим, гуськом`, хоёр хоёроор `по двое, попарно`, по кругу: хубилха $t=r$ гэхэ `рождаться`, эрьелдэ эрьелдэ\ээр `кружась`, эрьехэ тойрохо `кружить вокруг, объезжать`, ээрэн тойрон $m=l$ гэхэ `ползать, извиваться`, эмхи гурим `порядок`,

- вертикальное расположение: унжыха \энжыхэ `свисать (например, о веревке), тээхэ ашаха `вьючить`,

- то появление, то исчезновение: едор-едор гэхэ `то высываться, то исчезать`, зураг-зураг `о летящих искрах`, хунгаха шунгаха `прятаться`, ялаг-ёлоб гэнэ `мерцать`, хааха хашаха `закрывать`, хосорхо \алаха `исчезать`,

- нахождение в водном или воздушном пространстве: оймохо хуймаха `плескаться в воде`, элихэ дэлихэ `парить`,

3) неоднородное преодоление пространства:

- беспорядочное движение (отсутствие заданного направления): среди парных слов, обозначающих беспорядочность преодоления пространства, выявлены \аадага \==дэгэ `вспокоиться, суетиться`, =ймэхэ х=ймэхэ `суетиться`, ишиэ тишиэ абаашаха `туда- сюда растаскивать`, хайшаха хайраха (=дхэлхэ) `брыкаться прыгать ногами`, г=йхэ харайха `бегать, носиться`, зайха зураха (сохихо, тэнэхэ, зольборхо) `бродить, шляться`, хайха хадарха `искать, разыскивать`, --дэ \--ргэ `ходить взад вперед`. Отсутствие строго определенного направления движения формирует идею хаоса, суэты, беспорядка;

- направление: газарай мухарта тулаха `подступать к краю земли`, нара буруу ябаха `идти против движения солнца`, нара з=б гороолхо `двигаться по движению солнца`, нюур нюураараа уулзаха `встретиться лицом к лицу`, =рин тарин =гы болохо `исчезнуть`

в разные стороны`, з=г з=г тээшээ тараха `разойтись каждый в свою сторону`, з=г шэг ололго `ориентация в пространстве`, хаа-хаанахи, хаа хаагурхи `с разных мест, отовсюду`, холо ойро\оо `отовсюду`;

- нарушение единства пространственного объема: хахарха бутарха `раскалываться, разламываться`, хорохо хаһаха `убавлять, сокращать, уменьшать`, эбдэхэ \андааха `разрушать, разбивать`, харьялха орьёлхо `бурлить` (о реке, потоке), эндэг тааг `неровно`;

- действие по сосредоточению в одном месте: \арбага-\арбага гэхэ `стараться схватить руками`, хамаха бажууха `хватать все, забирать, сгребать`, хум-хам гэхэ `собирать быстрыми и резкими движениями`.

4) границы преодоления пространства

алад саана `далеко`, алад сааша `дальше`, алас холо `далеко`, зай т=й `помеха, препятствие`, тойбо т=дэг `препятствие`, эхи заха `начало`.

Парными словами статичной модели реализуется следующие интегральные семантические признаки:

1. топологические характеристики пространственных объектов:

а) **размер:** значительный по величине размер эксплицируется в бурятском языке, во-первых, при помощи прямой редупликации языковых единиц, носителей базового признака, например: ехэ ехэ `самый большой`, сэлсэгэр сэлсэгэр у\ан `крупные капли дождя`, \уунагар-\уунагар `длинный`, утын ута `длиннющий`, ярда-ердо бээтэй `худой` (букв. с выпирающими от худобы костями), хаби-хабигар `худой, как щетка`. Перцептивный признак величины объекта как результат действия чувственных каналов получения информации часто формирует качественную оценку параметрического признака (положительную или отрицательную) в зависимости от общепринятых норм конфигурации. Фиксируются не только знания о предметах мира, но и отношение к ним. При этом основная модель описания варьируется в зависимости от объекта, которому приписывается данный признак. Так, крупные размеры связаны в языковом сознании с идеями неудобства и затруднительности, например, в семантической структуре адар томо содержится два компонента адар `неудобный, громоздкий` и томо `большой`, про-

должение этому находим в арнайха тарнайха *‘быть большим и несуразным’*. Рассматриваемый сценарий действует только при определении признаков живых существ, что вызвано тем, что большие габариты являются препятствием при движении. Указания на значительный размер других пространственных объектов демонстрируют положительную или нейтральную оценку: *арьягар-дарьягар ‘массивный, величественный’, мантан томо ордон ‘огромный дворец’, хархи хурхи ‘громоздкий’*. Для идентификации параметрических свойств объектов окружающего пространства при помощи парных слов бурятский язык выбирает путь многопрофильного отражения, при котором происходит одновременная двойная классификация, например, по длине и форме: *ёрогор ута ‘длинный и острый’, ш=рдэгэр нарин ‘тонкий, длинный’, |уунагар ута ‘длинный, худой’, ута унжагар ‘длинный, растянутый’*; по ширине и объему: *хабшуу уйтан ‘узкий и тесный’, |ойногор ута ‘длинношей’; тобир тарган ‘упитанный, полный’*; пропорциональности и отсутствию дефектов: *зуйр жэгдэ ‘стройный, ровный’*; высоте и росту: *нюргалиг =ндэр ‘рослый, высокий’, ута гонзогор ‘длинный, высокий’, охор мухар ‘короткий, недостаточный’*; открытость и прямое направление: *залуур сэхэ ‘прямой’*; большое пространство по ширине и длине: *х=рхигэр томо (ужам) ‘растоплающийся, огромный’*. В некоторых случаях обозначение признака происходит с использованием парных слов, выполняющих роль классификаторов, так, например, такие выражения, как *гойр годли ‘исхудалый (букв. кляча, стрела)’*, *ар|а я|ан ‘худой (кожа, кости)’* не только отражают свойства рассматриваемого объекта, но и задают параметры самого признака, ориентированные на обычную норму форм человеческого тела. Таким образом, в основе последних номинаций лежат процессы выделения минимальной допустимой нормы и сравнения с подобными предметами и объектами.

б) количество как пространственный признак: восприятие, осмысление и категоризация пространства невозможны без освоения количественных показателей. Язык, отражая результат этого процесса, демонстрирует несколько моделей обозначения количества. Одной из наиболее распространенных является редупликация, уже упомянутая выше. С помощью редупликации в первую очередь формируется значение множественности, имплицитующее идею большого пространственного объема: *|=рэг | =рэг--р-- ‘тол-*

нами, стадами`, *арха-барха* (*Арха-эрхэ, архи-дархи*) `нагроможденный, сваленный кучами`, *аржа-баржа* `кучей, массой`, б=лэгс=лэг `группы, кучки`, *ама яма* `в большом количестве`, *ира-ира* `кишет во множестве`, *обо-собо* `скопление`. Представления о большом количестве объектов неразрывно связано с территорией их распространения или пребывания, что возвращает нас к идеям В.Н. Топорова [1983], который утверждал о существовании двух представлений о пространстве как таковом. Первое основано на теории Ньютона и отвлечено от чувственного восприятия, второе согласно Лейбницу отличается тем, что «определяется порядком сосуществования вещей» в нем. Для бурятской языковой картины мира больше характерна трактовка по Лейбницу, когда пространство определяется совокупностью объектов, его составляющих, что демонстрируют и парные слова. Для обозначения множественности язык эксплуатирует идею цвета, например, в *хара мянган* `очень много` лексема *хара* `черный` путем метонимического переноса профилирует идею большого количества, т.к. совокупность предметов, составляющих единое целое, визуально воспринимается как чернеющая на фоне зеленой степи масса. Ассоциативно-когнитивная схема данной номинации выглядит следующим образом: *скопление чего-либо* → *цвет* → *бесчисленное множество*. Количественный цветовой показатель интенсивности усиливается лексемой *мянган* `тысяча`, прямое значение которой уже несет указание на множество кого-либо или чего-либо. Следует отметить, что избыточность в представлении перцептивного признака не единичны в бурятском языке, данную модель репрезентации пространственных характеристик находим в парных словах: *уби ехэ* `великое множество`, *пирагар олон* `о множестве отдельных и одинаковых предметов`. В последней номинации репрезентация большого пространства земли становится возможной, благодаря семантики двух лексем, где *пирагар* ориентирует на единство многих однородных предметов, а *олон* – на их множество. К данной модели можно отнести и парное наименование *баглагар* = *дхэн* `густой`, определяющее, например, *лес, чащу, туман* и т.п. Пространственная семантика значительного объема формируется в результате усиления смысла двумя составляющими: *баглагар* `виднеющийся сплошной массой` и *=дхэн* `густой`.

При осмыслении количественных отношений неизбежно выделение не только очень большого количества или совокупности объектов, объединенных одним признаком, но и других значимых элементов, находящихся на другом конце оппозиции. Парное слово как нельзя лучше способно передать незначительность объема заполняющих пространство предметов путем удвоения идеи неопределенности, например: *тэды эды `некоторое количество`*, для этого используются неопределенные местоимения – *эды `скольконибудь`* и *тэды `столько`*. Однако некоторые из парных номинаций не столько называют минимальное количество или его незначительность, сколько выступают указателем количества на единицу площади: *борхи-торхи `редкий`*, *эрбэ шэрбэ `редкий, колючий`*, *заа-зуу (заа-зуухан) `немножечко`* (букв. *маленький, схваченный зубами*).

в) особенность поверхности: существует группа парных слов, чье толкование включает семантический признак *`особенности поверхности`*, относимый нами к признакам, участвующим в концептуализации пространства. Этот признак имеет существенное значение в определении перцептивного признака поверхности земли, в описании особенностей и способов преодоления пространства. Какие же перцептивные признаки поверхности выбираются носителями языка в качестве релевантных и получают фиксацию в языке? К ним относятся неровная, скользкая и тягучая поверхность, песчаная. При обозначении неровностей язык выбирает в качестве носителя признака возвышенности и впадины, например: *алдар-болдор `кочковатый`*, *болди-солди `шероховатый`*, *ербо-тарба газар `в ухабах`*, *жалга яма `ямы и рытвины`*, *обойхо-тобойхо `выдаваться над поверхностью`*, *ялха-ёлхи `в выбоинах`*, *янхагар хонхогор `неровный, с ямами и бугорками`*; скользкая и липкая поверхность ассоциируется с чем-либо размазанным или расплюснутым: *нилар-нилар `о скользкой, слизистой поверхности`*; узловатость форм получает наименование в результате слияния двух признаков – наличия пятен и завитков: *аржагар буржагар `корявый`*; что касается эл\э шорой *`песчаный грунт`*, то здесь идея поверхности земли предстает в виде двух однородных предметов – песка и почвы, в парном сочетании данных лексем можно усмотреть рудименты подчинительных атрибутивных отношений;

г) протяженность: при обозначении протяженности бурятские парные слова реализуют неопределенную безграничность расстояния или непосредственную близость локализуемого объекта: 1) |=нгэ салуу `просторный`, =лгэн дэлхэй `необъятный мир`, =лгэн орон `беспредельная страна`, =ргэн дэлхэй `земные просторы`, уужам ехэ (дэлгэр, зайдан, $\text{=ргэн, салуу, талуу}$) `обширный`, =ргэн х=дэр `широкий`, намжаа =ргэн `просторный, привольный`, нюдэ алдама `бескрайний`, эхи захаг=й `бесконечный`; 2) алда аршам `длинной в маховую сажень`, |ула алга `находящийся на воле (о коне)`, д=тэ шадар `поблизости`, д=тэ д=тэ `близко-близко`, д=тэ холо `недалеко`. Асимметричность определения протяженности объясняется спецификой композитных соединений, семантическая структура которых чаще всего приписывают номинируемому денотату выделенность и экспрессивность за счет синонимической и семантической избыточности. В отличие от лексем, имеющих возможность конкретизировать различные размеры протяженности, парные слова в результате удвоения смысла актуализируют полярные точки дистанции: значительную отдаленность и ширь или же небольшой промежуток расстояния между описываемыми объектами:

д) объем: парные слова с семантикой объема указывают на неопределенно одинаковую величину, не ориентируя на конкретной размер: ана-мана `наравне`, б=тэн б=леэн `целый`, яг адли `совершенно одинаковый`; часть в составе чего-либо: гол т=лэб `основная, большая часть чего-л.`; наполненность пространственного объекта: д=рэн т=гэд `наполненный`; резкое выступление над поверхностью: ядагар мадагар `торчащий, объемный`; несоответствие общепринятым нормам размера: =лэгэр с=лэгэр `хилый, тцедушный`, х=зуу х=з=лхэ `становиться толстошеим`; сплошное заполнение какого-либо пространства: х=жэ х=лхэ `сплошной (о тайге)`, б=т== шэрэнги , б=т== буртаг `непроходимая чаща`;

ж) форма: адага ш=бгэ `все острое`, мадагар ядагар `прямой, как жердь`, шоро шобогор `сильно заостренный`, онсо тусгаар `отдельный`;

2) **неопределенная локализация:** при определении местонахождения объекта используются парные слова, имеющие несколько значений: участок поверхности, в пространстве которого в некоторых, немногих местах находятся однородные описываемые

объекты: *абар-табар* `то здесь, то там`, *алаг ялаг* `местами, кое-где`, *арма-тарма* `там и сям`, *армаг-тармаг* `кое-где, местами`, *об-тоб* `местами, кое-где`, *хаа яал* `только кое-где`, *хаана яана* `то там, то сям`, *эбэр шэбэр* `кое-где`, *эндэ тэндэ* `местами`, *энээг==р тэрээг==р* `тут и там`; повсеместное присутствие описываемых объектов: *хаа хаагуур*, *хаа хаанаг=й*, *хаа хаана*, *хаа-яаг=й*, *хаа-яана* `повсюду, повсеместно`, *хаагуур яагуур* `повсюду`, *хаана яанаг=й* `где бы то ни было`, *холо ойгуур* `повсюду вокруг`; расположение объекта на небольшом расстоянии от наблюдателя: *д=тэ ойро* `поблизости`, *шадар д=тэ (ойро)* `неподалеку`, *д=тэ тойрон* `в окрестностях`, *д=тэ тойрондоо* `в округе`, *холо ойро* `окрестность`; значительная отдаленность описываемого объекта: *тойруу холо* `далеко вокруг`, *холуур саагуур* `далеко вдали`;

3) формы материи в земном и космическом пространстве: в данной лексико-семантической группе представлены: а) наименования природных пространственных объектов (неосвоенное пространство): *байса хада* `скала утес`, *болдог боори* `холмы`, *бур шабар* `топь`, *гол газар* `долина`, *гол м=рэн* `реки`, *губи тала* `степь`, *жалга жама* `овраги`, *нуур далай* `водоемы`, *шэлэ хада* `плоскогорье`, *агы н=хэн* `пещера, подземелье`, *марса хужар* `солонцы`, *хари нютаг* `чужбина`, *харгы зам* `дорога`, *эшээ н=хэн* `берлога`, *яама янха* `яма`, *ларьдаг мундарга* `гольцы`, *тала хээр* `открытое поле`, *шэбэр шугуы* – *чаща, лесная глушь*; б) атмосферные явления: *==лэ манан* `облака, тучи`, *агаар тэнгэри* `атмосфера`, *агаар халин* `ветер`, *агаар дайда* `воздушное пространство`, *агаар зам* `воздушный путь`, *аймаг одон* `созвездие`; в) наименования объектов системы мироздания: *байгаали дэлхэй* `вселенная`, *газар дайда* `пространство`, *дэлхэй юртэмсэ* `вселенная, мир`, *замби т=би* `вселенная`, *дайда дэлхэй* `земля, мир, свет`, *дайда зай* `пространство`, *замбуулин дайда* `космическое пространство`, *орон дэлхэй* `свет, мир`; г) объекты освоенного пространства: *=тэг бууса* `стойбище`, *адал алга* `хозяйство`, *айл тишгэн* `поселок`, *айл тосхон* `населенный пункт`, *аймаг т=рэ* `район`, *гэр байра* `квартира`, *байра бууса* `место жительства`, *г=рэн т=би* `государство`, *улас т=рэ* `государство`, *гэр байшан* `жилое здание`, *хана хашаа* `постройки, двор`, *хото хорёо* `скотный двор`;

шэбээ х=рез `загон, окруженный высокой изгородью`, эхэ орон `родина`;

4) **границы пространства:** заб`ар зали `промежуток, отверстие`, зай заб`ар `промежуток`, хилэ хизаар `граница`.

Анализ семантики парных слов позволяет сделать вывод, что логическое конструирование плана содержания парных слов осуществляется на основе нескольких механизмов: сложения, семантической контаминации, семантического переразложения, метафоризации.

- Механизм сложения сем компонентов реализуется при формировании обобщенного комбинативного значения, в этом случае неопределенная количественность объектов, представленных синонимами или словами одной тематической группы, создается через обозначение двух заявленных однородных объектов, например: =е м=сэ `конечности` (букв. суставы, конечности), =бһэ ногоон `травы` (букв. сено, трава), адага ш=бгэ `все острое` (букв. колючее, шило), =дэ дали `крылья` (букв. перо, крыло).

- Механизм семантической контаминации действует в результате взаимодействия антонимов в ассоциативном ряду, что приводит к появлению нового отвлеченного значения, абстракция которого основана на осмыслении и интерпретации пространственной или когнитивной дистанции между двумя референтами, составляющими сложное понятие, например: эхи захаг=й `бесконечный` (букв. начало, края нет), эхи заха `начало` (букв. начало, край), холо ойро `даль` (букв. далеко, близко), хатуу з--лэн `твердость` (букв. мягкий, твердый), унги =з==р `начало` (букв. обух, корень), томо жэжэ `величина` (букв. большой, маленький), нарин б=д==н `ширина` (букв. тонкий, толстый), ехэ бага `величина` (букв. большой, маленький), д=тэ холо `недалеко` (букв. рядом, далеко), газар уһан `мир, вселенная` (букв. земля, вода), =л==дутуу `излишки`;

- Модификация семантики парных слов может строиться на механизме семантического переразложения, т.е. такого перераспределения семантических функций между компонентами парного слова, когда одно из них или все сложное слово получает новое значение: һ=нэ салуу `привольный` (букв. обильный, просторный),

=ндыхэ х--рэхэ `подниматься (о солнце)` (букв. подниматься, подниматься вверх), агаар тэнгэри `атмосфера` (букв. воздух, небо), ами һудал `сердцевина` (букв. жизнь, пульс), б=тэн б=лээн `цельный` (букв. наполненный, теплый), дайда зай `пространство` (букв. местность, промежутки), заха булан `захолустье` (букв. край, угол), орон т=рэ `страна` (букв. место, правление), тэргэ тэмээн `перевозочное средство` (букв. телега, верблюды), хабишуу уйтан `узкий` (букв. тесный, узкий), хара бараан `очертания` (букв. вид, облик), шэлэ хада `плоскогорье` (букв. плоская возвышенность, гора);

- Механизм метафоризации сопровождается расширением смыслового объема парного слова за счет возникновения переносного значения: =лгэ һалга `расшатываться` (букв. ветхий, трясующийся), ама яма `в большом количестве`, орон дэлхэй `местность` (букв. место, мир), хаа яа `местами` (букв. где, что), ана ма-на `одинаковый`, бур шабар `топь`. (букв. ил, грязь), гол т=лэб `основной` (букв. середина, вид).

Итак, парные слова бурятского языка обладают композиционной пространственной семантикой, которая складывается из семантики компонентов, образующих бинарную конструкцию, при этом исходный набор соотносительных актуальных смыслов подвергается различного рода модификациям и семантической трансформации, в результате которых семантический потенциал композитного образования становится выше, чем потенциал единиц, содержащихся в его структуре. В результате сложения разнодентатных в референционном плане слов появляется комбинативное значение, отличающееся максимальной степенью обобщения. Синтезирование инвариантного признака происходит за счет того, что сопряженные компоненты, составляющие парное слово, репрезентируют отдельные участки одной шкалы пространственных понятий, что позволяет охватить всю шкалу. Таким способом язык получает возможность указания на неопределенную множественность, уточнения, акцентирования, актуализации неназванных родовых пространственных признаков – создания нового знания.

На основании вышеизложенного можно говорить о том, что бинарные образования составляют значительный слой лексики бурятского языка и образуют ее специфическую особенность. У парных слов с пространственным значением отмечается наличие семантического сдвига, в результате которого сложное слово актуа-

лизирует дополнительный объем информации, значительно превышающий объем содержания простых слов, в него входящих. При этом за компонентами парного слова, которые, как правило, состоят из морфологически однородных лексем, принадлежащих к одному тематическому ряду или одному семантическому полю, обнаруживается один, хотя и расчлененный на приводимые признаки, референт. Такое единство комбинативного значения достигается тем, что лексические единицы в составе парного слова находятся в отношениях интерпретации, конкретизации и обобщения, что и приводит к формированию целостного обобщенного содержания.

Парные слова демонстрируют не только вариативность форм языковой репрезентации пространственных идей, но и вариативность содержания, выявляя тем самым как актуальность различных сфер пространственной картины мира для его познания и освоения, так и разнонаправленную систему способов категоризации мира с помощью бинарных образований. Плотность обозначений пространственных реалий неодинакова. Для объективации характеристик пространственного континуума используются парные слова, в семантике которых представлены параметрические характеристики передвижения в пространстве, положение описываемого объекта, топологические свойства местности, его размер, протяженность, границы и др.

Выводы по главе 1

Изучение пространства с точки зрения языковой картины мира позволяет выявить представления носителей языка о пространстве, национальной специфике его категоризации и концептуализации. Наблюдение над языковым материалом показало, что, осознавая глобальную протяженность пространственной субстанции, зыка не воспринимают его как некую непостижимую и неопределенную материальную бесконечность. В сознании человека пространство упорядочено и структурировано. В качестве инструмента его организации языковое сознание использует методику сегментации, т.е. членения его на составные части на основе эмпирического опыта, чувственного, чаще всего визуального, благодаря чему взаиморасположение и связь составных частей пространства получают трехмерное устройство.

Доказательством относительности отражения пространства и того, что наши представления о нем имеют умозрительную природу, служит традиционная ориентационная система бурят, согласно которой местоположение предметов и объектов осуществляется с использованием антропоцентрической сетки координат, имплицитно предполагающей фигуру говорящего со строгой ориентацией по сторонам света. Наличие такой точки отсчета в моделировании внеязыковой действительности, в центре которой человек, дает право говорить об эгоцентрической природе восприятия и отражения пространства в языке.

Установление дискретности пространственной организации мира позволяет говорящему не только определять его доступность, видимость, наблюдаемость, а значит и постижимость, но и определять пространственные отношения между его частями. Вербальное описание пространства на начальном этапе строится на основе бытового его понимания, осознания личного пространства, в нашем случае описание дома и освоенной территории, его структуры и категоризации частей, наделение их семантической нагрузкой (*эрэ / эмэ, баруун / з==н, урда / хойно, нюур тала / ара тала, х=йтэн / халуун, дээрэ / доро, нютаг газар / хари газар* и др.). Язык избегает конкретизации метрических его описаний и заостряет свое внима-

ние на топологических свойствах, функциональном назначении, регламентации расположения одного относительно другого.

Для описания разных сосуществующих пространственных объектов и систем внешнего мира языковое сознание выбирает помимо ориентационных и метрические характеристики: размер, форму, расстояние между ними и др. Ядерными средствами репрезентации данных признаков пространства в бурятском языке являются соматизмы, зооморфизмы и антропометрическая лексика.

К национально-специфическому в осознании и отражении пространства в языке нами отнесены парные слова. Парные слова представляют собой сложные наименования, имеющие аппозитивную деривационную природу; как правило, они состоят из морфологически однородных лексем, принадлежащих к одному тематическому ряду или одному семантическому полю. Наблюдения над их семантической структурой выявили актуальность различных сфер пространственной картины мира для его познания и освоения. С их помощью носители языка обозначают параметрические характеристики передвижения в пространстве, положение описываемого объекта, топологические свойства местности, его размер, протяженность, границы. В качестве преимущества бинарных образований в номинации пространственной абстракции нами определен дополнительный объем информации, значительно превышающий объем содержания простых слов, в него входящих. В результате семантического сдвига, возникающего на основе модификаций и семантических трансформаций, т.е. семантических переразложений и контаминаций, метафоризации, сложения сем, достигается не только вариативность содержания в репрезентации пространственных идей, но и максимальная степень обобщения.

ГЛАВА 2

КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА БУРЯТ

2.1. Гора

Структурная организация геопространства, отраженная в языковой картине мира бурят, представлена рядом ключевых пространственных объектов, заключающих в себя социальные, символические, когнитивные и другие значимые для человека смыслы. Как можно обосновать утверждение, что то или иное слово является одним из “ключевых слов” некоторой культуры? А. Вежбицкая считает, что для этого следует «установить, ... что слово, о котором идёт речь, представляет собою общеупотребительное, а не периферийное слово». Оно «часто используется в какой-то одной семантической сфере, например, в сфере эмоций или в области моральных суждений», «...находится в центре целого фразеологического семейства», «...часто встречается в пословицах...» [Вежбицкая 2001, с. 36].

Топологические характеристики пространственной организации бурятского мира, отражающие традиционные представления о нормативном порядке и отвечающие требованиям, сформулированным А. Вежбицкой, связаны с наличием таких объектов, как гора, река, степь. Совершенно очевидно, что выбор данных значимых объектов обусловлен не столько предпочтением самого природного ландшафта, сколько ресурсными возможностями. Вопрос социальной и культурной обусловленности выделения тех или иных мест и объектов по набору признаков не раз подробно рассмотрен в работах историков, культурологов, философов, лингвистов [Бердяев 1918; Ключевский, Гачев 1994; Кубрякова 1997; Топоров 1983; Цивьян 1990; Степанов 1971; Лотман 1996; Яковлева Е.С. 1995; Кобозева 1997; Талми 1999; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 и др.].

В концептуальной пространственной картине мира бурят вычлняются ключевые фрагменты, соответствующие традиционным представлениям о структуре окружающего мира. Образ пространства неизменно содержит три его составляющие - гору, реку

и степь (лес), что, по-видимому, соответствует архаической модели мира, «обживанию», «собираанию» и «освоению» [Топоров 1983, с. 242] которым и была посвящена жизнь кочевого народа. Традиционно считалось, что *гэр дом* можно строить только в той местности, где наличествуют все обязательные элементы среды обитания.

Гора издавна в представлениях многих народов – священное место, место поклонения и жертвоприношения. Еще Геродот отмечал, что «персы не знают идолов и молятся своим богам на вершинах гор». С.П. Крашенинников в своей книге «Описание земли Камчатки» (1755) [цит. по: Рьжиков 1996], характеризуя быт и нравы местных жителей, рассказывал об особенностях святых мест камчадалов, располагавшихся на вершинах гор, одно из них - на горе Опаль. Для бурят гора – сакральное место и в настоящее время культовым оно становится потому, что признается могущество и влияние природных сил. Условием семантизации материального объекта пространства служат формы проявления традиционных верований. Считается, что большинство гор имеет своих *эжэнов покровителей*, охраняющих покой и благополучие человека на его территории. Вздыхающиеся горные вершины Саян, Хамар-Дабана, Улаан-Бургасы, Баргузинского хребта и других горных отрогов воспринимались людьми как места на земле, имеющие связь с небом, что соответствует мифологической схеме мироздания, в основе которой Мировая Скала (Древо) [Топоров 1980, с. 398-406], символизирующая своеобразную жизнедающую ось и являющаяся посредником между миром людей и небом, обителью богов.

Для бурят всех этнических групп X=xэ M=nхэ Тэнгэри 'Вечно Синее небо' дарует жизнь, олицетворяет разум и высшую справедливость, вершит правосудие. Обращение к Вечно Синему небу, верховному божеству и творцу всего сущего, и горам как медиаторам связи с ним сопровождает все шаманские призывания, клятвы и др. В пословицах и поговорках сохранились черты древнего культа: *тэнгэридээ м=ргэдэг, тэгшээ жаргадаг* 'кто поклоняется небу, обретает счастье', *=ндэр тэнгэри =гэстэйма, хан дайда харастайма* (диал.) 'высокое небо одаривает, земля поддерживает'. В паремиологическом фонде представления о горе звучат следующим образом: *=ндэр хадын орой хара* 'вершина вы-

сокой горы черная`, оръел =ндэр уулада ута ногоон ургахаг=й `на острой вершине горы высокая трава не растет`; хайн х=н `арьдаг шэнги `хороший человек подобен скале`.

Эпитет *хара` черная`* которым наделяет народное сознание вершину горы эксплицирует не цветовую, а качественную характеристику объекта, имеются в виду чистота, крепость, сила и нескрушимость каменного утеса, ср. *хара архи` крепкая водка`, хара уһан` чистая вода`, хара һалхин` сильный ветер`*. Горная вершина - носитель мужского начала, зона пребывания покровителей местности; она, по представлениям бурят, священна и чиста для диалога с Небом, не случайно, что на ежегодные тайлганы (молебна) и жертвоприношения сюда допускались лица только мужского пола и соблюдались определенные этические нормы. Второй пример продолжает идею выделенности горы из общего числа пространственных объектов, гора имеет отношение к божественному, потустороннему, иррациональному, отличающемуся от обыденных территорий: здесь и трава не растет. В монгольском языке сущность vs. выделенность таких фрагментов определяется тем, что языковое сознание связывает их появление с подземными толчками и колебаниями земной коры; так, лексемы-наименования значительных возвышенностей, которые поднимаются над окружающей местностью: *ганхаах, салгалах, гуйвах* - мотивированы глаголами с семой *шатание, покачивание, землетрясение*. Можно предположить, что появление горных образований объяснялось наивным сознанием как результат движения земных масс. Известно, что явления в природе, вызванные тектоническими причинами, всегда сопровождалась мифологической интерпретацией и различными теориями. Так, в бурятской космологии появление гор на Земле объясняется действиями демонического существа *Ш=тхэр*, олицетворяющего собой злое начало. Земля сделалась неровной и появились горы, когда после завершения сотворения Земли Бурханом *Ш=тхэр* разбросал повсюду спрятанную под пятой землю [Хангалов 2004, с. 7].

В третьем примере образ горы участвует в контексте с символической нагрузкой. В такого рода контекстах лексема *гора* выступает как один из материальных признаков для представления бурятского (монгольского) идеала мужской части общества, в мужчине ценились твердость характера, непоколебимость в сужде-

ниях и поступках, несгибаемость и верность. Соответственно на другом конце этой аксиологической шкалы располагается антипод, не отвечающий этим требованиям, народная мудрость дает меткие определения недостаткам таких людей: *тэнэг х=н тэнгэрихээ ехэ (аха), ойг=й х=н огторгойгоо ехэ* `глупый человек выше (старше) неба, неразумный человек больше неба`, *тэнэгтэ тэнгэри ойро* `глупцу небо близко`.

Сакральность гор объясняется еще и тем, что это место обрядовых захоронений усопших. В таких фраземах-эвфемизмах, как *хада гэртээ хариха* `сходить в могилу`, *хада гэртээ харитараа* `до гробовой доски` (букв. до того момента, как наступит пора возвращаться в горы), обнаруживаются следы древнего ритуала оставлять тело умершего на склоне скалы [Галданова 1997, с. 99]. Впоследствии бытование данной традиции привело к появлению культа онгонов, т.е. поклонению душам ушедших предков, возведенных в ранг покровителей местности, рода и т.п. Согласно древним воззрениям, бытующим и поныне, онгоны (духи-хозяева) обитали на вершине гор, они как сверхъестественные силы, откликаясь на молитвы и ритуальные действия, были способны оказывать магическую помощь и поддержку. Обращение верующих к онгонам сопровождалось обращением к местам их обитания, поэтому гора как зона религиозного культа признается священной (сакральной) и противопоставляется мирской, поэтому *хада гора* признается средством защиты от действий враждебных сил.

Ассоциативное поле лексических единиц *хада, добо, уула* в бурятском языке, построенное на лексикографическом и паремиологическом материале, кроме названных понятий *божество, святое (сакральное) место, могила*, включает следующие семантические признаки: *значительная возвышенность, объект ориентации, главная характеристика региона, труднодоступное место, структурируется по вертикали, имеет вершину, незыблемая сущность, преграда*, может указывать на неопределенное множество, способно выступать критерием высоты, умения преодолевать препятствия и др.

С точки зрения топологических свойств во всех дефинициях *хада* признается как значительная возвышенность, структурируемая по вертикали. В традиционном представлении носителей бурятского языка *хада* - это возвышающееся над окружающей мест-

ностью остроконечная скалистая вершина. Благодаря выделенности на фоне равнинного ландшафта горы – становятся его ядром, точкой концентрации человеческого внимания и активности [Содномпилова 2003]. Еще в 1993 г. Р. Лангакер высказывал предположение о том, что в основе когнитивных и языковых механизмов динамично эксплуатируются асимметрично выделенные сущности, служащие для структурирования опыта [Langacker 1993, с. 36]. Значимость горной реалии выражается продуктивностью символических смыслов, связывающих мир денотата с миром психической деятельности человека.

В коллективном сознании денотат наделяется целым набором ассоциаций. Так, анализ языкового материала показывает, что в ассоциативном поле *горы* выделяются следующие семантические признаки: 1) сакральное место; 2) защитница от действий враждебных сил; 3) символ рождения и смерти; 4) труднодоступное место; 5) критерий высоты; 6) мера пространства; 7) характеристика региона; 8) место ориентации; 9) граница между освоенным и чужим пространством; 10) препятствие; 11) укрытие; 12) условно-абстрактное место; 13) место обитания диких животных и птиц; 14) монументальность и незабываемость; 15) место естественного выхода подземных вод; 16) критерий постижения и освоения мира, преодоление которого инициирует личность; 17) координата социального времени.

Как сакральное место *хада* выступает как символ поклонения и местонахождения сил, способных оказать поддержку представителям рода, защитить и оградить их в стремлении к развитию, жизни, самореализации. В таких местах не подлежали использованию ни лес, ни трава, ни звери, ни кустарники, на вершины святынь могли подниматься только мужчины для проведения ритуального обряда. Гора в этом случае выполняет две функции. С одной стороны, *хада (уула)* осуществляет связь времен – прошлого, настоящего и будущего, где прошлое представлено духами предков, охраняющих и благословляющих данное состояние и весь дальнейший путь человека. С другой стороны, гора служит медиатором, который реализует как вертикальную связь носителей традиции с Небом, высшим божеством, дарующим знание и открывающим человеку новые возможности преодолеть хаос и отчаяние, так и горизонтальное членение пространственного континуума –

начало и конец пути. В представлениях бурят горы – места обитания небесных божеств. Например, в космогонических мифах, записанных М.Н. Хангаловым, на горе Сэмбэр-уула растет царь всех деревьев Аха-зандан-модон `сандаловое дерево`, а царь всех трав Угитэ-сагаан-обхон растет, обвившись вокруг царя всех деревьев, ... на этой горе находится царь всех зверей Аргалан-зон, царь всех домашних животных Пегий лончак (алаг дааган) и царь всех змей Абарга-могой [1903, с. 189-190].

В процессе освоения сокровенного смысла окружающих пространственных объектов гора наделяется способностью стать пристанищем погибшего героя, местом сохранения жизненной силы и возможности продолжения рода. Так, в героическом эпосе «Аламжи-мэргэн» в горе-исполине Хухэй находит успокоение тело погибшего героя Аламжи-мэргэна [Бурятский героический эпос. Аламжи-мэргэн, 1991, с. 163]. Гора служит жилищем для эпических персонажей, нередко их могилой; в ней же пребывают души героев, она является местом их рождения. Внутри горы находятся конь богатыря, его одежда, сокровища, в ней прячут угнанный скот и т. д. Все многообразие фольклорных мотивов базируется на представлении о горе как центре, с которым связано происхождение всего рода и каждого его нового члена. Именно будучи источником рода, священная гора являлась и могилой его членов, так мыслилась основа непрерывности существования рода. "Воплощаясь в конкретных людях, житнетворная сила рода выходила из священной горы в окружающий мир небольшими частями. По истечении срока пребывания в нем отдельные представители рода, являясь элементами единого целого, неизбежно возвращались в скалу, с тем чтобы вновь слиться с этим "родовым единством" и послужить материалом для создания новых людей. Такой круговорот мыслился неизбежной и непрерывной основой вечного существования рода. Именно будучи источником рода, священная гора являлась и могилой его членов" [Кызласов, 1982, с. 88]. В бытующей и в настоящее время практике к некоторым горам на территории этнической Бурятии местные жители обращаются с просьбой наделить счастьем чадородия, к таким святыням относятся гора Улзаха, на склоне которой проявился лик богини Янжимы (Сарасвати), Эхын Умай на горе Алханай, гора родоплеменной преемственности Байтог и др. В этих случаях горы выступают медиатором общения с

Вечно синим небом, представляющимся доступным, потому что есть возвышенности, помогающие достать до него.

Языковой материал демонстрирует использование референтного имени в качестве символа высоты, размера, мощи и могущества: *хада гэжэ \анаба \подумал, что гора (о коне)*, *хадайн шэнээн мангад \величиной с гору мангадхай* [Бурятский героический эпос. Аламжи-мэргэн 1991, с. 92, 126]. В приведенных контекстах гора благодаря своей монументальности и неизбежности выступает эталоном сравнения качественных и количественных свойств и признаков предметов. Механизм параметрического соположения основан на способности пространственного объекта задавать характеристики конфигурации и являться «точкой отсчета», что позволяет развивать как количественные, так и качественные значения. Эксплуатация количественного значения размера способствует развитию положительного значения качества: *такой, как гора*, и перцептивные признаки отсылают к характеристике достоинств объекта, таким как сила и мощь, неприступность и крепость, значительность и надежность.

Продолжая анализ положительной аксиологии горы, нельзя не отметить представления древних членов языкового коллектива о горных возвышенностях и действиях по их преодолению как упрочивающих и поднимающих социальный статус личности. Формирование данной коннотации обусловлено теми факторами, к которым специалисты относят «тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности, традиции литературной обработки лексемы, исторический, религиозный, политический, психологический или иной контекст её существования» [Апресян, 1995, с. 169-170]. В паремиологическом фонде находим множество примеров, в которых прототипическая ситуация с горой проецирует признак, на основании которого происходит оценка личности. Покорение горы как места, представляющего в большинстве случаев непреодолимое препятствие и требующего для его преодоления много труда, усилий и напряжения, свидетельствует о социальной зрелости человека, способности совершить масштабные дела, а посвященный уподобляется культурному идеалу традиции; расширение обжитой территории и освоение труднодоступной цели знаменовали начало личного развития. Успешное переживание трудностей на опыте утверждает скрытую силу лич-

ности, указывает на внутренние ресурсы, подтверждает потенциальную энергию действия, ведь «важнейший номадический опыт делает территорию сценой движения, а не полем демаркации сюжета» [Барт, 2000, с. 19]. Залогом амбиций, риска и успехов выступает искренняя убежденность номада в своем превосходстве над оседлостью. Приведем некоторые характерные пословицы и поговорки:

(а) *Яба\ан х=н хада хараха, ябааг=й х=н яама хараха `тот, кто идет, познает гору, неидуций – окажется в яме`.*

(б) *Хада бэрхэ, халтирхай юм `преодолеть гору сложно, можно и поскользнуться`.*

(в) *Уулын дабаае дабажа болохо `высокие горы можно преодолеть`.*

(г) *Боро дабаа дабааг=й, буруугай бэлиээри\ээ гарааг=й `не видел гор, не выходил за пределы пастбища для телят (о незадачливом человеке)`.*

С функциональной точки зрения *хада уула* рассматриваются носителями языка как основные точки пространственной ориентации, объекты характеристики региона, граница между освоенным и чужим пространством. В культурологическом прочтении граница «определяет синдром идей, варьирующихся от воображаемой линии, прочерченной по земле, через различные абстрактные разделения и выделения в сфере политической и социальной организации и до схемы концептуализации самой идеи выделения. Она, таким образом, несет на себе тяжесть культурных нагрузок» [Барт, 2000, с. 19]. В традиционной системе ориентации бурят в пространстве действует прототипическая система координат, в которой наблюдатель расположен лицом к югу, справа простирается западный фрагмент пространственного континуума, слева – восточный, за спиной остается его северная часть, поэтому стороны света в бурятском языке именуются следующим образом: *урда `юг` (букв. передняя часть), хойно `север` (букв. задняя часть), баруун `запад` (букв. правый), з=н `восток` (букв. левый)*. Данная система определения местонахождения действует при установлении положения любого предмета или объекта. Формирование рациональной модели ориентации на местности восходит к выработанной в процессе эволюции практике постройки кочевой юрты. Юрта номада располагалась чаще всего у подножия горы на ее южном склоне,

двери дома должны были располагаться обязательно на юг, в этом случае стороны света располагались согласно закрепленным в языке номинациям. В исторически сложившейся системе координат имплицитно присутствует гора, возвышающаяся на севере. Таким образом, гора в традиционной культуре воспринималась не только как объект иерофании, но и служила точкой ориентации, выступала местом родового единения (жертвоприношения, тайлган, сезонное поклонение), интерпретировалась как элемент освоения территории и символизировала начало антропогенного освоенного пространства. Так, большинство горных массивов в этнической Бурятии представляет собой основную характеристику региона, например Бурин-хан в Джидинском районе, Мунку-Сардык в Тункинском районе, Удагтай в Осинском районе, Байтаг в Эхирит-Булагатском районе, Буха-шулуун в Баргузинском районе, Алханай в Агинском округе, Бархан уула в Курумканском районе, Жима на Ольхоне, Челсан в Кижингинском районе и мн. др.

Помимо вышеназванных этнолингвистических смыслов гора, по материалам языка, представлена в вертикальной временной модели жизни, движение по дороге которой символизирует восхождение к добродетельной и почитаемой старости - *ндэр налан* (букв. *высокая старость*). Гора в бурятском языке используется для обозначения абсолютного «верха», классифицирующего оппозицию *молодость – старость*: *уулын дабаае дабажа болохо, оршолонгой дабаае дабажа болохог=й`вершину покорить несложно, невозможно победить закон конца жизни`* (букв. *вершину горы можно преодолеть, гору брэнного мира преодолеть невозможно*). Известно, что структура мира во многих языках описывается с помощью пространственной метафоры «верха» и «низа» [ср. Лакофф и Джонсон, 1990; Гак, 1996; Булыгина, Шмелев, 1997; Пименова, 1999; Маковский, 1996; Топорова, 1994; Ли Тоан Тхонг, 1993; Бабаева, 2001; Яковлева, 1994; и др.]. В характеристике социального времени, а точнее, временной составляющей жизни человека, координата «верх», представленная лексемой *гора*, символизирует апогей, вершину человеческого существования, за которым – небытие или возможность перерождения. Выбор символа не случаен, метафора позволяет соположить трудности жизненного пути с усилиями и напряжением при преодолении горной преграды, жизненные этапы при этом воспринимаются как последовательно распо-

ложенные от низшего к высшему. Важным является и то, что у горы как природного пространственно ориентированного по вертикали объекта есть конечная точка, ее вершина, при достижении которой в рамках метафорического переосмысления физическая жизнь прекращает свое существование. Координата «низ» подразумевает худший из вариантов расклада жизни - движение вниз по горе, что означает неуспех, бедность, разорение, забвение, например: *уруугаа орохо`приходить в упадок` (букв. идти вниз), уруудаха`опуститься` (букв. идти вниз), газардаха`оказаться в безвыходном положении` (букв. оказаться на земле), нюргаа шоройдуулха`быть побежденным` (букв. допустил свою спину испачкать землей), шоройгоор хушагдаа`быльем поросло` (букв. покрылось землей).*

Итак, гора – один из ключевых элементов ландшафта, конституирующих пространство внеязыковой действительности, фиксируемый в языке как символический знак ориентации. Среди культовых стереотипов восприятия членами языкового коллектива – сакральность места, граница антропогенного освоенного пространства, отличительная черта территории. В результате метафорической концептуализации лексема гора используется для представления идей оппозиции *жизнь – смерть*, участвует в системе аксиологических оценок, выступает координатой абсолютного верха в возрастной временной модели.

2.2. Земля

Процесс развития фразеологического значения формируется на когнитивных связях базовых образов окружающего мира, одним из которых является земля. Рассматривая когнитивную сущность ФЕ, Н.Ф. Алефиренко выделяет ее основную определяющую – когнитивную структуру, концепт как «универсальный упаковочный формат для знаний, объективированных фразеологической единицей» [Алефиренко, 2006, с. 279]. Анализ единиц фразеологического уровня является оптимальным средством для описания процессов концептуальной интеграции, выявления основных характеристик и особенностей представлений о предмете или явлении. Базовым семантическим признаком ФЕ со словом *земля* является отражение обобщенного представления о пространстве, задающего образцы восприятия, интерпретации явлений действитель-

ности в их связях, многообразии и целостности. *Земля*, являясь ключевым словом русской и бурятской культуры и представляя центр фразеологического поля, часто выступает источником образного наполнения и развития знаков косвенно-производной номинации.

В русской языковой картине мира *земля* употребляется в значениях `планета`, `почва`, `суша`, `земной мир`, `реальная действительность`, `темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты`, `территория`, `страна`. Основные представления о земле, отраженные во фразеологической картине мира, включают разносторонние ассоциации. Так, например, *земля* входит в состав устойчивых выражений, обозначающих уход человека в мир иной: *лежать в сырой земле, предавать земле, стереть с лица земли*. Здесь находит отражение древнейшая традиция православных предавать земле усопших людей, поэтому в семантической структуре слова *земля* обнаруживаются компоненты `смерть`, `несчастье`, `болезнь`: *ложиться в землю, сровнять с землей, уйти в землю, землистый цвет лица*.

В ряде единиц выбранного фразеологического поля *земля* выступает символом существования человека, синонимом земной жизни как таковой: *рай на земле, шагать по земле, земные блага*. Основой для данной семантической модели послужили представления носителей языка о жизни как об объективности материального бытия на земле: обладание жизнью, подлинность существования неразрывно связана наивным сознанием с присутствием на земле. В этом случае возможны не только констатация факта реальности и жизнеспособности, но и маркировка состояния или положения человека, что неизбежно приводит к появлению аксиологического компонента: *твердо стоять на земле, земля из-под ног уходит, витать между небом и землей, не слышать земли под ногами, упасть с неба на землю*. Как видим, аксиологический оператор зависит от положения в пространстве относительно земли: положительную оценку демонстрируют ФЕ, восходящие к устойчивой пространственной позиции, отрицательная - связана с шаткостью положения объекта описания или отсутствием опоры в виде земли.

В семантической структуре слова *земля* доминирующейемой является `пространство`. Языковое сознание выбирает ее для создания антиномии: *небо и земля*. Под *землей* в этом случае пони-

мается устойчивая поверхность, символизирующая границу между реальным и ирреальным миром, референтное расстояние между которыми в представлениях носителей языка значительное. Это позволяет создать четкие формы антитезы и использовать при обозначении полярных противоречий: *отличаться как небо от земли, быть непохожим как небо и земля*. Пространственную базу когнитивного образа продолжают ФЕ, реализующие идею мгновенности или неожиданности действия: *как сквозь землю провалился, как изпод земли появиться*. В сложившейся схеме структуры и телеологии мира неожиданность ситуации, обстоятельств, явлений обусловлена действием потусторонних сил, существование которых наивное языковое сознание связывает с подземным миром. Следует отметить, что пространственные смыслы слова *земля* продуктивно используется языком и во ФЕ, выступающих в качестве измерителя расстояния в таких, например, выражениях: *край земли, за тридцать земель* и др. Пространственные интерпретации *земли* как территории: *пахотная земля, колхозная земля, залежные земли*, как среды обитания: *слухом земля полнится, обетованная земля*, как страны: *славянские земли, чужая земля* - послужили источником формирования идеи патриотизма, имплицитной фраземами: *горсть земли, родная земля, русская земля, ни пяди земли не отдадим*. Если составить когнитивно-ассоциативную схему, то она может выглядеть следующим образом: *земля* → *пространство* → *территория* → *среда обитания* → *страна* → *символ патриотизма и безграничной любви к родине* → *эмоционально-экспрессивный компонент*. Эмоционально-экспрессивный компонент обусловлен особенностью жизнедеятельности, свойственной представителям русского народа: земледельческий образ хозяйствования определил традиции и исконные ценности, неразрывно связанные с землей. *Земля* манифестирует во ФЕ, актуализирующих оценку, мерило или эталон самого дорогого в жизни человека: *пуп земли, соль земли, как только земля носит, все мысли о земле*.

Сопоставительный анализ фразеосемантического поля *земля* в русском и бурятском языках выявил некоторые различия. Так, в бурятском языке семантическая структура *газар`земля`* содержит следующие значения: *`почва`, `мир, Вселенная`, `место, местность`, `территория`, `суша`, `пункт`, `дистанция`, `случай`*. В

первую очередь *газар* отражает представления кочевников об освоенном пространстве, которое рассматривается человеком как равноправный соучастник любой жизненной ситуации: человек не отрывает себя от природы, земли, на которой он живет, поэтому находим следующие выражения: *газар дуулаг`и у стен есть уши`* (букв. пусть слышит земля), *модото газарта муу =гэ б= хэлэ`в лесу плохие слова говорить нельзя`* (букв. в месте, где растут деревья, не говори плохих слов). Под территорией проживания в представлениях бурят понимается земля, где человек может существовать с соплеменниками своего рода, отсутствие последних понимается как абсолютная бедность и личностная неуспешность: *газар дээрэ гарбалг=й`без роду и племени`* (букв. на земле не имеет родных). Формирование целостного восприятия пространства обитания, его семантизацию, обусловленную психологическими факторами, обнаруживают ФЕ: *хатуу газар`опасное место`* (букв. твердая земля), *баян газар`богатые земли`*, *амиды газар`целина`* (букв. живая земля), *аятай газар`теплое местечко`* (букв. годное место), *хари газар`чужая земля`* и др.

Единицы выбранного фразеосемантического поля в бурятском языке характеризуются нерасчлененностью семантических признаков при доминантном положении одного из них, что находит отражение в синкретизме, порождаемом комплексной природой когнитивных процессов. Так, среди ФЕ с ключевым словом *газар* находим устойчивые словосочетания, конкретизирующие следующие признаки: 1) существование + инициация: *газар шоройдохо`жить+научиться ходить`* (букв. землей пачкать), 2) территория + родина: *манай газар уһан дээг==р`на нашей земле`*, *газар уһаа һанаха`скупать по родным местам`*, 3) место + учреждение: *х=тэбэрлхы дээдэ газар`высший руководящий орган`*, *хоёр газарта ажаллаха`работать по совместительству`*; 4) ситуация + обстоятельство: *ядаһан газар`затруднительное положение`*.

Как и в русском языке, *газар* используется для обозначения количественных пространственных характеристик в качестве обозначения дистанции: *холо газар`далекий край`* (букв. далекая земля), *ойро газар`ближние места`* (букв. близкая земля), *хараанай газар`расстояние, видимое глазом`* (букв. видимая земля), *табан модоной газар`расстояние в пять верст`*, *алхашын газар`рукой падать`*

(букв. расстояние в один шаг), газарай мухарта `на краю земли` (букв. в тупике земли). При этом способность человека преодолевать это расстояние выступает индикатором его физической силы или немощи, например: газар хороохоео болихо `утратит физическую силу` (букв. землю убавлять перестать). Концептуальная метафора, лежащая в основе данного оценочного выражения, обусловлена представлением о том, что личность, способная выйти за пределы личного пространства (физического и интеллектуального), обжитого и знакомого, понимается как неординарная, выделяющаяся среди других силой своего характера, адаптивностью к новым условиям, способностью преодолеть негативные жизненные обстоятельства; расстояние выступает классификатором выделенности / ординарности личности, участвует в формировании социальных и этических идей. Акт преодоления расстояния сакрализован и нашел закрепление в языке в форме ФЕ: газар дайда =зэһэн `прошедший огонь и воду` (букв. видевший всю землю), буруугай газарһаа гаража узоогуй `неопытный` (букв. не выходявший дальше пастбища телят), богоһоо сааша газар =з--г=й `ограниченный` (букв. не видевший земли дальше порога).

Известно, что существует несколько пространственных оппозиций, участвующих в вербализации этических, аксиологических, социальных идей [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387-415]. Одна из таких оппозиций – верх-низ, согласно которой явления, события, ситуации, объекты, маркируемые верхом, несут положительную оценку, ср: дээшээ гаража һуугты `садитесь на почетное место` (букв. садитесь выше), дээдэ засаг `верховная власть` (букв. высокая власть), =ндэр наһатай `преклонного возраста` (букв. высокого возраста), дээдэ гарай х=н `первоклассный` (букв. высокой руки), дээдэ зэргын х=н `лучший из людей` (букв. высокого ряда человек). Отрицательную аксиологию демонстрирует все, что расположено внизу: доро унаха `унижаться` (букв. вниз упасть), доро дараха `унижать` (букв. прижимать вниз), доро =зэхэ `презирать` (букв. внизу узнать), дорой угтай `неблагородный` (букв. внизу с родословной). В бурятском языке земля участвует в этой оппозиции как абсолютный низ и актуализирует идеи безысходности, грязи, глупости, болезни, смерти: газар м=ргэхэ `попасть в неловкое положение` (букв. удариться в землю), газардаха `оказаться в безвыходной ситуации` (букв. приземлиться), газардалга `тупик` (букв. приземле-

ние), тэнэг газари `глупец` (букв. глупый земляной), газарлиг ухаатай `глупый` (букв. с землистым умом), газар абаха `становиться безнадежно больным` (букв. взять землю), газарта булаха `передать земле` (букв. закопать в землю), газарай хара бэдьхэ `напасть` (букв. черная шишка земли). В ряде фразеологических оборотов описываемая лексема вообще участвует в отрицании возможности того или иного действия: гайхаха газар =гы `нечего удивляться` (букв. удивляться земли нет), адлидхаха газар =гы `невозможно сравнивать` (букв. сравнивать земли нет), айха газар =гы `нет повода для страха` (букв. бояться земли нет). Отрицательную коннотацию демонстрируют выражения со словом газар, содержащие вербальную агрессию, представленную в виде оскорблений, угроз, иронии, которую адресат расценивает как язвительную или уничижительную: ш=дхэрхэн==д газари `сорванцы` (букв. чертенята земляные), яндуул газари `такой-сякой` (букв. букв. скверный, земляной), газарай бог `о никчемном человеке` (букв. земли сор), газарта хэлэндэл адли `как об стенку горох` (букв. словно земле сказал), газар гахай тэнэг `круглый дурак` (букв. земля, свинья, глупый), газар гантаг `черт поберу` (букв. пусть земля треснет!), газарай нюруу дээрэйээ =гы хэхэ `стереть с лица земли`.

Как показывает фразеологический материал, сценарий отрицательной оценки воспроизводится и в объективации категории `признак`. Так, земля участвует в реализации трех смысловых линий: 1) указывает на землистый оттенок цвета: газар боро морин `серый, как земля, конь`, газар харанхы `=ни` темная, как земля, ночь`, газарай =нэтэй `цвета земли`; 2) описывает параметрические характеристики описываемого объекта: газарлиг х=н `приземистый человек`, газар тэбэрээд (эльгэдэн) `лицом вниз` (букв. землю обняв, печенью прижавшись к земле); 3) объективирует состояние человека или природы: газар тэнгэри хоёр нишлэхэ мэтэ `о надвигающейся буре` (букв. как будто земля и небо соединиться), газар шоройдохо `быть побежденным` (букв. землю пачкать землей).

Если земля символизирует абсолютный низ, а значит, актуализирует отрицательную аксиологию, то соответственно отрыв от земли рассматривается как способ обобщенного представления прямо противоположных оценок. При описании эмоциональных состояний, указывающих на приятные ощущения человека, исполь-

зуется сценарий двигательных реакций отделения от земной тверди, в результате которого в процессе преодоления земного притяжения он получает ту чувственную данность, которая и послужила основой номинации, ср.: газарта $x=r\acute{x}x\acute{e}g=i$ `быть на подъеме` (букв. земли не касаться), газар $\acute{e}xix\acute{e}x\acute{e}e\acute{m}\acute{e}d\acute{e}ng=i$ `не чужа под собой ног` (букв. землю наступив, не узнав).

Типовое представление о газар как о пространстве объективного существования всего материального мира послужило стимулом идиомообразования, метафорической моделью которых является перенос когнитивной структуры `земля` в новую – `существование в брэнном мире`, например: энэ газарта байха `жить на этой земле`, газарта биш болохо `появиться на этой земле`. В этих и других ФЕ земля выступает семантическим эквивалентом бытия, жизни как таковой, отсылая к концепту `привычный уклад жизни`. Данная когнитивно-асоциативная схема земля → существование → привычный образ жизни служит источником возникновения антонимичной инверсии нетипичная ситуация → появление из-под земли (с неба). В качестве фразеологического образа для объективизации неожиданно возникших обстоятельств, непредвиденных условий, а также репрезентации эмоционального состояния участника этих событий языковое сознание выбирает конкретное проявление способа, возникает когнитивная связка понятий бытие (объективного мира) → привычная реальность → способ возникновения. На языковом уровне такая модель получает следующее выражение: газар дороһоо гараһандал `словно из-под земли вырос`, газарай габаһаа гараһандал `словно родился из земной расщелины`, газар доро орохо `неожиданно исчезнуть` (букв. как сквозь землю провалиться), газар дороһоо гараһан гай мэтэ `неожиданная беда` (букв. будто из-под земли вышедшая напасть), газар дороһоо олохо `в любом самом трудном месте найти` (достать из-под земли), тэнгэриһээ бууха `неожиданно явиться` (букв. с неба спустился), $x=l$ дорохи $x=r\acute{h}\acute{h}\acute{e}e$ алдаха `лишаться уверенности` (букв. терять почву под ногами), һууха, байха газараа оложо ядаха `терять контроль над ситуацией` (букв. сидеть, быть, место, землю не находить).

Сопоставительный анализ ФЕ русского и бурятского языков с базовым словом земля обнаруживает как сходство, так и различия. К сходствам можно отнести близкие когнитивные модели

формирования нескольких фразеологических значений, таких как `территория проживания`, `страна`, `количественный показатель расстояния`, `жизнь и ее конец`. При этом идиомы демонстрируют концептуальные связи основных значимых для жизнедеятельности человека сфер: бытия и небытия, пространства и отношения в социуме, эмоций и оценок. Различия наблюдаются в объеме и типе представляемой информации. Так, в бурятском языке *земля* в результате концептуализации внеязыковой реальности на уровне пропозициональной структуры осмысливается как референтный участник речевого акта, а значит, *газар* получает возможность представлять разнообразные модусы бытия поэтому в ряде случаев ФЕ актуализируют идеи *ситуации, обстоятельства, случая*. Развитие эмоционально-экспрессивного компонента базируется на представлении `газар – абсолютный низ`, в соответствии с которым реализуется отрицательная оценка человека, его действий, сложившихся условий, определяющих положение или состояние описываемого субъекта, создается вербальная агрессия.

2.3. Степь

Археолог и антрополог Андре Леруа-Гуран, заинтересованный пространственными характеристиками элементов материальной культуры, заметил, что для кочевых культур моделирование мира основано на линейной его составляющей, в этом случае значение имеет маршрут перемещения для обеспечения жизнедеятельности [1965, с. 167]. Н.Л. Жуковская, не соглашаясь с выводами французского ученого, выявила, что в пространственной картине мира монгольских народов представлен как линейный, так и концентрический принцип освоения территорий [1988, с. 24]. С пространством перемещения в языковом сознании бурят связано представление о степи. Следует отметить, что степь как олицетворение простора, свободы и бесконечности не раз отмечалась исследователями как фактор формирования национальной ментальности. Так, историк О.В. Ключевский признавал влияние раздольного пространства степи на генезис русской души: «Насколько степь широкая, раздольная, как величает ее песня, своим простором, которому конца-краю нет, воспитывала в древнерусском сознании чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, ока-

еме, как говорили в старину...» [Ключевский, 1956, с. 68]. В.Н. Топоров писал о тех чувствах, которые посещают каждого, кто попадает в степь, когда его поражают «безбрежность, открытость неба, сознание своей затерянности в огромных просторах и переживание одиночества, но и ощущение небывалой свободы и раскрепощенности», ... отсутствие границ, пределов по всему горизонту (по горизонтали) и на еще более бесконечное небо (по вертикали) [Топоров 1995, с. 604]. Д.С. Лихачев, анализируя тексты древнерусской литературы, называл степь «страной неизвестной», «полем неизвестным», стихией неизвестности, окружающей Русь, несущей потенциальную опасность [Лихачев 1989, с. 181]. По мнению Н.А. Бердяева, «география русской души» в основном обусловлена безграничностью русского государства и безграничностью русских полей: «Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, - не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни... Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России» [1990, с. 64]. А.Д. Шмелевым выявлены лексические средства выражения «широты русского национального характера» на материале слов *тоска, удаль, воля* и др. , напрямую связанных с шириной русских равнин.

Почему именно степь претендует на особую выделенность в природном ландшафте? На ранних этапах развития этнических групп, проживающих в степных зонах, привлекательными являлись ресурсные возможности удовлетворения витальных потребностей человека, в процессе которого сформировались особенности их социальной деятельности и образ кочевничества. В ходе формирования функционального пространства к предпочтительным факторам степного ландшафта стали относить безграничность и простор, благодаря которым психологическая и физическая мобильность кочевого устройства и могла иметь право на существование. Именно степь становится тем культурным ландшафтом для кочевого бурята, той жизненной средой, которую этнос воспринимал цельно и дифференцированно, осваивал утилитарно, семантически и символически [Каганский, 1995, с. 7].

Исследуемая денотативная сфера включает 24 лексические единицы бурятского языка, которые номинируют отдельные ее сегменты: 1) равнинная широкая поверхность как элемент рельефа:

тала, тала хээрэ; 2) простор, широкая, необъятная, бесконечная протяженность: *тала дайда, дэлгэр дэлюун дайда, дэлгэр газар, сагаан тала*; 3) отдаленное место: *х=д-- тала, тала газар, хээрэ*; 4) открытое безлесное пространство: *таляан, нуга*; 5) пустынное, дикое, глухое место, где нет следов человека и его хозяйственной деятельности: *тунга газар, шэнэ газар, амиды газар, боро газар*; 6) пространство земли, покрытое травянистой растительностью, место для выпаса скота: *нуга, нуга хужааг, тала газар, бэлиээри*; 7) условно-абстрактное удаленное место, не входящее в родовую территорию поселения: *тала дунда 'под открытым небом', талада гараха 'уйти в сторону', хээрын амитан 'дикие звери', хээрэ сабшаха 'косить в степи', хээрэ бэлиэнэ 'пасутся в степи'*.

Степь как элемент рельефа для бурятского языкового сознания представляется безграничным равнинным пространством, имеющим векторное направление по горизонтали. Горные возвышенности в природно-географическом пространстве несли семантическую нагрузку вертикальной оси координат, степь же представляла горизонтальную составляющую организации мира. При помощи феномена *степи* актуализуется идея *пути*, важнейший сценарий скотовода-кочевника. Вся та территория, которая именуется степью, воспринимается набором мест потенциального освоения, вновь приобретаемых и обживаемых в процессе регулярных кочевых перемещений. Для людей, основной формой жизни которых является подвижность, степь – необходимое жизненное пространство, ведь выживание напрямую зависело от расширения границ территории пребывания, ср.: *хээрын х=ндэ уужам тала хэрэгтэй 'степному человеку нужен простор'*. Там, где западный человек видит чужую, враждебную и непонятную стихию, номад признает местом благоденствия семьи и рода: *хээрээр гэр хийж, хэцээр дэр хийж '(может) сделать степь своим домом, сделать подушку из камня'*.

В бурятском топосе степь имеет неопределенную координату *отдаленности*, это - один из доминантных признаков противопоставления данной природной зоны территории поселения. Если гора – это центр организации пространства, то степь – периферия, открытие в простор, неизведанное, в котором еще нет дыхания жизни человека, но она обладает всеми запасами и источниками, которые могут быть использованы им в случае необходимости. Го-

ра и степь как ключевые, значимые зоны номадного культурного ландшафта представляют полярные координаты как горизонтальной оси, так и вертикального его членения. Здесь мы наблюдаем действие принципа дуальности и бинарности описания, который признается исследователями универсальным способом восприятия, осознания и моделирования внеязыковой действительности [Голосовкер, 1987, с. 70, 71; Тэрнер, 1984, с. 37; Леви-Стросс, 1985, с. 5-28; Вяч. Иванов, 1972, с. 206].

Проникновение человека в степь – это не покорение, а скорее, использование природных возможностей: *талын зониие талань тэжээдэг `степняков степь кормит`*, подразумевается, что это - непродолжительное пребывание в непривычных и незнакомых условиях с разными целями, чаще всего на такое был способен мужчина. Пребывание человека в степи объяснялось требованиями рационального устройства жизни или задачами борьбы за безопасность рода, этническую независимость, что при благоприятном раскладе позволяло найти достойное место как на земле, так и в социуме, поэтому со степью связаны представления о настоящем триумфе личности, например: *эрэ х=нэй жаргал хээрэ `мужчина может приобрести счастье в степи`*. Со степью связаны ассоциации со смертью: *эрэ эх=н гэртээ т=р--д, хээрэ =хэдэг `человек рождается в своем доме, но смерть находит в степи`*.

С другой стороны, степь как арена «постоянного неуспокоенного движения» [Содномпилова, 2008, с. 242], как промежуток между населенными пунктами, а значит, территория перемещения представляла собой параллель к людям, возможность контактов, обновления рода, установления отношений и союзов. Не случайно, в бурятском языке у лексемы *тала `степь`* в результате семантической деривации на основе метонимии появилось значение `друг, приятель`: *тала `друг`, тала танил `приятель, хороший знакомый`*.

Компонентный анализ словарных дефиниций позволяет выделить их дифференциальные семы, существенные с точки зрения наличия этнолингвистического содержания. Описываемая денотативная сфера представлена следующими семантическими компонентами:

- широкая безлесная горизонтальная равнина: *сагаан тала `чистая степь`, уужам =ргэн талада `в чистом поле`*;

- элемент рельефа: хээрын тала `открытое пространство`, талалиг газар `ровный, открытый, похожий на степь`, нуга нютаг `луга`, тэнигэр тала `ровная, гладкая степь`;
- открытое место, где происходит перемещение: та|аран гэр|ээ ошоходоо талын олон замуудаар таба `алаа хараашалнам `выйдя из дома по многочисленным дорогам степи начинаю искать подорожник...`;
- необжитые девственные места: тунга газар `нетронутая степь`, н==|эн таладань `на новом месте, куда он перенбрался`;
- мера пространства: талатай `находящийся на расстоянии`, талада гараха `отойти в сторону`;
- часть земли, не находящаяся в распоряжении кого-либо: талын дэлюе `тэгж==лхэ, хабсагайн хабшууе харгылха `степные просторы для того, чтобы превратить в свою временную стоянку для скота, горные ущелья – чтобы использовать в качестве дорог`, х=д-- ехэ гэгжэ `б|эндэ х=ртэхэ, далай ехэ гэгжэ у|анда х=ртэхэ `в степи широкой обеспечим себя сеном, у моря глубокого не останемся без воды`;
- место обитания диких животных: хээрын шоно, хээрын зольбо, хээрын нохой `волк, хищник, шакал (букв. степной волк, степной бродяга, степная собака)`;
- место, где растет трава (место покоса): хээрын сабишалан `степные покосы`, сэсэгтэ номин тала `цветущая голубая степь`;
- отдаленное место, где человек ощущает одиночество и незащищенность: Хээрэ талаар хэсэн, гансаардан ябахая болиши [Гомбоин И.Т.] `не нужно бродить одиноко в степи`. /`=ни хээрэ гансаарханаа гаранам [Н.Г. Дамдинов] `чисто один выхожу я в степь`;
- место охоты: хээрэ агнаха `охотиться в степи`;
- пастбище: хээрэ мал адуулха `пастись скот в степи`, хагда-тай газар `места выпаса (места с прошлогодней травой)`; `ргэн тала – малай нютаг `широкая степь – приволье для скота`;

- локус контактов и установления отношений: *х=лэг мориной байхада сагаан талые таниха хэрэгтэй `если есть аргамак, нужно познакомиться со степными окрестностями`.*

Как видим, денотативные компоненты воспроизводят основные топологические признаки степного ландшафта: необъятность и безбрежность равнинного рельефа, номинируемого как *дэлгэр дэлюун дайда, х=д-- хээрэ, нуга хужсааг, =ргэн хангай, з=лгэ, нахир газар, элдин тала* и т.п. Степь понимается как необжитое пространство, богатое нетронутой сочной травой для выпаса скота.

При моделировании когнитивной структуры исследуемой лексико-семантической группы было выявлено наличие образных компонентов содержания лексических единиц. Такого рода образное содержание появляется в результате семантической транспозиции при концептуализации элемента пространственной сферы. Благодаря метафорическому переосмыслению рождаются ассоциативно-чувственные образы, которые исследователи относят к одной из форм универсального кода мышления [Попова, Стернин, 2006, с. 76]. К числу таких ментальных конструктов можно отнести следующие:

Степь → обобщенное представление о мире кочевника

По представлениям бурят, *тала хээрэ* – это девственная равнина, это образ всей Земли, все ее природное богатство. Подтверждением тому служит бытование контекстов, в которых воспроизводится идея бескрайности и просторов степного ландшафта как такового: *тала дайда (степь, вселенная), элдин дайда (приволье степных просторов)*. В данных и других примерах степь вступает в синонимические отношения с лексемами, номинирующими мир, вселенную, свет, землю. В сознании народа степь порождает образ родной земли со своей исторической судьбой, связанной с территорией проживания. Так проявляется физическая связь человека с местами, на ранних этапах освоения которых строились взаимоотношения по правилам взаимного дарения.

Степь → Родина

Степь – образ родной земли, смысловое содержание которого заключается в олицетворении истока и начала всех начал, места кочевков, где вольготно пасется скот и может продолжаться процветание рода. Оставаясь символом родных сердцу просторов, *тала хээрэ* осознается в то же время неосвоенным сегментом про-

странства. Неопределенность и расплывчатость образа, ср.: *хээрэ хонохо `ночевать в степи`*, необъятность территории распространения, ср.: *=ргэн тала `широкая степь`*, *дэлгэр газар `необъятный простор`*, *сагаан тала `открытая степь`*, наличие семантического признака отдаленности, ср.: *тала руу хараха `смотреть вдаль`* (букв. *смотреть в степь`*), отсутствие четких границ, ср.: *талада яба\ан х=н `прохожий`* (букв. *степью идущий человек`*) – свидетельство того, что члены языкового коллектива признают степь местом некультурным, пространством, противопоставленным человеческому жилью, не наделяют статусом «обжитой» территории. Все фрагменты, выделенные и прошедшие доместикацию, как правило, дискретны, имеют четкие границы и подверглись сакрализации и семантизации. Но именно с образом степи связаны представления бурят о Родине, здесь возникает щемящее чувство единения с природой, способность к глубинному созерцанию: *м=нхэ талаая манан харахадаа, ... номхон дуранайм энхэрэл `когда смотрю на вечную степь, купающуюся в тумане, появляется неизъяснимая нежность к этим местам`*, здесь рождается музыка души: *намжаа талаар таража эдэлэнхэйл номин элиэтэ дуранаймни х=гжэм `в широкой степи звонко льется песня моей любви`*.

Степь → источник материальных благ

Общим и безусловным признаком степи, по материалам языка, является отождествление территории с наличием условий для разведения домашнего скота – основы и главной ценности жизни скотовода-кочевника. Так, например, определяет народная мудрость ресурсную ценность зоны: *хээрын ногоон амтатай, атарай `неээн шэмэтэй `трава в степи сочная, мясо коровы, которая пасется на целинных землях, сочное`*, *з--ри баян дэлхэйдэ `материальное богатство на земле`*.

Степь → фрагмент пространства, противопоставленный дому

Пространство степи интерпретируется как локус, противопоставленный в сознании людей человеческому поселению. Его границы неопределенны, оно может расширяться до бесконечности или сужаться до размеров территории, где пасется скот, но фоновым компонентом остается его незаселенность, отсутствие земных жизненных сил. Так, в дидактическом народном изречении *ама муутай х=н хээрэ хонохо `язвительный человек ночует в степи`*

местом ночлега тому, кто наказан и лишен в предоставлении крыши над головой за злонамеренные речи, определяется именно степь, которая в данном контексте символизирует первобытность стихии, одиночество. Обнаруживается оппозиция *дом – степь*, где дом ассоциируется с теплом, домашним очагом, вниманием и гостеприимством; степь представляет полярную противоположность – холод, открытое небо, отверженность.

Отсутствие территориальных границ → отсутствие поведенческих ограничений

Обширность территории степной зоны и ее безграничность послужили основой развития представлений о зоне возможного нарушения общепринятых этических норм и господства преимущественного закона силы. Можно сказать и иначе, транскультурная среда региона сформировала иные этические нормы, нежели в местах компактного проживания представителей этноса. Подразумевалось, что территория степи, не наделенная статусом чьей-то принадлежности, предполагала снятие некоторых ограничений в отношении других племен, родов и улусов. При этом строго соблюдались и свято чтились правила сохранения первоэлементов – земли, воды и огня.

Степь → локус потенциальной мужской активности

В языковом сознании степь – территория применения мужской силы, смекалки и сноровки, умения найти благоприятные места для проживания и перемещений. Степь - локус ожидаемой реализации энергии мужчины, направленной на охрану своего *айла* от диких животных и вероломных завоевателей, способности стать равным среди равных или установить господство над приобретенной территорией: *баян талын хэиэг, бардам эрын олзо `щедрость и богатство степи – находка для доброго мужчины`*. Здесь нужна и тонкая дипломатия, и демонстрация силы. Только от предприимчивости и трудолюбия мужчины зависело благосостояние рода. Степь осознается местом самореализации и самоидентификации среди себе подобных; выход в степь *vs.* выход в люди неизбежен, неотвратим и иногда опасен, поэтому мать грустит, когда дети, повзрослев, покидают дом: *хээрэ талада х==гэдэй ябахадань, \анаан болохош `когда дети "встают на крыло", есть повод для беспокорства`*. Дорога в степь при этом не обязательно военные действия, скорее, сцена самостоятельного определения своего места в

жизни, ср.: залуу x =нэй зам захаг= y `у молодых людей дорога без конца`. В напутствиях для молодых рефреном звучит пожелание мирно размножить скот в широких степях: уужам талада малаа бэлишээгээрэй `по широкой степи пусть скот твой пасется`, тала дэлхэй d =рэн мал адуутай болоорой `пусть скот твой и лошади размножатся и заполнят всю степь (благопожелание мужчине)`.

Степь – место перемещений

Степь – это зона локальных фиксированных кочевков разных родов на определенных территориях. Только обладающий нужными навыками глава рода способен был определить маршрут перемещений, он уважительно именовался газарши `знаток местности` и его умения получают признательность народа: далай дээрэ у\аша бэрхэ, дайда дээрэ газарши бэрхэ `в море нужен человек, знающий акваторию, начальник в степи газарши - начальник`. В его задачи на кочевом этапе развития этноса входило определение маршрута перекочевков в весенне-летне-осенний период. В большинстве случаев путь, который им избирался, считался дорогой преуспевания и должен был передаваться по наследству его сыновьям, в народе считалось, что эрэ x =нэй жолоо ута `у мужчиныны дорога длинная (успешная)` (букв. у мужчиныны поводья длинные), эрэ x =нэй ябааг= y газар =с--н `нет мест, в которых не побывал мужчина`, айн эрэ харгын утые ахиха `настоящий мужчина выберет себе "длинный" путь`. Об этом упоминает М.М. Содномпилова, опираясь на материал пословицы, раскрывающей значимость пути передвижений для жизнеобеспечения рода: абын аргамжа эбхэжэ болохог= y `веревку, свитую отцом, невозможно свернуть (о дороге)` [2008, с. 300].

Степь → направление ориентации в пространстве:

Наличие в семантической структуре слова семы *пространство вне центра человеческого присутствия* послужило причиной развития нескольких значений: а) указание на место, расположенное по бокам, краям чего-либо, например: гэрэй ара талада `в северной части дома`, талаар хараашалха `озираться по сторонам`; б) отдаленное пространство: талада гараха `отойти в сторону`, талада лууха `сидеть в стороне`, тала руу шэртэхэ `всматриваться в даль`; в) протяженность земной поверхности или временной длительности (участвует в субстантивных сочетаниях, обозначающих единицы измерения времени и пространства), ср.: арбан

километрын тала соо `на протяжении десяти километров`,
 =дэрэй талада `в течение дня`; г) составная часть пространственного объекта: гэрэй нюур тала `фасадная часть дома`, хадын баруун тала `западная сторона горы`. В основу признака положено понимание степи как места с максимальными параметрическими характеристиками, которое представляет один из фрагментов пространственной картины мира, причем фрагмент, изначально мысленно отчужденный от территории Я-говорящего. Исследователи считают, что параметры минимума и максимума способны подразумевать начало и конец, границу, край, грань и т.д. [Рябцева 2000, с. 111]. Такое восприятие позволяет эксплуатировать *тала* в качестве средства оценивания сущностей, заведомо не имеющих количественную составляющую. Становится понятным процесс измерения непредметных сущностей при помощи лексемы *тала* в случае интерпретации времени и расстояния, а также обозначения какой-либо из частей пространства как такового или пространственного объекта; д) ЛСВ - отдельное свойство, точка зрения, позиция, ср.: *шанарай тала абаад* =зэхэдэ `если рассмотреть с точки зрения качества`, *ноёной тала бариха* `поддерживать начальника`, *х=гжэмэй тала\аа* `с точки зрения музыкального творчества`, энэ асуудалай талаар `по этому вопросу`; е) актуализирует идею безрезультатности, ср.: *талаар х=дэлхэ* `работать даром`, *дэмы талаар* `попусту, напрасно`.

Степь → аксиологический оператор:

Параметричность степного ландшафта используется языком в качестве аксиологического оператора для качественной квалификации внутреннего мира человека, в частности максимальной степени проявления одного из признаков личности, все контексты данного типа вызывают положительную оценку. Реализуемую семантическую модель можно сформулировать следующим образом: *большой, как степь*, например: *танилтай х=н талын шэнээн, танилг=й х=н альган шэнээн* `человек, имеющий друзей, широк, как степь, человек, у которого нет друзей, узок, как ладонь`.

Итак, степь принадлежит к ключевым характеристикам культурного ландшафта бурят. Языковой материал демонстрирует, что выявленные референтные, коннотативные, аксиологические, ассоциативные компоненты, в целом объективно отражая характерные признаки данного фрагмента пространственной картины, в

основном отражают то, как говорящий воспринимает и осмысливает его. Содержание, приписываемое степи, адекватно воспроизводится в языке при помощи нескольких базовых оппозиций, обеспечивающих целостность горизонтальной структуры: свое – чужое, центр – периферия, тепло – холод, максимум – минимум и др.

2.4. Харгы, зам (дорога) в бурятской языковой картине мира

Концепт пути, дороги – это универсалии мировой культуры. В мифопоэтическом представлении пространства путь оказывается его основным элементом. В монгольской и бурятской концептуальной и вербальной картинах мира понятия *харгы*, *зам* и обозначающий их пласт лексики занимают важное место.

Для бурятского этноса передвижения всегда играли заметную роль в жизни, процесс расселения и освоения огромных территорий центральноазиатской степи не закончен и по сей день. Буряты – движущийся, кочующий этнос. Вступление человека во взрослую жизнь обозначается обыденным сознанием как способность перемещаться, иметь свой путь, выполнять свое предназначение: *ябалдаа орохо, уялаа зохёохо* ‘обрести свою статью, войти в силу’ (букв. начать путешествовать, выполнить свое жизненное предначертание).

Концепт пути, дороги присутствует на различных уровнях культуры, старой и новой, традиционной народной и современной, в обрядах и ритуалах, в различных жанрах фольклора, в художественных поэтических и прозаических произведениях, в живописи, музыке. В коллективном национальном сознании номадов обнаруживается совокупность понятий и образов, символов, связанных с идеей пути, образующих мифологему пути. Об этом свидетельствует частотное использование образа пути, дороги в паремнологическом и фразеологическом фонде; связанная с ними символика оказывается наиболее привлекательной для народного сознания: *Ябаһан х=н я\а зууха, хэбтэ\эн х=н хээли алдаха* ‘кто ходит, тот косточку найдет, кто лежит, тот вес потеряет’, *нэгэ газарта \уу\ан сэсэн\ээ хан харгые зай\ан тэнэг дээрэ* ‘глупец, прошедший длинную дорогу, лучше мудреца, просидевшего на одном месте’, *т-рижэ яба\ан х=н т=рэл-- олодог* ‘блуждая, человек родственника

найдет', утын харгы алхам\аа эхилдэг 'дорогу осилит идущий;', эрэ х=нэй жолоо ута 'у мужчины длинная дорога', м=рынъ ганса, м=ргэлынъ нэгэн 'пан или пропал – букв. дорога одна, поклонение одно', зайран х=нэй зам ута 'долог путь бродяги', д=р-- алдахаг=й 'выдерживать характер' (букв. не терять своих стремян), сухари-ха м=р 'путь отступления'. Совершенно очевидно, что аксиологические и эмоциональные рефлексy, вызываемые соответствующими пословицами, эксплицируют положительное отношение к человеку, преодолевающему длительные расстояния. В народном сознании путник – личность неординарная, креативная, способная к покорению необжитых пространств.

В традиционных представлениях бурят дорога – часть пространства, несущая отрицательную энергетику, таящая в себе всевозможные испытания для вступившего на нее, отсюда человек, способный осилить трудности и невзгоды пути, характеризовался как незаурядный. Осмысление опасностей пути-дороги нашло отражение в членении пространства дороги по вертикали. Нелегкость дорожных затруднений и препятствий ассоциируется в языковом сознании с преодолением возвышенности, поднимающейся над окружающей местностью: *харгы гаталха* 'преодолеть долгий путь' (букв. перевалить через дорогу), поэтому в бурятском языке движение к жилью, обжитому пространству, домой обозначается как движение по вертикали вниз: *бууха* 'спускаться, приезжать, возвращаться', *манай уруу харгыланхай* 'часто к нам заходит' (букв. в нашу сторону дорогу проложил).

Осознание дороги как пространства, наделенного потенциальной угрозой жизни и здоровью, сформировало ряд культовых обрядов, призванных задобрить покровителей транспортной артерии и тем самым устранить возможные невзгоды. Такие обряды совершались в местах пребывания духов *бариса* и *обоо*. Появление термина *обоо*, безусловно, связано с формой места поклонения и представляет собой насыпь камней в виде холма, имеющего наверхие *зала*. *Бариса*, мотивированное глаголом *бариха* 'подносить, подавать', ср. *сай бариха* 'подавать чай', *мэд==лгэ бариха* 'подавать заявление'. Традиция подношений духам местности, где проходит дорога, строго соблюдается и в наши дни во избежание неприятностей в пути: *обоо тахилгада суглараа г=, али =ргэл ба-*

рисатай газараар ябахадаа, х=н==д юрэ хашиар\а м=нгэ, з=р==л, ороо\о, архиин дээжэ =ргэдэг гээшэ.

Концепт *харгы, зам* обладает достаточной номинативной плотностью, что признается концептологически значимыми признаками. Природа данного концепта закреплена за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых представляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, доминанта которого представлена именем самого концепта: *харгы, зам, м=р, ябадал, =йлэ хуби, хуби заяан*. Общей семей родového значения всех вышеназванных слов является *странствие, путешествие по жизни*.

В современном состоянии лексемы *харгы* и *зам* обладают семантическим свойством пространственно-временного синкретизма. При семантических различиях этих двух слов их объединяет сходная роль в организации языковой модели мира в пространственно-временном аспекте. Факт первичности осмысления и выражения пространственных отношений по отношению к временным общеизвестен. Достаточно разработан в поэтике логико-языковой феномен хронотопа, когда время сгущается и становится формой пространства, его новым четвертым измерением. Пространство же, наоборот, «заражается внутренне-интенсивными свойствами времени («темпоризация пространства»), втягивается в его дыхание». В фактах речи и языка это проявляется в наличии пространственно-временного единства, например: в лексемах: *байд гээд 'довольно часто, временами' (букв. побыв немного), байнгаа 'позади, через некоторое время', урда 'впереди, раньше', х=рэ\--р 'в первое мгновение – букв. как только доехал', зуура 'по пути', һая болотор 'близь, до сих пор', мэтэр зуура 'в то время как, в тот самый момент'.*

Осознание *харгы, зам* как пространственной материализации времени жизни сделало возможным такие сочетания, как *боди м=р 'путь совершенства', =нэн харгы 'праведный путь', наһанай ябадал 'жизненный путь, время жизни'*. Протянувшаяся нить дороги в пространстве отчетливо связана с идеей судьбы: *=ргэн харгыда гараха 'выходить на широкую дорогу', х=л м=р-- алдаха 'сбиться с пути', ажаллаха =ргэн ехэ зам 'невиданные просторы для работы', м=р ганса болохо 'один - единственный шанс возможного решения', ядарһан ябадал 'нищее существование', һайн*

заяатай $x=n$ 'человек со счастливой судьбой', $m=r--$ оложо ядаха 'испытывать трудности при выборе пути' ((букв. следы найти затрудняются). Вышеназванные фраземы объединяет идея пути как упорядоченного единства, характеризующегося направленностью и поступательностью: бэлэн $m=r--r$ ябаха 'по линии наименьшего сопротивления', $m=r$ улая алдаха 'сбиться с пути' – букв. 'след дороги потерять', зорилгонуудые шийдхэхэ харгы зам 'путь к решению задач'. Дорога-судьба осознается бурятами как тернистый путь постижения вечных ценностей, неустроенности, поиска, борьбы во имя достижения необходимых целей: арга $m=r$ 'средство достижения цели', шуһан харгы 'кровавый путь', ёһо буруу ябадал 'аморальные поступки'. Здесь можно говорить о метафоре пути, когда жизнь представляется состоящей из сменяющих друг друга в реальном времени этапов, причем ситуацию движения объективируют глаголы движения: $=нэн$ сэхэл ябадал 'жить по законам чести' (букв. правильное, прямое движение), нэгэ $m=r--$ хараха 'действовать решительно – букв. 'идти по одному следу. Одним из «языковых свидетельств» (А. Вежбицкая) пути в этих примерах является прилагательное сэхэл 'прямой', задача которого – описывать путь человека как упорядоченный отрезок между двумя точками на оси времени, исключая возможность множества других ситуаций. В то же время лексема реализует сему 'правильный, единственно верный'. Данный пример продолжает языковую традицию выражения аксиологических оценок при помощи пространственных параметров. В языковом сознании человек, реализовавший свое жизненное предназначение, рассматривается как оставивший определенный след на земле: $m=ртэйг--r$ $x=дэлхэ$ 'как следует работать – букв. работать, оставляя след на дороге'. Не вызывающий почтения и уважения человек именуется как саһан дээрэ $m=rг=й$ 'не пользуется почетом – букв. 'не оставляет на снегу следа'. Значительно реже дорога понимается как путь в светлое будущее, благополучие.

В концепте пути ярко обнаруживает себя оппозиция жизнь – смерть. Дорога – это медиатор двух сфер, жизни и смерти, этого мира и потустороннего. Семиотическое пространство жизни обнаруживается в выражениях харгы зам 'дорога жизни', наһанай ябадал 'жизненный путь', ябуулга 'деятельность', зам табиха 'прокладывает путь', хуби заяан 'судьба, доля', $=йлэ$ хуби 'участь, до-

ля' как обозначение различных жизненных обстоятельств. Смерть мыслится как переселение в иной мир, достичь который можно, преодолев долгий, трудный путь. Идея смерти звучит в выражениях =хэхэ харгыдаа орохо 'находится на последнем издыхании – букв. 'вступить на дорогу смерти', мордохо 'уйти в мир иной – букв. 'садиться на лошадь, отправляться в дорогу', гээгдэхэ 'умирать – букв. 'осиротеть, быть оставленным', һ==ливын замдаа =дэиэхэ 'проводить в последний путь', =хэ\ын туйлда х=рэхэ 'доходить до гибели', =хэхэ амидырхын заб\арай 'между жизнью и смертью'. В представлениях бурят, согласно буддийским верованиям, человека после смерти ожидает череда перерождений, обусловленных его земными деяниями, поэтому ушедшего из жизни рассматривали как отправившегося к богу 'бурхандаа ошо\он', закончившего свой жизненный путь 'бурханай болоо' (букв. стал божьим), отошедшего на тот свет 'бурханай орондо ошо\он'.

Символическая семантика пути как модели поведения, предопределенного в своей основной части, соответствует буддийской традиции, отсюда не случайны следующие выражения: бурханай зарлиг харгы 'веление бога' (букв. дорога, определенная бурханом), арга зам 'путь спасения', урда на\ан 'предыдущая жизнь', бузар ябадал 'позорный поступок', харгыдуулха 'наставлять на путь истинный' (букв. определять дорогу), з=б м=р--р ябаха 'идти правильным путем', з=гг=й – беспутный, м=рг=й х=н 'беспутный человек'. В языковой картине мира бурят закреплено одно из основных буддийских представлений о повторности рождений-смертей, вызванных осознанными поступками людей, что свидетельствует об изначальной неудовлетворенности существованием и о стремлении к освобождению. Конфликтность, неустроенность жизни актуализирует в сознании архетип пути-дороги как пространство, где осуществляется движение в поисках судьбы, счастья, стабильности: нэрэдээ х=рэхэ 'соответствовать своему предназначению – букв. достичь имени', тушаалда ябаха 'занимать какой-либо пост', ургаха зам 'пути роста', ядаралда орохо 'попасть в беду', урагиань татаха 'продвигать, поддерживать в разных жизненных обстоятельствах' (букв. тянуть вперед), урда хараха 'следовать за кем-либо', урдуур хойгууриши хараха 'быть прозорливым – букв. видеть впереди и сзади', газар =зэхэ 'странствовать, путешествовать', =нэн харгы 'правильный путь' и др.

При этом благими делами, соблюдая каноны праведной жизни, путем обретения благословения бурханов и предков человек может «открыть дорогу» - *харгы гаргаха*, выходить на свою дорогу – *харгыда орохо*, обрести удачу в жизни – *зам нээхэ* ‘открывать дорогу’. Именно там, где осуществляется перемещение, могут отобрать удачу – *нара буляаха* (букв. *отобрать солнце*).

Наконец, еще одной особенностью семантического наполнения концепта является структуризация пространства метафорической дороги (жизненного пути) и движения по ней по вертикали. Фраземы *газар м=ргэхэ* ‘оказаться в безвыходном положении’ (букв. *бодать землю*), *доро дараха* ‘осилить, одолеть’ (букв. *придавить вниз*), *ургаха зам* ‘пути роста’, --д-- болохо ‘становиться на ноги’ (букв. *вверх встать*), --дэ нара харааг=й ‘не видел хорошей жизни’ (букв. *вверх солнца не видел*), --дэнь татаха ‘вывести в люди, привести в порядок’ (букв. *тянуть вверх*) демонстрируют оценочные суждения «наивной» картины мира, в которой «*верх* – хорошо, *низ* - плохо» [Лакофф, Джонсон 1990, с. 396-405]. Еще М. Бахтин отмечал, что метафорическое построение образа мира у Данте располагается по вертикали, так, что «грубая материальность людей и вещей *внизу* и только свет и голоса *вверху*». Аксиология нравственных категорий в языке выстроена на оппозиции *верх* и *низ*, что связано с мифологическим осмыслением картины мира: большинство культур изображает мир преимущественно по вертикали. Зачастую *верх* и *низ* «трактуются как противопоставление неба и земли, вершины и корней мирового древа» [Славянская мифология 1995, с. 8].

Анализ языкового материала выявляет фиксацию узуально-го осмысления анализируемого концепта как по базовому уровню, когда связь с прототипом очевидна, так и по второму когнитивному уровню, который отражает наращение метафорических и переносных значений. В современном бурятском языке лексема *дорога* объективирует значения ‘жизненный путь’, ‘образ и способ существования’; ядерные смыслы концепта актуализируются также лексемами *жолоо* ‘возжжи, способ управления обстоятельствами жизни’, *хуби заяа* ‘судьба, участь’, *зорилго* задача, намерение’, *з=г* ‘направление’. Было проанализировано тридцать две паремии, относящиеся к узуальному интерпретационному полю, в одиннадцати из них встречается ключевая лексема. В большинстве паремий,

зафиксированных в использованных источниках¹, дорога оценивается положительно, значительно реже прослеживается двойственное понимание дороги как пространства «вне дома». Анализ паремий, в которых реализуются суждения о пути - дороге (при этом наличие сигнальной лексемы в составе паремий или фразеологизмов не является обязательным условием для связи ее с данным концептом) дает возможность свести их к нескольким культурно значимым логемам:

1. Движение (в широком смысле этого слова) играет важную роль в жизни человека, служит основой духовного роста.

2. Дорога – необжитое пространство, таящее угрозу здоровью, а иногда и жизни человека.

3. Пространство дороги семантически неоднородно: оно структурировано по вертикали и горизонтали, используется для аксиологической характеристики личности.

4. Дорога жизни подчинена воле человека, обусловлена различными оценочными установками, в том числе и религиозными.

5. Жизненный путь определяется осознанными поступками людей.

¹ Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь, БРС

Выводы по главе 2

В данной главе рассматривались ключевые образы пространственной картины мира – гора, степь, земля, дорога, отражающие традиционные представления бурятской культуры. Выбор местности, в которой представлен данный комплекс пространственных объектов, обусловлен прежде всего целевой установкой обеспечения витальных потребностей этнического коллектива, основным видом хозяйственной деятельности которого было кочевое животноводство. Безлесная равнина степи использовалась в качестве пастбища для скота, а горы обеспечивали защиту от ветра в холодное время года. Для динамических кочевых племен, к коим принадлежали буряты, основным условием сохранения и устойчивого развития рода долгое время оставалось обживание все новых и новых территорий, обеспечивающих богатую ресурсную составляющую. Поэтому дорога понимается «как суть жизни, основной ее смысл [Содномпилова 2008, с. 295].

Отнесение тех или иных образов к культурно значимым требует обоснования. На наш взгляд, пространственный объект можно рассматривать как обладающий культурной значимостью, если, во-первых, носителями языка признается репрезентативность культурных смыслов элемента этой системы для данной языковой общности, во-вторых, они соответствуют критерию регулярной воспроизводимости в текстах данной культуры. В-третьих, совокупность культурных фоновых знаний, представляющих собой имплицитно актуализируемые коннотации и ассоциации, должна быть целостной и непротиворечивой. Выделенные нами сегменты пространства отвечают всем названным требованиям.

Языковая модель пространства отражает когнитивную деятельность человека в процессе изучения внеязыковой действительности, направленную на формирование суждений о ней. Исследование базовых объектов пространства строилось по следующей методике. В первую очередь была проанализирована совокупность признаков, которые эксплицируют сущностные характеристики изучаемой категории объектов: его наполнение, структуру, свойства его частей. На следующем этапе рассмотрению подверглись пространственные представления, отражающие мифологическое

осмысление образа, которое проявляется в богатом наследии мифов, поверий, обычаев, запретов. На основе семантизации и наделяния объектов окружающего мира дополнительными функциями и символическими значениями строится, как известно, процесс их освоения и постижения: мир приобретает упорядоченность, а человек – способность к ориентации в нем и нормальной жизнедеятельности. Деление сегментов пространства на сакральные и профанные, по мнению ученых, является свидетельством «физической связи человека и земли и могут быть сравнимы с материнским аспектом бытия» [Сыртыпова 2007, с. 249]. При этом анализ развития системы классификаций объектов местности заключался не только в выявлении символического содержания осваиваемой территории, но и сопровождался разработкой интерпретации возможных источников его формирования. Ключевые пространственные образы вписаны в комплекс положительных представлений носителей языка об идеальном жизненном пространстве, поэтому в нашем исследовании было обращено внимание на иерархию и сферу использования.

При формировании концептуального образа пространства в качестве инструмента описания язык выбирает систему оппозиций, позволяющих систематизировать разнообразие ландшафтных форм и выстроить их иерархию. К таким оппозициям отнесены – *баруун / з==н, урда / хойно, нюур тала / ара тала, х=йтэн / халуун, дээрэ / доро, нутаг газар/ хари газар* и др. С помощью данных оппозиций пространство описываемых объектов членится на сакральный и профанный сегменты, свое и чужое, положительное и отрицательное, обжитое и необжитое, благоприятное и враждебное, положительное и отрицательное, освоенное и неосвоенное, центр и периферию.

ГЛАВА 3

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

3.1. Выражение пространственных отношений при помощи падежных форм именных частей речи

Формирование представлений о структурной организации пространства основано на осознании многообразия фрагментов, его составляющих; устойчивое соположение последних, способность быть протяженными, занимать определенную территорию, граничить друг с другом, их параметрические признаки и топологические свойства являются факторами, влияющими на развитие ориентации в пространстве и способности устанавливать различного рода пространственные отношения: под пространственными отношениями, например, И.Пете понимает локализацию предмета, действия или признака в определенном фрагменте действительности, т.е. в положении вещей [Пете 2004, с. 61]. В.Г. Гак всю совокупность пространственных отношений суммирует в формуле

$$S(O) + VI + r + L,$$

где $S(O)$ – локализуемый объект, VI – глагол (чаще всего с пространственной семой), r – конкретный тип локализации, выражаемый, например, предлогом, L – локализатор, т.е. двухмерное или трехмерное пространство, в котором способен помещаться локализуемый объект [Гак 2000, с. 61]. В.А. Плунгян при определении категории локализации выделяет определенную область пространства по отношению к некоторому ориентиру [Плунгян 2000, с. 175]. Вслед за М.Всеволодовой и О.Ю. Дементьевой рассматриваем пространственные отношения как «соположение в пространстве какого-либо предмета, действия, признака и некоего пространственного ориентира-локума» [Всеволодова, Дементьева 1997, с. 31]. В сферу пространственных отношений нами включены также семантические признаки величины, формы и [движения, отражающие различные топологические характеристики объектов, конституирующих пространство бытия](#). Средствами выражения пространственных отношений в бурятском языке выступают падежно-последовательные

формы имен существительных, экзистенциальные глаголы, языковые средства выражения семантики предела.

Наблюдение над падежно-последовательными конструкциями позволяет сделать вывод, что локализация объекта осуществляется при помощи словоформ имен существительных в одном из трех основных пространственных падежей: дательном, инструментальном или исходном. При этом различного рода пространственные значения актуализируются и в формах других падежей.

Формы дательного падежа образуются с помощью суффиксов *-да* (*-дэ*, *-до*) от основ на гласный или переднеязычные [ж, з, л, м, н] и обозначают место совершения действия или нахождения чего-либо, например: *буланда* 'в углу', *тэнгэрийдэ* 'на небе', *голдо* 'на реке', при помощи суффикса *-та* (*-то*, *-тэ*) от других основ: *гэртэ* (в дом), *газарта* 'на земле', *хойморто* 'на почетном месте'. Существительные в предикативном дательном падеже обозначают объект или субъект, предмет или место, где происходит действие или по направлению, к которому совершается движение: *дэлхэйдэ суурхаха* 'прославиться во всем мире'; *газарта булаха* 'закопать в землю'; *аяама халуун наранда байха* 'находиться под палящим солнцем'; *уладта добтолжо орохо* 'нападать, торговаться' (букв. к людям торговаться); *хадада морилхо* 'поскакать к горе'; *х=б=ень гэртэнь абаашажа =гэбэ* 'мальчика довели до его дома'; *нэгэ х=н манда ерэгжэ сэгээ уугаад ошоно* 'один человек приходит к нам попить кумыса'.

Инструментальный падеж образуется при помощи суффиксов *-аар* (*-ээр*, *-оор*, *---р*) от основ на краткий гласный, на согласный (кроме заднеязычного н), *-гаар* (*-гээр*, *-гоор*, *-г--р*) от основ, оканчивающихся на дифтонги, на долгие и ударные гласные, заднеязычный н, при помощи суффикса *-яар* (*-ээр*, *-ёор*). Инструментальный падеж реализует значение места, по которому совершается передвижение: *харгыгаар ябаха* 'по дороге ехать', *хаягаар гэихэхэ* 'по краям, по сторонам пройти', *аймагаар айлиалха* 'по району гостить', *н=х--р гараха* 'через отверстие (пролом, яму) выйти', *сэрэгээр эзэлхэ* 'оккупировать' (букв. занимать войском); указывает на способ передвижения, в этом случае пространственный компонент представлен на уровне второго плана: *морёор ерэхэ* 'на коне приехать', *санаар ябаха* 'на лыжах ходить', *жагсаалаар ябаха* 'идти строем' (букв. идти в шеренгах).

Формообразующий суффикс исходного падежа *-\aa* (*-\ээ*, *-\-*) используется при основах на любой гласный и согласный, основы на заднеязычный требуют суффикс *-z\aa* (*-z\ээ*, *-z\oo*). Основная масса употреблений, которые можно назвать актантными, реализует пространственные значения места, откуда начинается действие или движение агенса: *хана\aa абаад* 'от стены' (букв. от стены взяв), *хото\oo ерээ* 'приехал из города', *газарай нюруу\aa d=тэнь* 'минимальное удаление от земли', *горхон\oo н=хэ* 'уехать от реки'; указывает на место концентрации его чувств: *улаан з=рхэнэй оёр\oo* 'от всего сердца' (букв. с самого дна своего сердца).

Формантами родительного падежа имен существительных являются суффиксы: *-ын* (*-ин*): *\ургуулин газaa* 'у школы', *\уурин тосхон* 'дальние поселения'; *-ай* (*-ой*, *-эй*): *модной орой* 'верхушка сосны', *у\анай эрье* 'берег реки'; *-гай* (*-гой*, *-гэй*): *хашиагай* = *ндэрье* 'высоту забора', *дасангай \уури табиха* 'заложить фундамент будущего дацана'. Словоформы в родительном падеже указывают на пространственные отношения части и целого: *харгын захаар* 'по обочинам дороги', *тайгын оёрто* 'в лесной глуши'.

Совместный падеж с формантом *-тай* (*-той*, *-тэй*) выражает разного рода топологические характеристики местности: *болдогтой харгы* 'дорога с неровностями', *\айн хагдантай газар* 'местность с хорошим травостоем'.

Все множество примеров именной локативности, широко представленной в бурятском языке, актуализирует сему пространственного ориентира. Существенными сигнификативными признаками, способными выступить основанием их классификации, можно назвать: 1) подвижность или неподвижность локализуемых объектов; 2) вертикальное / горизонтальное положение других объектов, относительно которых происходит ориентация; 3) замкнутость или открытость пространства, в котором находится или совершает действие описываемый объект; 4) все перечисленные признаки можно отнести в какой-то степени и к топологическим свойствам предметов, о которых подробно писал Л. Талми, выделяя вытянутые и бесформенные, вертикально или горизонтально расположенные и другие классы объектов [Talmy, 1983].

По первому признаку, учитывающему подвижность или неподвижность локализуемых объектов, различают динамическое

развитие ситуации, в этом случае она описывается предикатами движения, и статическую ситуацию, где предикатами выступают бытийные глаголы и локативы предикатной группы фиксируют местоположение объекта. Локативами движения реализуются следующие значения.

1. Локатив обозначает место - конечную точку - цель движения, выражаемые формами дательного падежа с глаголами однонаправленного действия: *нютагтаа ошоожо ерэхэ 'съездить на родину', гэртээ бусаха 'возвратиться домой', суглаанда ошохо 'пойти на собрание', =б\энд-- ошохо 'съездить за сеном', аймагтаа орохо 'въехать в свой аймак', у\анда д=тэлжэ ошохо 'приблизиться в реке', у\ан адагтаа г=йхэн 'река в устье мелкая'.*

Конструкции с дательным падежом и послелогоми *х=рэтэр, туласа* реализуют идею завершения движения, конечная точка которого заявлена именной частью речи: *лургуулида х=рэтэр х=ргэхэ 'проводить до школы', гэртээ х=рэтэр ябагаар ошохо 'идти пешком до самого дома', Сэлэнгын х==ргэ х=рэтэр 'до селенгинского моста', харгы туласа сабишаха 'косить вплоть до дороги', заха х=рэтэр 'до самого края', далай х=рэтэр 'до моря', далайн гарамда х=рэхэ 'дойти до залива'.*

2. Объектом локализации может выступать поверхность, в пределах которой осуществляется перемещение, в этом случае ориентир выражается формами орудного и дательного падежей: *харгын захаар ябаха 'идти по обочине дороги', аймаг айлаар айлиал\ан 'путешествовавший по окрестности', огторгойдо яба\ан галуун 'по небу летящий гусь', у\анда яба\ан зага\ан 'плывущая в реке рыба', замда б=дэрхэ 'спотыкаться в пути'.*

В том случае, если динамическая модель воспроизводит референтное пространство, от одного края которого до другого осуществляется движение, употребляются локативные конструкции с винительным падежом + послелогои *х=ндэлэн 'поперек', дээг==р 'над', соогуур 'сквозь', тээг==р 'мимо', урдуур 'перед', хойгуур 'за'* частицы *нэбтэ (та\а, ходо, \этэ)*. При этом локативы реализуют несколько значений: а) указывают место, по ширине или поперек которого осуществляется движение, например: *харгы х=ндэлэн гараха 'пройти через дорогу', хадые х=ндэлэн харгы гаргаха 'прокладывает дорогу через гору', =йлсэ х=ндэлэн 'поперек улицы';* б) указывают место, пространство, предмет, поверх которо-

го направлено движение: *бого\о дээг==р гараха* 'перешагнуть через порог', *х=резгэй дээг==р харайжа гараха* 'перепрыгнуть через забор', *хада дээг==р харайжа ябаха* 'скакать по горе'; в) указывают пространство, вдоль поверхности которого выполняется перемещение: *ой соогуур ябаха* 'идти по лесу', *у\ан соогуур тамарха* 'плавать по реке', *са\ан соогуур агнаха* 'охотиться по снегу', *хул\ан соогуур хараашалжа ябана* 'идет сквозь камыши, осматриваясь', *хадын хажуу тээг==р* 'по склону горы', *м=рэнэй хоёр тээг==р* 'по обеим сторонам реки', *з==н тээг==рни* 'слева от меня'; г) обозначают предмет, место, пространство, сквозь которое что-либо проходит: *тайга нэбтэ гараха* 'пройти сквозь тайгу', *галуу та\а харбаха* 'прострелить гуся насквозь', *баруун талые \этэ гараха* 'пройти через всю западную часть земли'; д) обозначают пространство, расположенное севернее или южнее ориентира, вдоль которого происходит движение: *булгаа\анай хойгуур г=йлдэнэ* 'бегают за сараем', *талын хойгуур гара\ан харгы* 'дорога, идущая по северной стороне', *жалгын хойгуур сабишаха* 'косить за оврагом', *голой урдуур бэлиэхэ* 'настись южнее реки', *гэрэй урдуур ябаха* 'ходить перед домом'.

3. Локативные конструкции с дательным падежом и послелогами *тээшээ*, *дээг==р* + исходный или инструментальный падеж, винительный падеж или основа + *уруу* обозначают направление перемещения: *у\а м=рэн уруудам тээшээ урдадаг* 'река течет вниз по склону горы', *зу\аланда н==хэ* 'перекочевать на летнюю стоянку', *модон тээшээ ниидэхэ* 'лететь в сторону леса', *баруугаар арилха* 'исчезнуть в западном направлении', *хойно\оо боло\он \алхин* 'ветер с севера', *хойно\оонь г=йжэ гараха* 'выбежать вслед за ним', *=б\э таряан дээг==р ябаха* 'обходить посевные и сенокосные площади', *тайга уруу ошохо* 'идти в тайгу', *бургаа\ан уруу тэрьелхэ* 'исчезнуть в кустах', *нюрга уруу ташуурдаха* 'бить кнутом по спине'. В локативных конструкциях с послелогами *тээшээ* и *дээг==р* гора, летняя стоянка, дом и т.д., являются конкретным пространственным ориентиром, по линии движения к которому устремлено действие. Референтным местом локализации для контекстов с *уруу* является протяженное пространство, в пределах которого происходит однонаправленное движение вглубь на значительное расстояние от его внешних пределов. Расширение семантического объема демонстрирует *саагуур* 'подальше чего-либо',

управляющий исходным падежом. Кроме указания на предмет или место, за которым размещено что-либо или происходит движение или действие, имплицитно обозначает большую пространственную дистанцию, чем остальные послелоговые конструкции данного семантического поля.

4. Локативы могут обозначать пространство, представляющее собой неопределенную территорию или количество мест при помощи орудного падежа с глаголами разнонаправленного действия: *дасанаар ябаха* 'ходить в дацаны', *баруугаар бэлиэнэ* 'насутся на западной стороне', *хойто жалгаар сабшаха* 'косить по северным оврагам', *бэлиээрэдэ гарахадаа* 'выходя на пастбище', *х=д--г--р г=йхэ* 'бегать по просторам', *арюу газараар* 'по кривой местности'.

5. Начальный пункт, откуда совершается перемещение, указывается формами исходного падежа: *Монгол\оо бугаа* 'приехали из Монголии', *т== тэндэ\ээ гэдэргээ болохо* 'возвратиться вон оттуда', *модон гэр\ээ н==хэ* 'перекочевать из деревянного дома', *хада\аа урдана* 'течет с горы', *хари\аа ер\эн* 'приехавший издалека' (букв. приехавший из чужих мест), *==лэнэй заб\араар гара\ан наран* 'выглянувшее из-за туч солнце'. Это же значение формируется словоформами исходного падежа в сочетании с послелоговыми конструкциями: *хойшо* 'за', *сааша* 'дальше', *саана*: *бэлиээри\ээ сааша гарахадаа* 'выйдя за пределы пастбища', *гэр\ээ саашаа болохо б=рез* 'чем дальше от дома', *модотой уула\аа хойшо* 'на север от лесистой горы'.

6. Семантическую функцию места, к которому направлено движение и где имплицитно присутствует наблюдатель, выполняют конструкции основы имени и послелога *тээ\ээ*, в качестве ориентиров чаще всего выступают стороны света или количественно неопределенное пространство, например: *з==н тээ\ээ* 'с восточной стороны', *баруун тээ\ээ* 'с правой стороны', *ондоо тээ\ээ* 'с другой стороны', *олон тээ\ээ* 'из разных мест', *тала тээ\ээ* 'из степи'. Как видим, референтное пространство, воспроизводимое локативами, предполагает продолжительную дистанцию от места начала движения до позиции наблюдателя, выступающей в качестве конечной точки перемещения: *хадын тээ\ээ ерэхэ* 'приехать со стороны горы', *тала тээ\ээ малаа тууха* 'из степи гнать скот', *урда тээ\ээ хура бороо ерэхэ* 'с юга приближается дождевая туча'.

7. При обозначении предмета, лица, места, с противоположной стороны которого направлено действие, используются локативы, выраженные родительным падежом и послелогами *саана\аа*, *хойно\оо*: *Ангарын саана\аа ерэхэ 'приехать с противоположного берега Ангары'*.

8. Контексты, воспроизводящие пространство перемещения, могут передавать объем или размер объекта: *дэлхэй д==рэн зайха 'бродить по всему свету'* (букв. мир полный, бродить), *талмай д==рэн суглараа 'собралась целая площадь'* (букв. полная площадь собралась), *шаргаар д==рэн асарха 'привезти полные сани'*, *тэргэдэ обойсо тээхэ 'нагрузить на телегу доверху'*, *тогоондо таараха 'поместиться в котле'*, *эрбег=й у\анда 'в реке без берегов'*. Значение объема или размера реализуют компаративные конструкции, выражающие сравнение, сопоставление, тождество, для этого используется форма исходного падежа: *далай ехэ газарта 'на обширной территории'*, *обоо ехэ мяханай хажууда 'возле горы мяса'*, *нар\ан\аа б=д==н модон дээрэ 'на дереве, которое крупнее, чем лиственница'*.

9. В рамках локативности могут формулироваться отношения части и целого: *олоной дунда\аа \унгаха 'выбирать из большой массы людей'*, *мянган сэрэг\ээ шэлэжэ абаха 'отбирать из тысячного войска'*, *адуун\аа та\ар\ан унаган 'оторвавшийся от стада жеребенок'*, *айл\аа т--ри\эн 'потерявший свой улус'*. Эта же языковая стратегия применяется при указании на происхождение человека: *хоёр я\ан\аа гара\ан 'родившийся от смешанного брака'* (букв. вышедший из двух костей).

Локализация статичных объектов имеет сложную семантическую парадигму. Место локализации чаще всего обозначается формами дательного падежа: *тоонодо уягда\ан буруу 'привязанный к решеткам юрты теленок'*, *тогоондо орохо я\ан 'кость, которая должна попасть в котел'*, *==дэндэ бай\ан 'расположенный возле двери'*, *харшада хабшулда\ан 'застрявший в заборе'*, *модондо =лгэхэ 'подвесить на дереве'*, *\ургуулида ажалладаг 'работает в школе'*.

Указание на местонахождение агенса осуществляется также при помощи форм родительного падежа в сочетании с послелогами *урда*, *хойно*, *хажууда*, *дэргэдэ*, *арада*, *шадар*, *=бэртэ*, *тэндэ*, *саана*, *саада тээ*, *газаа тээ*: *гэрэй урда байха 'находиться возле до-*

ма', модоной хойно хадалгаха 'спрятать за деревом', хадын хажууда 'около горы', нуурай урда 'перед озером', галай саана 'за огнем', гэрэй дэргэдэ байха 'стоять возле дома', харишын арада 'за забором', энэ шадарай 'где-то рядом', далай шадарай 'рядом с морем', гэрэй =бэртэ |ууха 'сидеть перед домом', манай тэндэ байдаг 'живет рядом с нами', шинии саана хадалгаатай 'спрятано за тобой', байшангай газгаа дуугаралсана 'за зданием разговаривают'.

Денотативно синонимичными являются локативные конструкции, использующие фасадный сценарий, весьма продуктивный в бурятской языковой картине мира при пространственной ориентации. В этом случае ориентиром выступает пространство прямо перед кем-либо или перед чем-либо, которое обозначается именными частями речи в форме родительного падежа с послелогом урда, тушаа урда, урда\аа: минии тушаа урда зогсоно 'останавливается прямо передо мной', ==дэн тушаа ябаха 'направился к двери', тэдэнэй урдуур 'перед ними', гэрэй урдуур 'перед домом', урда\аа хараха 'посмотреть прямо', урда\аа гараха 'вышел навстречу', таанарай урда 'перед вами', б=гэдэнэй урда 'перед всеми', минии урда 'передо мной', тушаа урдань нанишалдана 'устраивают драку прямо перед ним', буруу тээшэнь харуулха 'отворачивать'.

Для фасадной ориентации характерно отождествление положения объекта в пространстве с частями человеческого тела. В качестве ориентиров язык выбирает руки для кодирования лицевой стороны: алдалан унаха 'упасть навзничь' (букв. упасть раскинув руки), в этой же семантической функции выступает лицо, которое употребляется для обозначения передней стороны: нюур нюураараа 'лицом к лицу', зоной нюур дээрэ 'на глазах у всех' (букв. у людей на лице), гэрэй нюурта 'на фасадной стороне дома', =йлсын хойто нюураар 'по северной стороне улицы', или передней части чего-нибудь: эмээлэй урда нюур 'лука седла', номой нюурта 'на первой странице книги. Идея ноги эксплуатируется для указания на принятие вертикального положения: х=л дээрээ бодохо 'встать на ноги', х=л д=р--д-- х=р-- 'подрос, возмужал' (букв. ноги достают до стремян), х=л дээрээ гараха 'вырасти' (букв. встать на ноги). Как самая верхняя часть тела человека голова выступает в качестве квалификатора высоты: хадын толгой 'вершина горы' (букв. голова

горы), *толгойн харгы* ‘дорога через вершину’ (букв. головы дорога) или указывает на самую крайнюю точку предмета: *онгосын толгой* ‘нос лодки’; а также используется при обозначении поштучных исчислений: *толгой тоолохо* ‘считать поштучно’, *толгой б=д* ‘кусок материи’, *толгой саар\ан* ‘стопа бумаг’. Чувственное восприятие пространственных объектов, отличающихся наличием выдающиеся частей, послужило основой их интерпретации посредством идеи *хамар* ‘нос’: *Хамар Дабаан* ‘название горного хребта’ (букв. нос, гора), *хамартаха* ‘выдаваться мысом, углом’. При обозначении передней и задней сторон объектов задействованы *=бэр* ‘пазуха, грудь’ и *ара* ‘спина’: *хадын =бэртэ бэлшэнэ* ‘насутся на переднем (южном) склоне горы’, *гэрэй =бэртэ* [ууха ‘сидеть с южной стороны дома’, *=бэр бэе* ‘передняя сторона’, *ара тала\аань орохо* ‘зайти с тыла’, *городой ара таладань* ‘в северной (задней) части города’.

При этом в языке передний и южный, задний и северный являются синонимами. Для указания пространственного положения объектов внеязыковой действительности языковое сознание использует систему координат, в которой обязательно незримо присутствует наблюдатель, его позиция неизменно четко ориентирована по сторонам света: за спиной находится север, впереди – юг. Этим объясняется существование специфической синонимии пространственных ориентиров. Среди соматизмов, участвующих в кодировании пространственных объектов, выделяется *нюржан* ‘спина’, который используется для обозначения задней стороны: *нюр-гаараа хараха* ‘повернуться спиной’ (букв. посмотреть спиной), *харгын нюржан* ‘обочина’. Соматизм *нюржан* ‘спина’ применяется для указания границы, отделяющей наблюдаемый объект от внешнего пространства, в этом случае *нюржан* выступает в качестве внешней стороны поверхности чего-либо: *хадын нюржан* ‘горный хребет’, *газарай нюржан* ‘поверхность земли’, *талын нюржан* ‘вышшенность на поверхности степи’, *хюр--гэй нюржан* ‘верхняя часть пилы’. *Нюржан*, имеющий определенное количественное измерение, широко применяется в качестве единицы измерения величины или размера: *нюргаар ута (=ндэр)* ‘высокого роста’ (букв. спиной длинный), *нюргаар набтар* (богони) ‘низкого роста’ (букв. спиной короткий), *нюрга багатай* ‘малорослый’.

Пространственная локализация, демонстрируемая трехчленными сочетаниями с послелогоми *тээ*, *тала* в исходном или дательном падежах, отличается своей строгой ориентированностью по сторонам света. Данная система ориентации рассматривается нами как самый древний и наиболее распространенный эффективный способ определения местонахождения объекта в бурятском языке. В соответствии с ним пространством локализации объекта выступает участок земной поверхности, расположение которого определяется в соответствии с названным ориентиром, обозначенным формами родительного падежа в соединении с прилагательными *доодо* (*дээдэ*, *баруун*, $з==н$, *хойто*, *газаа*, *ондоо*) + *тээ*: *гэрэй з==н тээ харгы гарадаг* ‘восточнее дома проходит дорога’, *ханда\аа баруун урагшаа ябахдаа*, *нуур харахаш* ‘если пойдешь в юго-западную сторону от горы, увидишь озеро’, *ондоо тээ унтуулха* ‘положить ночевать в другом месте’, *газаа тала\аа* ‘с внешней стороны’, *ара талада \ууха* ‘сидеть на северной стороне’.

Пространство, где располагается объект, отличающееся некоторой протяженностью, выражается локативными конструкциями в форме инструментального и родительного падежей с послелогоми *хажуугаар*, *дундах*, *хоорондох*, *дээг==р*, *дээрэ*. При этом пространственные ориентиры, заявленные именными словами, имплицитно актуализируют сему ‘границы распространения’: *тойроод тала дээрэ саб сагаанаар харагдана* ‘кругом по всей степи белым-бело’, *ургасын зурууд хоорондохие элд==рилхэ* ‘обрабатывать междурядье’, *галай хажуугаар* ‘около огня’, *ногоон дээг==р дэлгэхэ* ‘расстелить на траве’, *м=рэнэй эрьеын хажуугаар ургана* ‘растет по берегу реки’, *газарай мухарта* ‘на краю земли’, *огторгойн =ндэртэ* ‘в небесной выси’, *м=рэнэй дундах* *урадхалда* ‘в среднем течении реки’. В этих примерах имя существительное в родительном падеже обозначает место локализации, а определяемые слова выполняют атрибутивную функцию, в то время как во всех других аналогичных случаях именно существительное с формантом родительного падежа выполняет функцию определения. На эту особенность семантической трансформации в монгольских языках, когда члены субстантивных словосочетаний способны обмениваться функционально-семантической категориальной принадлежностью, писали еще Т.А. Бертагаев [1971, 1977], Г.Ц. Пюрбеев [1984, 1985, 1993], Г.Д. Санжеев [1952]. Так, Т.А. Бертагаев

отмечал данную потенцию у существительных в совместном падеже, когда семантика обладания развивается в постоянный признак: *ханишагтай х=н* 'с волосами на висках', *модотой уула* 'гора с деревьями'. Г.Д. Санжеев считал, что существительные в совместном падеже склонны к адъективации и, реализуя основные значения 'обладающий чем-либо', 'имеющий что-либо', не утрачивают значения предметности, если способны вступать в подчинительные отношения и иметь при себе свои определения: *=ндэр уулатай газар* 'местность с высокой горой', *олон зантай х=н* 'человек, часто меняющий свое мнение'. Г.Ц. Пюрбеев рассматривал суффикс совместного падежа *-тай, -той, -тэй* как словообразовательные форманты, производящие имена прилагательные: качественные и относительные. «При присоединении суффикса к каждому из определяющих существительных подчеркивается значение раздельности обозначаемых предметов в рамках их совокупности и совместного существования» [Пюрбеев 1993, с. 45]. Самостоятельность такого рода, выражающаяся в сохранении членами субстантивных словосочетаний значения предметности, позволяет объяснить транспонирование своих функций в контекстах с родительным падежом.

Среди собственно послелогов, указывающих на различные пространственные отношения, выделяется большая группа, имеющая в своей морфемной структуре *дээ-* 'находящийся сверху чего-либо'. Послелог *дээрэ* 'над, на' наиболее частотен и имеет широкую сферу употребления, демонстрируя пять возможных семантических вариантов использования; во-первых, с его помощью указывается место действия или состояния: *голой эрье дээрэ ушарха* 'на берегу реки встретиться', *ногоон дээрэ хэбтэхэ* 'на траве лежать', *х=л дээрэнэ гэхихэбэ* 'на ногу наступил', во-вторых, определяется смежность в пространстве: *газар дээрэ* 'на земле'. В последнем примере отражаются наивные представления о месте человека в системе мироздания. По материалам языка человек ощущает себя существующим между небом и землей, ср.: *газар дээрэ гарбалг=й* 'о человеке без роду, без племени' (букв. на земле без роду), *газар дээрэ ганса басагамни* 'единственная моя дочь на всем белом свете'. Появление на свет и бытие в брэнном мире понимается как пребывание над землей.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что при локализации объекта на поверхности, в отличие от точечной, вос-

производящей конкретное местоположение, бурятский язык использует вертикальную стратегию: объект описывается как расположенный сверху чего-либо: *са\ан дээрэ 'на снегу'* (букв. *поверх снега*), *нюур дээрэ 'на лице'* (*поверх лица*), *дэлхэй дээг==р 'на всей Земле'* (букв. *сверху Земли*), *фронт дээрэхи байдал 'положение на фронте'*, *гэр дээрээ гэдээ садхалан 'в своем доме и голод не страшен'* (букв. *на дому всегда сыт*), *хагдан дээрэ табиha 'пастись на прошлогодней траве'*, *хилэ дээрэ байха 'находиться на границе'*. Такое видение мира, себя в нем, творения своих рук восходит к мифологическим представлениям человека об организации космоса. Мир человека в наивном языковом сознании располагается в промежуточной сфере между небом и землей, что нашло отражение в способах локализации объектов этого мира в языке.

Референтное пространство, в пределах которого находится наблюдаемый объект, характеризующееся недостаточной ограниченностью, может быть воспроизведено и локативными конструкциями с именами в дательном падеже: *у\анда тамарха 'плавать в реке'*, *манай орондо 'в нашей стране'*, *таряанай луурида 'на жнивьё'*, *Баргажан аймагта 'в Баргузинском районе'*, *талада яба\ан 'идуций по степи'*, *хотодо луудаг 'живет в городе'*, *хари газарта 'на чужбине'*, *нуурай г=нзэгьдэ оймохо 'плавать в глубине озера'*.

Локативы в родительном или совместном падежах помимо своего ядерного значения актуализируют количественную сему 'расстояние' или 'размер описываемого объекта': *табан хоногой газарта 'на расстоянии в пять суток'*, *д=шэн хараанай газар 'дистанция в сорок видимых глазом расстояний'*, *х=нэгтэй у\анда 'в ведре с водой'* (букв. *в воде с ведром*), *аягатай сайда 'чашка чая'* (*с чашкой чай*), *альганай шэнээн 'размером с ладонь'*, *нюдаргын зэргэ томо 'величиной с кулак'* (букв. *кулака, величиной, больше*), *гурбан метр =ндэртэй 'высотой в три метра'*, *олон тоото 'многочисленный'*, *тогоондо таараха 'поместиться в котле'*, *газар д==рэн яба\ан 'прошедший большие расстояния'*, *далайн урда гара\ан 'дошедший до переднего края моря'*.

Конструкции с послелогоми *соо 'в, по'*, *соо\оо 'в, из'*, *со-огуур 'внутри'* указывают на расположение внутри замкнутого пространства, предмета, номинированного именем; они применяются для обозначения а) местонахождения предмета внутри чего-либо: *хотон соо 'в желудке'*, *тогоон соо 'в котле'*; б) направления

действия внутри или вдоль чего-либо: *айл соо* 'в деревне', *шабар соо* \уушаха 'попасть в неловкое положение' (букв. в грязь сесть), *то\он соо умбаха* 'не знать нужды (букв. в масле купаться)'; в) экзистенции ситуации в одном, отдельно взятом месте: *аймаг соо* 'в районе'. *Соогуур* 'через, по' формирует дополнительные агентивные значения на фоне основного, участвует в обозначении а) предмета, места, через которое осуществляется движение или действие: *ой соогуур ябаха* 'идти по лесу', *манан соогуур* 'сквозь туман'; *хаяа соогуур* 'через нижние части стены' б) явления или состояния, через которое можно различить что-либо: *сонхо соогуур* 'сквозь окно', *харанхы соогуур* 'в темноте'. *Соо\оо* 'в, из' указывает на пространство, из которого направлено действие: *гэр соо\оо гараха* 'выйти из дома', *газарай габа соо\оо* 'из щели земли'.

Семантическим лакунарным коррелятом *соо* является послелог *руу*, который используется для обозначения направления действия, а именно: а) указывает на предмет, внутрь которого направлено действие: ==дэ *руу* 'в дверь', з=рхэ *руу* 'в сердце'; б) расширяя семантику объема пространства, определяет, что действие направлено в его пределы: *тайга руу* 'в тайгу', *у\а руу* 'в воду'; в) указывает на предмет или место, вниз по поверхности которого совершается действие: *хада руу* 'вниз по горе', *нюрга руу* 'по спине'; г) имплицитно идею пространства, расположенного ниже наблюдаемого места: *газар руу* 'в яму', *эрье руу* 'вниз по склону берега'; д) образует контексты, в которых указывается на направленность действия вдоль чего-нибудь: *тала руу тэрьелбэ* 'скрылся в степи', *утааша руу* 'вдоль'. Анализ языкового материала приводит к выводу, что данная познавательная ситуация предполагает расположение наблюдателя над местом совершения действия.

Происхождение послелога *тэндэ* Г.Д. Санжеев связывает с именем *тэн*, которое имеет значение 'половина, середина' [Санжеев 1962, с. 309]. *Тэндэ* управляет родительным падежом и указывает на предмет или место, возле которого происходит действие, располагается что-либо: *танай тэндэ* 'там, возле вас', *далайн тэндэ* 'у моря'.

Тушаа 'около' употребляется для обозначения: а) места или предмета в непосредственной близости от которого располагается что-либо или происходит действие: *сонхо тушаа* 'у окна', б) пред-

мета или лица, на которое направлено действие: *энээн тушаа морилбо 'как раз в эту сторону поскакал'*.

Послелого, имеющие в своем составе тээ- 'сторона', выполняют разные семантические функции с ядерным значением направления действия. Сочетание с тээшэ 'в сторону чего-либо' с существительным указывает на место или предмет, куда направлено действие агенса: *хада тээшэ 'в сторону горы', аман тээшээ 'кору'*. В сочетании с прилагательным, числительным, некоторыми глагольными формами послелог демонстрирует сужение семантического объема и выполняет функцию чисто грамматического средства при имени: *з==н тээшээ 'налево' (букв. в левую сторону), урда тээшээ 'на юг' (букв. в южную сторону), д=рбэн тээшээ 'на четыре стороны' (букв. в четырех направлениях), хоёр тээшээ 'в разные стороны', яба\ан тээшээ 'туда, куда шел', хажуу тээшээ 'на боку, криво' (букв. в сторону бока, края)*. Для послелога тээ\ээ отличительным является указание на место или предмет, откуда исходит действие или движение в сторону говорящего: *газаа тээ\ээ 'снаружи', ондоо тээ\ээ 'из другого места', баруун тээ\ээ 'с запада, с правой стороны'*. Тээг==р, сохраняя семантику направления действия, актуализирует сему большей площади пространства, иногда множества мест, где оно совершается: *хада тээг==р 'по горам', эрье тээг==р 'по берегу', алиш дээг==р 'повсеместно'*.

Указание на место, находящееся впереди говорящего, выполняют пространственные послелого с корнем урд-. Так, *урда 'до, перед'* с исходным или родительным падежом используется для обозначения: а) предмета или лица, напротив которого или у лицевой его стороны, находится что-либо или происходит действие: *дабаанай урда 'перед перевалом'*; б) лица, в присутствии которого совершается действие: *шиниш урда 'перед тобой', манай урда 'перед нами', б=гэдэнэй урда 'перед всеми'*; в) конечный пункт движения: *гэрэй урда зогсобо 'перед домом остановился'*. В качестве послелога *урда\аа* управляет родительным падежом или притяжательным падежом и указывает на: а) предмет или лицо, в сторону которого совершается действие: *\алхинай урда\аа 'навстречу ветру', манай урда\аа г=йнэ 'к нам побежал', урда\аань шулуу шэдэхэ 'бросить камень в лицо'*; б) лицо или предмет, к которому обращено действие: *н=хэдэйнг-- урда\аа харана 'смотрит на друзей', ур-*

да\аань \арбаганаха 'размахивать руками перед кем-либо'. Синтаксическая функция урдуур с управляемым именем в родительном падеже заключается в обозначении пространства на некотором расстоянии впереди кого-либо: манай урдуур 'впереди нас', хадын урдуур 'по передней стороне горы'.

Указание на пространство, расположенное за спиной говорящего или наблюдателя, а также на севере, реализуется послелогом хойно 'за', хойно\оо 'за'. Хойно 'за' с родительным падежом имени существительного указывает: а) на место или предмет, по другую сторону которого находится что-либо или совершается действие: х=нэй хойно байха 'находиться за кем-либо', дабаанай хойно 'за перевалом'; б) с личным притяжением на место или предмет, за которое направлено действие: амбаарай хойно г=йлдэиэхэ 'скрыться за амбаром'; в) на то, что действие совершается на северной стороне чего-либо: з==н хойно биш 'на северо-восточной стороне'. Послелог хойно\оо управляет родительным падежом и участвует в обозначении действия, которое совершается по направлению, в сторону кого-то удаляющегося или приближающегося: хойно\оо зогсохо 'встать за кем-нибудь', хойно\оонь г=йжэ орохо 'забежать вслед за кем-нибудь'.

Послелог хоорондо 'между' служит для обозначения: а) места между двумя предметами: оронудай хоорондо 'между кроватями'; б) связи двух или более точек: тэдэ нуурай хоорондо 'между двух этих озер'; в) лиц или предметов, среди которых находится предмет или лицо речи: манай хоорондо 'среди нас', хоорондоннай 'среди вас', модонной хоорондо 'среди деревьев'; г) условной точки, предела, разделяющего предметы, лица, пространства: хоорондо байха 'отделять, служить границей, держа нейтралитет'.

К отглагольным послелогам относятся такие глагольные формы, которые утратили ядерное значение действия, выполняют служебную функцию, указывая на пространственные маркеры его совершения, и находятся в постпозиции к имени или другому глаголу. В качестве послелогов употребляются соединительные деепричастия и деепричастия предела. Так, х=рэтэр, производное от глагола х=рэхэ 'дойти', в сочетании с дательно-местным падежом имени существительного с личным или возвратным притяжением служит для указания на: а) предел, границу распространения действия, например: энэ х=рэтэр 'до этого места', далай х=рэтэр

‘до моря’; б) степень достижения действия: *шэхэндээ х=рэтэр улайшаба* ‘покраснел до самых ушей’, *газарта х=рэтэр дохихо* ‘кланяться до самой земли’; в) лицо или предмет, по отношению к которому направлено действие: *гэр х=рэтэр х=тэлжэ асарха* ‘привести на поводу до самого дома’, *заха х=рэтэр намнаха* ‘прогнать восвояси’ (букв. *знать до самого края*). Послелогои *тойроод*, *тойрон*, образованные от глагола *тойрохо* ‘обходить, объезжать’, сужая семантический объем, актуализируют сему предмета или места, вокруг которого или рядом с которым расположено или происходит что-либо: *гэр тойрон* ‘вокруг дома’, *добые тойрон* ‘вокруг бугра’, *гал тойроод* *лууха* ‘сидеть вокруг огня’.

Среди отнаречных послелогов, функционирующих в качестве служебных слов, не имеющих лексической самостоятельности и находящихся в постпозиции к падежным формантам, можно выделить следующие группы пространственных послелогов: а) локализирующие местонахождение объекта: *галай ойро* ‘у огня (вблизи)’; *харгыда ойро* ‘у дороги’; *гар\аа холо болгохог=й* ‘не выпускать из рук’, *сонхо\оо холо ошохог=й* ‘не отходить от окна’; *д=рбэн километр\ээ д=тэ* ‘ближе четырех километров’; б) указывающие на направление действия: *минии урда\аа хараба* ‘посмотрел мне в лицо’, *\алхинай урда\аа* ‘против ветра’, *гараа урда\аань \арбайгаа* ‘протянул ему руку’, *гэрэй хойно\оо д=тэлбэ* ‘появился из-за дома’, *манай урдуур гэхихэбэ* ‘идти впереди нас’.

Указание предмета, места, дальше которого, за которым находится указанный объект, осуществляется локативами в родительном падеже с послелогоми *саана*, *саада тээ*, *газаа тээ*: *столой саана байха* ‘стоять по другую сторону стола’, *хотоной саана* ‘за загоном’, ==*дэнэй саана* ‘за дверью’, *танай саана байдаг* ‘за вашим домом живут’, *горхоной саада тээ сабшаха* ‘косить на другой стороне ручья’, *хадын саада тээ уулзаха* ‘встретиться по ту сторону горы’, *гэрэй газаа тээ* ‘за домом’. В конструкциях с *саана* речь идет о конкретном месторасположении описываемого объекта, находящегося в непосредственной близости от заявленного ориентира. Референтное пространство, воспроизводимое сочетаниями с послелогоми *саада тээ*, *газаа тээ*, отличается пространственной перспективой, большей протяженностью и дистанцией между объектом и наблюдателем.

Функциональную дифференциацию предназначенности пространственных локализаций носители языка предпочитают называть также при помощи форм родительного падежа: *сабишалангай газарта* 'в сенокосных угодьях'; *таряанай газарта* 'на посеваемых площадях'; *газар шадарай замда* 'на околоземной орбите', *х=нэй газар* 'чужбина', *харида хариин зангаар ябаха* 'в чужих местах веди себя в соответствии с их законами', *дабаха харгыда* 'в дороге, которую надо преодолеть', *сэрэгтэ ошохо* 'пойти в армию', *ургасатай газарта гэрээ табиha* 'поставить дом на плодородной земле'.

Локативные конструкции с совместным и родительным падежами служат для указания границ пространства: *ехэ газартай г=рэн* 'государство с обширной территорией', *газар багатай* 'малоземельный', *у\ан багатай газарта* 'на территории, где ощущается недостаток воды', *ехэ модоной* '==дэртэ 'в тени большого дерева', *талындли дэлю=н* 'широкий как степь'.

Формами родительного падежа актуализируется сема 'заполненность чем-либо' - *|ууритай талада* 'на обжитом месте', *х=л ехэтэй газарта* 'в людном месте', *шулуутай газарта* 'в каменистой местности', *шоной газар* 'местность, в которой в изобилии водятся волки', *ногооной ш==дэртэ* 'по росе на траве', *хужартай газарта* 'там, где есть солончаки'.

Родительный падеж имен существительных участвует в обозначении особенностей локума - *намагтай талада* 'в болотистой местности', *доботой газарта* 'на бугристом месте', *болдогтой харгыгаар* 'по покрытой кочками дороге', *=ндэр оройтой уулада* 'гора с высокой вершиной', *модотой газарта хонохо* 'зачековать в лесистой местности', *=дхэн =б\этэй газарта* 'в местности с густой травой'.

Формами исходного падежа обозначается составная часть объекта, элемент чего-либо, представляющий его особенность: *ондоо тала\аань харуулха* 'показать с другой стороны', *хажуу бэ\ээ* 'сбоку, со стороны', *заха\аань абаад* 'взяв с самого начала', *н=г--тээн* *сабишаха* 'косить на противоположной стороне', *=з==р\ээн* *хараха* 'смотреть в корень' (букв. смотреть, начиная с корня). Локативы с исходным падежом имени также формируют отношения части и целого: *|=рээ\-- та\ар\ан галуун* 'оставшим от стаи гусь', *олон аймаг\аа нэгэн* 'один из множества айма-

ков', ганса\аа газар д==рэхэ 'от одинокого человека земля заполняется'.

Территория распространения, среда обитания обозначается формами родительного падежа имени существительного: хээрын нохой 'волк' (букв. степная собака), далайн урадхал 'морские течения', у\анай хорхой 'рыба' (букв. речной червь), у\анай модон 'сплавной лес'.

Для указания на пространственное расположение объектов, имеющих вертикальную или горизонтальную ориентированность, в бурятском языке употребляется несколько локативных групп:

1) если объект расположен выше позиции наблюдателя, то используются формы исходного падежа с послелогом дээрэ\ээ: модон дээрэ\ээ бууха 'спуститься с дерева', орой дээрэ\ээ абаха 'взять с крыши', шкаф дээрэ\ээ олохо 'найти на шкафу', морин дээрэ\ээ хараана 'ругается, сидя на лошади'. В данной ситуации воспроизводится пространственное перемещение объекта, осуществляемое сверху вниз по вертикальной оси координат;

2) кроме того эти же субстантивные конструкции могут обозначать поверхность, с которой поднимается объект: орон дээрэ\ээ бодохо 'встать с постели', стол дээрэ\ээ б= аба 'не бери со стола', у\ан дээрэ\ээ ерэхэ 'прийти с реки', харгы дээг==р олохо 'найти на дороге'. При этом языком реализуется противонаправленное предыдущему действию - снизу вверх. Амбивалентность данной конструкции поддерживается семантикой заявленных ориентиров. Чаще всего это поверхность, расположенная ниже позиции наблюдателя, с которой объект в результате движения занимает более высокую позицию или меняет горизонтальное положение на вертикальное;

3) формы родительного падежа с послелогом дээрэ\ээ, а также исходного падежа используются в контекстах для указания места, более значительно в плане иерархии семантизированных пространственных территорий, откуда производилось движение агенса: аймаг дээрэ\ээ ерээ 'приехал из аймачного центра', Москва\аа буугаа 'приехал из Москвы', дээрэ\ээ ер\эн заабари 'директива, пришедшая сверху'. Сходную смысловую вариативность демонстрируют контексты с --дэ 'вверх'. Данный послелог может передавать информацию о такой функциональной зависимости описываемого объекта, которая возникает в случае, если референ-

циальным пространством, сквозь которое направлено действие, движение, являясь природные стихии, такие как вода, ветер, река, над которыми не властна воля человека. Такое пространство осознается как расположенное выше, что находит выражение в использовании --дэ 'вверх' в значении 'против': \алхи --дэ 'против ветра', урадхал --дэ 'против течения';

4) в локализации объекта выше или ниже позиции наблюдателя участвуют послелогои *доро, дээрэ: са\ан доро хоргодуулха 'спрятать в снегу', шара \архяаг модон доро ургадаг 'рыжики растут под деревом', гал дээрэ шэбэнэхэ 'колдовать над огнем', морин дээрэ тээхэ 'навьючить на коня', орой дээрэ гараха 'подняться на вершину'*. Данную семантическую функцию выполняют и конструкции родительного падежа с послегами *доодо тээ, дээдэ тээ: доодо тээнэ \ууха 'сидеть ниже чего-либо', тэрээнэй доодо тээнэ тээрмэ табиха 'поставить мельницу ниже, чем он', гэрэй дээдэ тээнэ газар хахалха 'пахать землю немного выше дома', хоёрдохи жалгын дээдэ тээ агнуурида гараха 'выйти на охоту с места, где начинается второй овраг'*;

5) референтное пространство, выше или ниже которого направлено действие, обозначается локативными конструкциями В.п. + послелогои *дээг==р, доогуур, --дэ, уруу: хада дээг==р элихэ 'парить над горой', хада --дэ хараха 'смотреть на вершину горы', х==ргэ дээг==р ябаха 'проходить через мост' (букв. проходить над мостом), гэр дээг==р ниидэхэ 'пролететь над домом', у\ан доогуур байдаг амитан 'подводный животный мир' (букв. животные, обитающие под водой), хада доогуур бэлиэхэ 'пасть по склонам горы', у\ан уруу шиихаха 'замочить в воде', тархяараа уруу \=рэхэ 'прыгать головой вниз'*. Данные контексты выявляют значение распространения действия вширь и не дают точного указания его места локализации [ГБЯ 1962, с. 305-307];

6) локативные конструкции родительного падежа с послелогом *доро\оо* обозначают пространство, из-под которого извлекается объект или совершается действие, например: *газар доро\оо бии болохо 'возникнуть из-под земли', мориной х=л доро\оо бултайха 'выглядывать из-под ног лошади', тайзан доро\оо гараха 'появиться из-под сцены', шэрээ доро\оо гаргаха 'извлекать из-под стола', обоотой оро\он доро\оо олохо 'найти в груди зерна' (букв.*

нашли из-под груды зерна), *пезиэнэй оёор доро\оо гаргаха* ‘достать из-под печи’.

Третьим основанием классификации локативных конструкций был назван признак замкнутости пространства, в пределах которого локализуется наблюдаемый объект. В случае, если описываемый объект находится в внутри определенного замкнутого пространства, язык использует локативы, актуализирующие следующие значения:

1) существительные в родительном падеже + послелог *соо\оо*, *дотор\оо*, *дунда\аа* называют место или пространство, изнутри которого направлено движение или извлекается что-либо: *ой соо\оо гараха* ‘вернуться из леса’, *та\алга соо\оо г=йжэ гараха* ‘выбежать из комнаты’, *у\ан соо\оо гараха* ‘выйти из воды’, *пезиэн соо\оо гаргаха* ‘вынимать из печи’, *амбаар соо\оо абажа =гэхэ* ‘отдать из амбара’;

2) субстантивы в исходном падеже + послелог *соо*, *руу* обозначают место, предмет, пространство, в пределы которого направлено действие: *байшан соо орохо* ‘войти в здание’, *аман соо балгалха* ‘задержать во рту’, *х=рез соо сомохо* ‘стоговать в ограде’, *гэр соонь сугларха* ‘собраться в его доме’, *з=рхэ руумни* ‘в мое сердце’, *==дэ руу орохо* ‘войти в дверь’, *нюрга руумни =леэжэ байна* ‘ветер дует в спину’, *сээжэ руунь шааха* ‘ударить в грудь’;

3) объектом локализации может выступать пространство, место, в границах которого что-либо находится или происходит действие, выражаемое существительным в винительном падеже + послелог *соо*, *соогуур*, например: *тогоон соо эдэз баридаг* ‘готовят пищу в котле’, *аймаг соо солотой алдартай* ‘знатный во всем районе’, *амбаар соо таряан д==рэн* ‘полный амбар зерна’, *найман ханатай булгаа\ан соо \уудаг* ‘живут в восьмистенной юрте’ (диал.), *у\ан соо тамарха* ‘плавать в воде’, *халаа\ан соо м=нэгтэй* ‘денежный’ (букв. с деньгами в кармане), *х=нэг соо \аа\аар \= асарба* ‘принес ведро парного молока’ (букв. принес сразу после дойки в ведре молока), *коридор соогуур ябана* ‘ходит по коридору’, *гэр соогуур ябаад, газаа гараха* ‘пройдясь по дому, выйти на улицу’;

4) при указании места предмета, находящегося среди других или однородных предметов, употребляются формы родительного падежа имени и послелогов *дунда*, *хоорондо*, *хоорондуур*,

дундуур: талмайн дунда 'посреди площади', хото хорёогой дунда 'посреди скотного двора', ойн дунда 'в чаще леса', манай дунда 'среди нас', гэрэй хоорондуур гараха 'проходить между домами', ш=дэнэйнг-- хоорондуур 'между зубов', ==дэн хоорондо 'между дверей', у\анай дундуур 'посреди реки'. Наблюдение показывают, что бурятский различает расположение объекта среди однородных и неоднородных предметов, для указания на расположение среди множества однородных предметов употребляются послелогои дундуур, дунду\аа, производные от дунда 'середина'. Лингвистическая интерпретация середины носит эпистемический характер и базируется, во-первых, на понимании середины как точки или места, равноудаленного от конечных точек ограниченного пространства, то есть центра, непременно предполагающего деление чего-либо на два равных промежутка (временных или пространственных), во-вторых, в языке зафиксировано осмысление срединной, промежуточной позиции как одной из частей чего-либо целого. Отсюда при вторичной номинации появляется новое значение 'неполный', получившее дальнейшее развитие в производных: дундадахи 'оказаться неполным, не хватить', дундалха 'отбавлять, отливать', дундарха 'сокращаться', дундаханаар хэхэ 'немного насыпать', дундууршаг 'посредственный, глуповатый'. Послелогои дунда 'посредине', дундуур 'между' употребляются с существительным в родительном падеже для обозначения места, занимающего центральную часть другого пространства: талмайн дунда 'в центре площади'; местонахождения субъекта, находящегося в окружении чего- или кого-либо: тэдэнэй дунда 'среди них'; предмета или лица в пределах другого пространства: хотондой дунда 'в пределах поселения', гэрн==д дундуур 'между домами'; характера или способа протекания действия, сценарий которого определяется положением агенса в пространстве: нишдэн дундаа 'на лету', харайса дунда 'на скаку'; при связи двух точек в пространстве: хоёр хадын дундуур 'между двумя горами';

5) локативы, выраженные родительным падежом имени и послелогоми соо\оо, дунда\аа, дотор\оо, употребляются при обозначении совокупности, из которой выделяется какая-то его часть: манай дунда\аа гара\ан 'один из нас' (букв. вышедший из нашей середины), х=дэлмэришэнэй дунда\аа 'из рабочих', олоной дунда\аа 'один из нас' (букв. из многих), тэдэнэй дунда\аа шэлэхэ 'выбрать

из них', хониной дунда\аа таргыень абаха 'выбрать среди овец самую упитанную'.

Итак, основную роль в репрезентации пространственных отношений в бурятском языке играют послелогои, отражающие результат осмысления пространственных локализаций или ориентаций. Падежно-послеложными конструкциями указываются отношения соположения объекта или действия относительно другого предмета или пространства (внутри, рядом, над или под ориентиром), траектория перемещения, определяются исходный или конечный пункт движения. Для лингвистической модели локализации объектов и ситуаций применяется точечный, линейный и окружный сценарий [ср.: Плунгян 2000, с. 175, Пете 2004, с. 65]. При этом фоновое пространство членится языком на ряд топологических зон относительно выбранного ориентира: локус непосредственной близости, внутренняя зона фрагмента пространства, поверхность ориентира, положение фигуры относительно данной поверхности, однородность или неоднородность множественной организации пространства, фасадная или тыльная сторона ориентира. Следует отметить, что фасадная ориентация в бурятском языке остается неизменной и не зависит от позиции фигуры наблюдателя, в некоторых случаях фон и фигура могут рассматриваться и описываться как обращенные друг к другу.

3.2. Языковые средства выражения семантики предела

В осмыслении и концептуализации пространства важнейшее значение имеет понятие *граница*. По мнению отечественных лингвистов, граница является одной из составляющих наивной геометрии [Арутюнова, 2002; Кубрякова, 2000; Яковлева, 1994]. Так, Арутюнова выделила референтную точку в понятии «начало-конец» - между, которая входит в разные денотативные пространства. «Линия – простейшее и в идеале одномерное понятие – маркирует переход из мира природы к его геометризованной модели» [Арутюнова, 2002: с. 6]. По Н.Б. Мечковской, начало и конец выступают конструктами обыденного сознания, результатом широкого обобщения и высокого абстрагирования, исторически первой системой координат [2002: с. 109]. Пространственную упорядоченность и выявление конечного или начального элемента Н.Ф. Спи-

ридонова определяет с точки зрения расположения относительно говорящего. А.Д. Шмелев [2002], Т.А. Майсак [1999], Ферм [1990: с. 53-55] отмечали ассиметрию начальной и конечной точек движения, справедливо рассматривая конечную точку коммуникативно более значимой. Для объективации начального и конечного пунктов в русском языке используются приставочные глаголы, задающие особый способ концептуализации [Шмелев, 2002: с. 181-194]. При изучении семантического поля *конца* В.Г. Гак придерживался выполнения двух процедур: анализа взаимодействия с другими полями и определения внутренних оппозиций, образующих структуру *начала* и *конца*. Анализируя дейктические элементы в семантике глаголов движения, Е.В. Падучева приходит к выводу, что зачастую отсутствие русских глаголов предложной группы, выражающей конечную точку, интерпретируется как сигнал того, что конечная точка задана местонахождением наблюдателя: *‘Иван пришел сюда’* [2002: с. 126].

Предел в пространстве в бурятском языке позволяет разделить его на сегменты в четком соответствии с особенностями чувственного восприятия, на котором основывается их семантизация, например: *голой адаг ‘устье реки’* (букв. *конец реки*), *х=б-- ‘край, кромка’*, *хэмтэ газар ‘предельный, конечный пункт’*, *газарай заха ‘глухомань, отдаленное место’*, *м=рэнэй эхин ‘исток реки’*, *баруун хизаар ‘запад’* (букв. *западный предел*), *хилын саана ‘за рубежом’*. С помощью границ физических предметов носитель языка определяет место объекта в пространстве: *т=р== ябадаг ‘быть в авангарде’* (букв. *впереди идущий*), *захын айл ‘крайний дом’*, *мухардаха ‘оканчиваться тупиком’*, *хадын орой ‘вершина горы’*, *хэмтэ газар ‘конечный пункт’*, *модоной =з==ртэ ‘на верхушке дерева’*, *эрьейн х=б-- ‘побережье’*, *заха\аа аба\аар ‘сплошь, отовсюду’*. Оппозицию *начала* и *конца* часто используют для идентификации того или иного явления, не прибегая к описанию его отличительных признаков: *эхи татаха ‘положить начало’*, *мухар харгы ‘конец дороги’*, *г==н оёор ‘бездна, пучина’*, *онгосын \==л ‘корма лодки’* (букв. *конец лодки*), *хизаарлагдаха ‘определяться пределами’*, *туйлдаа х=рэхэ ‘дойти до предела’*, *т=гэсэхэ ‘завершаться’*, *шэгшэг ‘конец, край, частица’*, *ойн захада ‘на опушке леса’* (букв. *на краю леса*), *сэгнэхэ ‘оценивать’* (букв. *определять границы чего-либо*).

В репрезентации семантики пространственного предела участвует совокупность языковых средств, среди которых представлены лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические средства.

Предметом исследования послужили лексические единицы. В семантическом поле предела находим существительные: *эхин, мухар*, $m=лшэ$, *орой, сэг*, $l=л$, *туйл*, $t=гэсхэл$, $=з==p$, *унги, хизаар*, *хилэ, заха, адаг, сээл*, $г=н$, $х=б--$, *шэгшээг, эсэс*; прилагательные: *туйлай*, $t=p==$, *захын, хизаарай, адагай, хилын, хизаартай*, $t=p==шын$, $l=лшын$, *туйлай, эсэсэй, алас, анха, эхинэй*; глаголы: $l=лтэхэ$, *эсэслэхэ, эхилхэ, мухардаха, туйлаха, т=гэсэхэ, =ндэ* $лэжэхэ$, *хизаарлаха, хилэлхэ, захадань гараха, адаглаха, адагтаха*, $l=л$ *боохо, б=тээхэ, буураха, х=рэхэ, д==ргэхэ, бараха, баруулха, гараха, т=рэхэ, =нгэрхэ, барантаха, захалха, т=p==лхэ, г=йдэлд-- орохо* и др., послелого: *эхээр*, $l=лдэ$, *захада, эсэсээр, т=p==ндэ, эхилтэр*, наречия: $m=ли--p$, $l=лээр$, *туйлай, т=p==н, т=p==нхи, т=p==шэг, т=p==шээр, заханаа*, фразеологические обороты: *дабаан дээрэ 'момент, непосредственно предшествующий наступлению чего-либо'* (букв. на горе), *саана орохо 'удаление за пределы чего-либо'*, *нохойн дуун ойртоо 'дело идет к концу'*, *эхинхээнь h==л х=рэтэр 'от начала до конца'*, $h==л$ *боохо 'завершить'* (букв. конец закрыть), *уг та'а 'вконец'* и др.

По данным бурятского языка, слова с семантикой *начала и конца* образуют оппозицию, в которой противопоставленность формирует суждение о целом, где начало и конец выступают как части единого неделимого пространства. Так, фраземы *оройхоонь ула х=рэтэр 'от начала до конца'* (букв. от макушки до подошвы), *узуурһаань =з==p х=рэтэр 'от начала до конца'* (букв. от кончика до кончика), *эхинхээ адаг х=рэтэр 'от начала до конца'* передают наивные воззрения носителей языка о целом как о совокупности двух исходных основ.

Для представлений о начальном и конечном, основанных на структуризации пространства с использованием семантики предела, точкой отсчета границ выступает позиция самого говорящего. В этом случае конец понимается максимально удаленным пределом в пространстве или местом на поверхности предмета, чем большее расстояние отделяет наблюдателя и наблюдаемый предел, тем очевиднее вероятность абсолютного конца. Значительную дистанцию

от говорящего до называемого объекта демонстрируют: *газарай мухар* 'край земли', *заха газар* 'отдаленное место', *далайн сээл* 'морская пучина', *столой шэгшэг* 'краешек стола', *заха хизарта х=рэхэ* 'достичь края', *алад холын* 'удаленный', *заха булан* 'захолустье', *|=|=лиын вагон* 'последний вагон', *алас хойто з=г* 'дальний север'.

У других слов реализуется актуальное значение 'предел, отделяющий протяженность объекта'. Концом воспринимается та часть поверхности, которая прилегает к этому пределу и представляет его край, например: *харгын х=б--* 'край дороги', *тон |=|=л\ээ* 'с самого конца', *хургануудай =з==р* 'кончики пальцев', *=з==ртэй* 'имеющий конец', *горхоной захаар* 'по берегу ручья', *хадын орой* 'вершина горы', *шэгшэг дээрэ* 'на краешке', *аягын х=б- -* 'края чашки', *сабша\ан хирхаг зурына* 'выделяется кромка покоса', *буугай =нсэг* 'угол приклада ружья', *талмайн д=рбэн =нсэг* 'четыре края площади', *далайда харахада, холо байдаг* 'когда смотришь на море, оно непроходимо далекое' (букв. когда смотришь на море, предел, который надо достичь, очень далеко находится). Как видим, зачастую при этом природные объекты, реально не имеющие конца, языковое сознание наделяет свойством предельности. К таким номинациям можно отнести следующие случаи: *газарай г=нзэги руу* 'в глубь земли', *талын захада* 'на краю степи', *тайгын оёрто* 'в глубине тайги' (букв. на дне тайги), *газарай заха* 'край земли, глухомань'.

Понятие *конца* ввиду своей абстрактной ментальной сущности может объективироваться путем вторичной номинации и репрезентироваться в языке при помощи метафоры, которая отражает понимание данной категории. Так, в осмыслении *предела* в бурятском языке участвует метафора вершины или бездны: *хадын орой* 'вершина горы', *сээл н=хэндэ* 'в глубокой яме', *г==н газар* 'глубь земли', *модоной =з==ртэй* 'верхушка дерева', *г==н ехэ шэлын =бэр орохо* 'взобраться на самую вершину хребта', *хярын орой* 'гребень горы' и др. При использовании переноса актуализируется мера и пространственных границ объектов, фиксируется их удаленность. Это не столько свидетельство пространственного размера, сколько подтверждение максимального расстояния до него по вертикали, в данном случае значительная дистанция формирует идею предела. Количественный компонент величины, размера, подвер-

гающийся оценке, помимо указания на конечную точку чего-либо протяженного развивает у названных слов способность выступать в качестве основания для измерения расстояния в пространстве: *Арбан гурбан \арьдагы алад гаража талиба \эн ха [X. Намсарав] 'тринадцатый гольцов бывало преодолевал'*.

Для выражения семантики *конца* используется метафора результата. Конец предполагает завершение описываемой ситуации, в результате которого и достигается искомая цель, в таком значении выступают в основном глаголы, большинство из которых обозначает результативное целенаправленное действие: *эсэстэ х=рэтэр 'до конца', туйлаха 'достигать, добиваться, преодолевать'*, где *туйл* – конец, предел, *т=гэсэхэ 'заканчиваться, завершаться', захадань гараха 'приблизиться к завершению', адаглаха 'доходить до конца', \==л боохо 'завершить' (букв. хвост завязать), х=рэхэ 'достичь', д==ргэхэ 'закончить', б=тээхэ 'выполнить'* и др. Под *концом* подразумевается такое положение, которое было запланировано и явилось естественным итогом какой-либо деятельности. Эту модель можно считать динамической разновидностью пространственной метафоры.

В рамках метафоры результата находятся контексты с глаголами *та\арха 'прекращаться', хатаха 'высохнуть, перестать', буураха 'утратить', бараха 'закончить'* и др., имплицитными значениями предела: *та\архай холо газар 'глухомань' (букв. оторванное далекое место), урагшаа хата\ан хэрэг 'бесперспективное дело' (букв. вперед высохшее дело), маряагаа буураха 'утратить прежний объем', хээли бараха 'спадать с тела'*. Конец как результат в данном случае сочетается со следующими смыслами: 'неуспех', 'ущерб', 'болезнь' и даже 'смерть'.

Как видим, глаголами используется особый способ концептуализации конца - динамическая модель пространственного предела, основанная на метафоре *движения*, например: *эсэстэнь х=ргэхэ 'довести до конца'*, для глагольных контекстов характерно указание на достижение заявленной точки.

Конечную точку перемещений или территорию, прилегающую к ней, обозначают локативы, выраженные в форме дательного падежа или винительного падежа, например: *т=рэлхидт-- тараха 'разъехаться по родственникам', нютагтаа д=тэлхэ 'приблизиться к родным местам', саада эрьедэ х=рэхэ 'доплыть до про-*

тывоположного берега реки’, м=рэниие гаталха ‘переплыть реку’, =ндэр добые дабажа гараха ‘преодолеть высокую гору’, хилэ дабаха ‘перейти границу’. Для обозначения финишной черты используются послелогои х=рэтэр и туласа, мотивированные глаголами х=рэхэ ‘достичь, дойти’ и тулаха ‘доходить’, вместе с дательным падежом имени существительного указывающие на границу распространения действия: далайда х=рэтэр намнаха ‘преследовать до самого моря’, гэртэнь х=рэтэр х=ргэхэ ‘проводить до самого дома’, нуур туласа сабшаха ‘выкосить все до озера’, х==ргын туласа ‘вплоть до моста’. На неопределенный ориентир предела указывают послелогои тээшээ + существительное в исходном падеже, денотативно сининимичны им контексты с уруу. Словосочетания с тээшээ называют место, по направлению к которому совершается передвижение, а с уруу – направление по горизонтальной поверхности внутрь отдаленной местности, например: шандаганинь баруун тээшээ арилишоо ‘заяц исчез в западном направлении’, у\анай заха тээшээ ‘к берегу’, Байгал далайн тээшээ урдаха ‘течь в Байкал’, ой уруу талиша ‘скрыться в лесу’, бургаа\ан руу тэрлэхэ ‘убежать в кусты’.

Для реализации идеи предела в бурятском языке эксплуатируется метафорическая модель тупика. Мухар ‘тупик’, предполагающий отсутствие сквозного прохода, обозначает конечную точку передвижения по ассоциации с окончанием, остановкой, прекращением движения или изменением его направления, поэтому и выступает его символическим концом: мухар =йлсэ ‘конец, тупик улицы’, мухардаха ‘оканчиваться тупиком’, т=йлдаха ‘доходить до предела возможного’, газарай мухарт ‘в глуши’ (букв. на краю земли), адаг \уури ‘последнее место (неоодобр.)’, адаглаха ‘доходить до конца, закончить’, адагтаха ‘занимать последнее место’, хэмтэ газар ‘предельный пункт’. Близость понятий тупика и конца привела к развитию характерологического оценочного значения со знаком минус, которое указывает на исчерпанность жизненных, личностных, нравственных сил: адаг тэнэг ‘глухой’, адагай адаг ‘худший из худших’, адагтаха ‘заболеть’, хэмтэ газар ‘место погребения’ и др. В этой же семантической функции выступает б=гл== ‘закрытый, глухой’: Нэгэ б=гл== нюуса булан соо\оо ара гэзгээ тээшээ хара\ан з=ргэ борохон харгыгаар... ‘[X. Намсараев].

Денотативно синонимичное пространство обозначают локативы, воспроизводящие идею угла, где под углом понимается отдаленное, глухое место, предел: *булан тохой* 'край земли', *газарай буланда* 'в глуши', *заха булан* 'захолустье', *талын буланда* 'на краю степи', *алишье булан\аа* 'со всех концов', *заха булангай* 'захолустный', данная вторичная номинация имеет место и в русском языке: *таежный угол*, *в глухом*, *деревенском углу*, *дрянной угол*, *медвежий угол*. Нарращение смысла 'находящийся в глуши' стало возможным благодаря наличию в семантической структуре компонента 'часть пространства, ограниченная двумя стенами', которая переосмысливается как часть пространства, находящаяся на рубеже → на границе → близко к краю → на краю местности → в тупике. Метафора угла представляет собой одну из разновидностей метафоры тупика.

Среди распространенных концептуальных метафор, используемых для вербализации абстрактных сущностей и материальных предметов в бурятском языке, наиболее продуктивной является зооморфная метафора, с помощью которой актуализируется семантика размера, величины, различной качественной и количественной характеристики описываемого объекта. При помощи зооморфизмов кодируется конечная часть пространственного объекта. Значение существительного $\lvert=\lrcorner\lrcorner$ 'конец' обусловлено внутренней формой слова, в своем основном значении $\lvert=\lrcorner\lrcorner$ - 'хвост (животного)'. Нарращение смысла произошло в результате того, что обыденное языковое сознание усмотрело перцептивное соответствие между 'конечной частью тела животного' и абстрактным понятием *предел*. Этот процесс нашел отражение во фразеологизме $\lvert=\lrcorner\lrcorner$ *боохо* 'завершить дело', дословный перевод которого звучит так: *завязывать хвост*, а также в наречии $\lvert=\lrcorner\lrcorner\lrcorner$ 'с самого хвоста' → 'с самого конца', в прилагательном $\lvert=\lrcorner\lrcorner\lrcorner$ 'хвостовой' → 'последний'. В основе метафоризации лежит «ощущение подобия (или сходства) формирующегося типового образа и некоторого в чем-то сходного с ней «конкретного» образно-ассоциативного представления о другой реалии» [Телия 1996: с. 137].

Для обозначения разделения и установления границ применяется соматизм *можо* 'бедренная кость', который в результате переосмысления развивает новые значения 'группа', 'область', 'кучка'. 'группировка': *Можо боложо*, *аймаг аймагаараа*

м=рысэдэг ёло байгаа гэжэ ойлгуулба ‘объяснил, что проводили соревнование, разделившись по аймакам’ [Ц-Б. Бадмаев] (цитируется по: Крат. толк. словарь) Известно, что человеческое тело является первым и самым распространенным мериллом всех материальных и нематериальных сущностей. При помощи соматического кода в языковой картине мира обозначаются представления носителей языка о структуре, параметрах и сути явлений окружающей действительности. Среди соматизмов, демонстрирующих универсальные свойства и представленных во многих языках мира, выделяются части тела человека, а точнее, их вертикальное расположение, способное в рамках вторичной номинации обозначать размер, форму, расположение в пространстве, родство, функцию, положительную или отрицательную аксиологию, такие как: *голова, макушка, рука, сердце, ладонь, пятки, ступни и пр.* Так, голова как самая верхняя часть физических форм человека используется в языке для кодирования верхней или передней исходной точки пространственных объектов, а глагольные производные от существительного *толгой*, помимо всего прочего, способны актуализировать сему ‘направление движения’: *уулын толгойдо ‘на вершине горы’, толгойн харгыгаар ‘по дороге через хребет’, онгосын толгой ‘нос лодки’, сэсэгэй толгой ‘цветок’ (букв. голова цветка), сомоо толгойлхо ‘вершить копну сена’, з==н тээшэ толгойлхо ‘направляться на восток’.*

К национально-специфическим и весьма продуктивным для бурятского языка можно отнести соматизм *я\ан ‘кость’*, употребляемый для указания на принадлежность к одному этносу: *ондоо я\анай ‘другой национальности’*; принадлежность к какому-либо роду: *ямар я\анайбта ‘из какого вы рода?’ (букв. из какой кости вы будете?)*; на весь человеческий организм: *я\а у\амни =бдэнэ ‘все тело болит’, я\аа хаяха ‘успокоиться’, я\а гараха ‘выбиться из сил’*; на степень упитанности: *ар\а я\ан ‘кожа да кости’*; на преклонный возраст: *=мхи я\ан ‘старые кости’* и даже смерть: *я\аа хаяха ‘умирать’*; на душевное состояние: *я\аа ябтайха ‘беспокоиться о ком-либо’, я\ынь гаргаха ‘вымотать душу’, я\ынь дайруулха ‘задавать за живое’*; прочность материала, из которого сделано изделие: *я\атай б=д ‘крепкая ткань’*; на особенности строения тела: *нарин я\атай ‘стройный’, б=хэ я\атай ‘крепкий’*; участвует в номинации предметов, имеющих твердую оболочку: *жэмэээй я\ан ‘косточка*

плода', \амарай я\ан 'скорлупа ореха' и др. Особенность отдельной кости как составной части скелета представлять часть целого послужила источником кодирования объектов окружающего мира, рассматриваемых в плане части и целого. В таком аспекте употребляются и лексема *можно* 'группировка, кучка', сема предела, которая стала возможной в результате действия процесса отделения части от целого.

В рамках данной семантической модели находятся лексемы *тээлниг* 'огороженное место для пастбы телят', *хаамаг* 'загородка', *хашаа* 'ограда, двор, загон для скота', *хорёо* 'изгородь, покотина, загон', *б=лэг* 'группа, кучка', актуальное значение которых содержит идею предела, они мотивированы соответственно с глаголами *тээглэхэ* 'запирать на засов, ставить перекладину', *хааха* 'закрывать, загонять, преграждать', *хашаха* 'припирать, загонять', *б=лэглэхэ* 'разделять на части'. Действие процесса отделения позволяет языку выделить часть пространства, придать ему статус самостоятельности, заявить о его целостности, подвергнуть семантизации, границами таких интервалов пространства выступает ограда или изгородь.

Обнаруживаются единичные метафоры, не являющие признаков закономерности, но обнаруживающие особенности процесса осмысления понятия *предел*. К таким относится использование идеи *острие* для обозначения *конца*, например в таких выражениях: *=з==р* 'кончик, острие', *=з==р =з==рг=й* 'без края и без начала' (букв. *конец без острия*), *узуур\аань =з==р х=рэтэр* 'от начала до конца' (букв. *от конца до острия*), *заха =з==рг=й* 'без конца и без края', *нюдэнэй =з==ртэ* 'вдали' (букв. *на кончике глаза*), *узуураар \уу\ан* 'живущие по окраине' (букв. *живущие на острие*). За выражением *хаяа хадхаж* \ууха 'жить по соседству' (букв. *стену протыкать*) также стоит метафора *острие*, на это указывает глагол *хадхаха* 'вонзать, втыкать'. Появление этой вторичной номинации восходит к тем временам, когда границу между живущими рядом помечали, воткнув в землю заостренный предмет.

Следует отметить, что метафора *острие* в бурятском языке обслуживает и второй член семантической оппозиции - *начало*, ср: *=з==р =гы модондо* 'нет начала у дерева', *тайгын х=йтэн булагай =з==р дээрэн т=рэ\энби* 'родился у истока холодного таежного родника' (букв. *у начала таежного холодного родника я родил-*

ся). Синкретизм данных понятий на начальном этапе их осмысления находил продолжение в употреблении *орой* в значении первый: ср.: *олоной орой*, $t=мэнэй\ t=r==$ 'передовой' (букв. первый из многих, десяти тысяч передовой), *орой\оонь ула х=rэтэр* 'от начала до конца' (букв. от верхушки до подошвы), *оройлхо* 'возглавлять, быть первым'. Выражение идеи начала через *вершину* представляет действие онтологической когнитивной пространственной метафоры, описанной Лакоффом и Джонсоном [1990], согласно которой осмысление окружающего мира происходит в рамках антропоцентричного пространственного кода [см., например, Подлесская, Рахилина, 2000]. *Орой* 'вершина, макушка', как и все, что расположено в верхней части тела человека или возвышается над ним, наделяется наивным сознанием с положительной аксиологией и маркирует объекты, стоящие выше других в каком-либо отношении. В данном случае указывает на ведущую, передовую или находящуюся впереди, т.е. начальную, их часть. Наличие семы 'верхний', 'начальный' послужило основой семантической трансформации, в результате которой $=z==r$ стал употребляться для указания на высшую степень проявления признака: $=z==r$ *баян* 'очень богатый', $=z==r$ *нгэ хагдан* 'обильный травостой'.

В обозначении исходной позиции в бурятском языке участвует и соматизм *ара* 'спина, задняя, тыльная часть', используемый для номинации части пространства или объекта, который выступает началом движения: *ара гэр\ээн баруугшаа талиха* 'от крайнего дома на запад отправиться' (диал.), *ара тала\аа ерэхэ* 'приехать с тыльной стороны', *талын ара\аа марьяжса д=тэлхэ* 'незаметно появиться с задней части стени' и т.д. Следует заметить, что данное актуальное значение лексемы стало возможным ввиду того, что в бурятской языковой картине мира основным способом ориентации человека в пространстве, при описании его местонахождения и передвижения на местности, является четкая система координат, согласно которой любой объект занимает неизменную позицию относительно сторон света, а именно: находится лицом к югу, спиной – к северу, справа - запад, слева – восток. Исходя из данной ориентационной схемы *ара* 'спина, задняя часть' всегда служит отправной точкой при перемещении на местности. Среди других соматизмов, кодирующих пространственные ориентиры, можно выделить *толгой* 'голова' и *магнай* 'лоб' как квали-

фикаторы передовой, впереди идущей части объекта: *толгойлхо* 'возглавлять', *онгосын толгой* 'передняя часть лодки', *магнай сорог* 'передовые части войска', *манай сэрег*==дэй *магнайда яба\ан гвардейскэ полк* 'наш передовой гвардейский полк'.

Семантическое содержание исходного, начального ядра, на котором располагаются или укреплены другие его части, представлено *хормой* 'основание, подножие', например: *уулын хормойдо* 'у подножия горы'. В основном своем значении *хормой* обозначает подол одежды. В результате метафорического переноса, основанного на сходстве расположения относительно пространственной вертикали, формируется денотативное пространство, интерпретируемое как расположенное в нижней части данной вертикали, т.е. в месте, предполагающем исход, рост или развитие, а значит, актуализирующем идею начала.

Тенденцию диффузности начала и конца находим во внутренней форме глагола *захалха* 'начинать', который мотивирован существительным *заха* 'край, конец'. В контекстах с *заха* обнаруживаем, что обыденное сознание рассматривает начало и конец в пространстве скорее как его части, достаточно удаленные от наблюдателя: *захаар яба\ан* 'пасущийся на окраине', *заха\аа аба\аар заха* *х=рэтэр* 'от начала до конца, сплошь', *заха =з==ртэнь гаргаха* 'довести до конца', *захын айлда орохо* 'войти в первый дом, крайний дом'. Как видим, четкой противопоставленности начальной и конечной точек не обнаруживается. Лингвисты не раз отмечали глубинное тождество начала и конца, которое зиждется на обыденном понимании целостности пространства, возможности совпадения начала и конца особенно на временной шкале [Арутюнова, 2002; Мечковская, 2002; Шмелев, 2002].

Начальная точка в пространстве, обозначаемая лексемой *эхин*, по материалам языка актуализирует идею устойчивого установления, позволяющего вступить в силу, в действие, ср.: *эхин табиха* 'класть начало', *эхин татаха* 'начинать' (букв. тянуть начало), *эхи \уури* 'основание' (букв. начальное место), *баханын узуур* 'основание колонны', *модной узуур* 'комель дерева'. В качестве начала, ассоциативно связанного с исходным территориальным положением, языком выбирается место, возможно, ассоциативно связанное с моментом, когда степняки приступали к обживанию

сезонной стоянки с установления юрты и хозяйственных построек: *гэрн*=*дэй* |ууринууд 'основания, фундаменты домов'.

Семантика *начала* подразумевает указание положения, предшествующего всем другим подобным объектам: *эхин*|*ээн* то-олохо 'считать, начиная с первого', *эхин* |ургуули 'начальная школа', *т=r*==*ябаха* 'идти впереди', *т=r*==*айл* 'предыдущий дом', *т=r*==*шын ээлжээндэ* 'в первую очередь', *анхан т=r*==*ерэ*|*эн х=b*==*н* 'мальчик, который пришел первым', *анхан =ндэ*|*эн* 'первоначальный корень', *анхан т=r*==*шын байра* 'первое жилье'.

В качестве метафорической модели начала часто выступает *корень* как символ источника роста и основание развития: *=ндэ*|--*табиха* 'пускать корни', *=ндэ*|*э* =*з*==*р* 'начало, источник' (букв. корень, конец), *=ндэ*|*эжэхэ* 'вести начало, происходить', *=ндэ*|*эн эшэ* 'начало, основа'.

В глагольных контекстах начальная позиция рассматривается с точки зрения метафоры движения, в этом случае под *началом* понимается первая стадия развития действия или перемещения: *г=йдэлд*--*орохо* 'сдвинуться с места', *у*|*анда орохо* 'войти в воду', *нютагтаа орохо* 'въехать в родные места', *хара далда орохо* 'исчезнуть из виду', *утын харгы алхам*|*аа эхилдэг* 'дальняя дорога начинается с первого шага'. Когда мы употребляем эти глаголы, исходное положение объекта имплицитно рассматривается как неподвижное, а состояние субъекта характеризуется бездеятельностью. Пространственный параметр говорящим чаще всего не обозначается, он подразумевается по умолчанию, важнее в коммуникативном плане указание на факт начала действия. Для указания начальной точки употребляется метафора открывания.

Отправная точка в пространстве, откуда начинается действие, в бурятском языке обозначается исходным падежом имени существительного, данные локативы демонстрируют следующую семантическую парадигму: а) пункт, откуда начинается действие: |ургуули|*аа ябаха* 'будет отправляться от школы', *бого*|*оо абаад хэмнэхэ* 'измерять начиная от порога'; б) указывает на пространственный объект, откуда начинается перемещение за его пределы: *у*|*ан*|*аа гараха* 'выйти из воды', *эндэ*|*ээ арилха* 'исчезнуть отсюда'; в) пределы границ, в которых происходит действие: *энэ за-ха*|*аа н=g*--*жалгада х=rэтэр урилдажа ябаха* 'будут соревноваться начиная от этой границы до следующей балки'; г) точка

отсчета при определении нахождения других объектов: *лургуули\аа хоёрдохи гэр* ‘от школы второй дом’; д) совокупность, откуда вычленяется отдельный предмет: *мяхан\аа хэриэхэ* ‘отрезать кусок от мяса’; е) место, откуда происходят люди, о которых идет речь: *Монгол\оо ерэлэн* ‘приехавшие из Монголии’, *баруун з=з\-- х=дэр буряадууд* ‘с западной стороны кударинские буряты’; ж) объект как исходная стадия развития, в результате которого появляются новые качества: *утын харгы алхам\аа захалдаг* ‘длинный путь начинается с первого шага’, *зулзага\аа шоно болодог* ‘щенок превращается в волка’.

На начальную точку перемещения указывают также контексты с послелогоми: 1) *дээрэлээ*, соответствующий русскому предлогу *с, из* + сущ. в исходном падеже, например: *Орлик дээрэлээ ерээ* ‘приехал из Орлика’, *гэрэй орой дээрэлээ бууха* ‘спуститься с крыши’, *модон дээрэлээ буулгаха* ‘спустить с дерева’; 2) *доро\оо*, указывающий на место, из окрестностей которого что-либо появляется или начинает происходить: *газар доро\оо биш болохо* ‘появится из-под земли’, *л=л доро\оо гаргаха* ‘вытащить из-под хвоста’, *стол доро\оо шэрдэжэ эхилхэ* ‘начать красить под столом’; 3) *дунда\аа* ‘изнутри, из множества’: *манай дунда\аа нэгэн ошобо* ‘один из нас направился’, *хониной дунда\аа таргын олоо* ‘выбрали самую упитанную из овец’, *лургашидай дунда\аа нэгэниш Москва ябахань* ‘один из школьников поедет в Москву’; 4) *соо\оо*, употребляемый для обозначения места, откуда начинается действие: *амбар соо\оо эхилээ* ‘началось с амбара’, *та\алга соо\оо г=йжэ гараба* ‘выбежал из комнаты’, *у\ан соо\оо гаргажа байна* ‘вытаскивает из воды’; 5) *урда\аа* + сущ. в Р.п., указывающие на пространственный объект, приступивший к совершению действия навстречу наблюдателю или говорящему: *миниш урда\аа гэнтэ гараба* ‘вышел неожиданно мне навстречу’, или в направлении которого начали осуществлять передвижение: *айлшадай урда\аа бидэ уулзахаяа ошобобди* ‘мы выехали навстречу гостям’. Следует еще раз отметить единую для всех динамическую пропозицию, фиксирующую отправную точку начала движения. Кроме того, для первого значения характерной является актуализация идеи верхней поверхности, с которой осуществляется движение вниз; для второго – кардинально противоположный смысл: перемещение вверх начинается из места, расположенного ниже позиции

наблюдателя; третье и четвертое значения уточняют старт объекта, размещенного внутри чего-либо, пятое значение возможно в условиях динамической пропозиции для объектов, движущихся навстречу друг другу.

Итак, лексические единицы описываемого семантического поля демонстрируют синкретизм, существовавший на начальной стадии развития данных понятий и нашедший отражение и в современном использовании лексем. Анализ языкового материала, участвующего в репрезентации пространственных идей начала и конца, позволяет сделать выводы о том, что семантика конца гораздо более продуктивна, чем у второго члена оппозиции – начала. Ментальная сущность данных понятий определила специфику его метафорических моделей представления. Идея *конца* актуализирует значение предела, намного отдаленного от участников коммуникации или прилегающего к этому месту пространства, выражается при помощи продуктивных метафорических моделей *результата, тупика, вершины* или *бездны, предела, зооморфизмов*. Понятие начала в пространстве связано с тем, что находится впереди, поэтому во вторичной номинации задействованы идеи *вершины, края, корня* в рамках растительной метафоры, *основания* или *установления*, в глагольных реализациях – *начальной стадии передвижения*.

3.3. Пространственная семантика экзистенциальных глаголов

Восприятие любого события, его концептуализация и представление в языке во многом определяются его пространственной характеристикой. В бурятском языке описание отличительных пространственных свойств и качеств чаще всего осуществляется с помощью глаголов, когда пространственное моделирование объектов окружающего мира обеспечивается исходной его семантикой. Следует отметить, что для представителей бурятского лингвокультурного сообщества глагол является той лексической единицей, которая несет основную смысловую нагрузку, что выражает типологическую характеристику языка в целом. Справедливость данного положения подтверждают исследования лексико-грамматической системы частотного словаря бурятского языка: в словарях глагольные формы выступают как самая многочисленная группа – 43,97%,

существенное преобладание глагольных основ наблюдается и в тексте, они занимают более 20% текстового объема [Дырхеева, 1992: с. 36 - 44]. Сама глагольная семантика позволяет говорящему не только описать действия субъекта или объекта ситуации, но и определить с помощью присутствующих компонентов форму, положение в пространстве и размер предмета – его высоту, длину или ширину, рельефность или неясность его контуров, гладкость или шероховатость поверхности, устойчивость или шаткость положения, способность занимать определенную площадь, изменение его параметров. Кроме вышеназванных в качестве пространственных ориентиров глагольной семантики могут выступать начальная, центральная или конечная точки, а также линейность, которая может осуществляться поступательным или колебательным движением из стороны в сторону.

Данная группа глаголов давно привлекла внимание ученых-монголоведов; их называли изобразительными, кинематоизобразительными словами. К изучению и описанию так называемых изобразительных слов обращались Ц.Б. Цыдендамбаев [1958], Л.Д. Шагдаров [1962], Ц.Ц. Цыдыпов [1972], Д.Д. Санжина [1991], В.М. Егудурова [1995], Г.З. Сажина [1998], Ц.Ц. Бальжинимаева [7] и др. В объекте внимания исследователей находились вопросы наличия родственных основ в других монгольских языках, лексико-грамматические особенности, морфемная структура, семантические признаки образных глаголов движения, различного рода парадигматические отношения, маркированность знака и стилистические функции.

Данная статья посвящена анализу образных глаголов бурятского языка с точки зрения репрезентации пространственных значений.

Все глаголы с пространственной семантикой можно условно поделить на два класса: статичные глаголы и глаголы движения с пространственной параметризацией.

Статичные глаголы реализуют семантику бытийных глаголов или описывают статичный характер ситуации и отличаются тем, что выявляют признаки и свойства объектов. В русском языке глаголы, определяющие положение предмета в пространстве, сводятся к трем распространенным геометрическим конфигурациям – сидеть, стоять и лежать, эти три статических глагола легко метафо-

ризируются для применения к животным, артефактам и природным объектам [Тань Аошуан, 2004: с.18]. В бурятском языке статичные глаголы могут указывать на ряд существенных параметрических особенностей тех объектов, о которых идет речь; в этом случае выбор глагола определяется размером и формой, рельефностью или четкостью контуров объекта, устойчивостью или неустойчивостью его поверхности, местонахождением предмета, способностью занимать определенный объем в пространстве, отличительными особенностями поверхности. Методом сплошной выборки было выявлено 11 групп статичных глаголов с семантикой пространственной параметризации. Все нижеперечисленные глаголы с исходной пространственной семантикой относятся в группе субъектных, ибо «выражаемое действие замыкается в субъекте, характеризует только субъект, его признаки» [Уфимцева, 2002: с. 129]. В нашем случае глаголы актуализируют неpassивный предикативный признак субъекта, подвергающегося описанию с точки зрения особенностей его пространственных характеристик. Под предикатом понимается «инвариант по отношению к таким вариантам, как действие, состояние, обозначение бытия (существования)» [Бондарко, 1992: с. 32].

1. Первую группу глаголов составляют собственно **глаголы бытия**. Глаголы существования (нахождения) в первую очередь связаны с идеей пространства, т.к. при помощи этих лексем в языковой картине мира фиксируется процесс его «сбирания», обживания», «освоения» [Топоров В.Н., 1983: с. 242].

Основные семантические противопоставления, которые составляют синонимический ряд бытийных глаголов, определяются характером места. Они используются для описания статичной ситуации, где пространственным ориентиром могут выступать и наблюдатель, и указанный в контексте субъект. Глаголы *нютагжуулха*, *нютаглаха*, *ууридаха*, *уурижаха*, *уурилха*, *байражаха*, *байрашаха*, *байрлаха* мотивированы именами *нютаг* 'родина, родные места', *уури* 'место', *байра* 'положение, местопребывание, квартира'. *Нютаглаха*, *нютагжуулха* в отличие от других названных глаголов имеют большую пространственную перспективу и указывают на то, что присутствие объекта обозначено на более обширной территории, или объект осваивает ее длительный период как постоянное место жительства, осознаваемое им как свое

по рождению, духу и привычкам. В семантике глаголов *ʋуридаха*, *ʋуурижаха*, *ʋуурилха* нашел отражение номадный характер хозяйственной деятельности бурят, при котором в течение года кочевник переезжал с одной стоянки на другую, меняя места проживания. Они характеризуют сезонное пребывание объекта на компактной территории. Основным компонент глаголов *байражаха*, *байрашаха*, *байрлаха* заключается во временной локализации, синонимы используются для обозначения недлительной остановки и проживания, временного пребывания после недавнего приезда. Глагол *т=бхинэхэ*, производный от прилагательного *т=бхин* ‘тихий, спокойный’, помимо семы ‘оседать, устраиваться на жительство’ несет дополнительные компоненты ‘обживаться, входить в колею, жить размеренной жизнью’. Синоним *багтаха*, в основном значении указывающий на способность уместиться, войти в определенное пространство, развивая семантику, приобрел значение ‘уживаться, наладить согласную жизнь с кем-либо или чем-либо, остаться на жительство’.

Собственно значение экзистенции *байха*, *байлгаха* ‘быть, находиться’ реализуется в предикации одушевленных объектов, являясь частью составного сказуемого – *быть каким-либо*. Для обозначения постоянного местонахождения представителей растительного мира применяется глагол *ургаха* ‘расти’, *ʋалбарха* ‘расцветать, распускаться’, частным случаем выражения значения являются глаголы *ногоорхо* ‘покрываться зеленью’, *намаалха* ‘покрываться листвой; расцветать’.

Следует отметить, что в бурятском языке имеется культурологически значимая форма взаимного или совместного действия, например, *байлсаха* ‘находиться вместе с кем-нибудь’. В обыденном сознании бурят проживание на определенном месте возможно лишь одной большой семьей (семейной общиной) – *айл*, отсюда многие действия в современном бурятском языке имеют совместную форму, которая отражает совместный вид хозяйственной деятельности - *гэлсэхэ совм.* от *гэхэ* ‘поднимать’, *сабшалсаха совм.* от *сабшаха* ‘косить’, *бухал табилсаха совм.* от *табиха* ‘ставить копы’. Такой способ хозяйственной деятельности сформировал специфические когнитивные коды, основанием которых является корпоративность, что находит выражение в том числе и в наличии глагольной форме совместного действия.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что в бурятской языковой картине мира категоризация пространства и места как его фрагмента осуществляется на основе осознания его способности вмещать определенные объекты. Пространство понимается «как нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей...» [Топоров В.Н., 1983: с. 228]. В связи с этим понятна семантика и манифестация таких глаголов, как *эшэхэ* ‘залегать в нору’, *тогтоохо* ‘устанавливать; утверждать, определять; преграждать путь, останавливать’.

2. Во второй группе представлены глаголы, указывающие на способность **занимать большое пространство**: *галбайха* ‘раскинуться на большом пространстве, простираться’; *зэнхыхэ* ‘простираться, расстилаться’; *намжаарха* ‘просторно расстилаться’; *нарбайха* ‘быть длинным и широким’; *нэбиыхэ* ‘быть во множестве; тянуться сплошной стеной’; *нэмжээрхэ* ‘тянуться, простираться’; *паглайха* ‘быть очень густым и низким (о кустарнике), становится пышным’; *талмайрха* ‘распространяться, простираться’; *т=x--хэ* ‘распространять’; *=ргэжэхэ* ‘ширяться, расширяться’; *=ргэжэлхэ* ‘продолжаться’; *халбайха* ‘расстилаться; быть широким’; *агаха* ‘облепить кучей; увивать’.

Глаголы данной группы применяются для описания ситуации, когда речь идет о широком открытом пространстве, имеющем достаточный, неограниченный ничем размер, и представляют семантический тип, описывающий оценку пространства по размеру, демонстрируя положительный аксиологический оператор. Идею просторного, свободного равнинного места воспроизводит глагол *талмайрха*, мотивированный существительным *талмай* ‘площадь’, используемый для обозначения распространенных статичных пространств, имеющих названные особенности. *Намжаарха*, *=ргэжэхэ*, *=ргэжэлхэ* являются отатрибутивными глаголами, мотивированными прилагательными *намжаа* ‘просторный, обширный, благодатный’, *=ргэн* ‘широкий, расширенный’. Особенность осмысления обыденным сознанием объективного явления облепленности в виде кучи, охваченности по всей поверхности чем-либо обнаруживает семантика глагола *агаха* ‘облепить кучей, увивать’. Сема множественности и объема, коррелируя с интенсивностью, рождает ассоциации протяженности в пространстве, распростране-

ния вширь. Этот признак находит дальнейшее развитие в производном прилагательном *\аглагар* 'мохнатый, лохматый, косматый, густой'.

3. Отражение многообразия пространственных форм и размеров объектов окружающего мира становится возможным благодаря использованию бытийных глаголов, реализующих различные оттенки синонимических значений, указывающих на **четкость, выпуклость, рельефность контуров**. В этом семантическом поле представлены такие глаголы, как *аржыха* 'четко выступать, быть рельефным'; *болсойхо* 'быть шишковатым, выпуклым'; *д=мбыхэ* 'быть выпуклым'; *добойхо* 'быть выпуклым, чуть возвышаться'; *добуутаха* 'бугриться'; *ёмбойхо* 'сильно выдаваться'; *ёндойхо* 'выдаваться, выступать'; *ёнтойхо* 'выдаваться, выступать'; *ёрбойхо* 'выдаваться острым углом, выситься'; *ёрдойхо* 'выдаваться вперед, выступать'; *ёройхо* 'вздвигаться, нависать'; *ёрхойхо* 'вытягиваться, вздвигаться'; *жомбойхо* 'быть выпяченным, вытягиваться'; *м=ндыхэ* 'быть выпуклым, выдаваться'; *морхойхо* 'быть с горбинкой (о носе)'; *обойхо* 'возвышаться; иметь форму кучи'; *обхойхо* 'выдаваться, возвышаться'; *п=ныхэ* 'выдаваться'; *сондойхо* 'выпячиваться (о животе)'; *тобойхо* 'выдаваться, выступать'; *тобхойхо* 'быть выпуклым, выступать'; *т=быхэ* 'выделяться, виднеться'; *х=быхэ* 'вздуваться; рельефно вырисовываться'; *хамартаха* 'выдаваться мысом'; *хушуурха* 'выступать, выдаваться'; *хушуутаха* 'выступать, выдаваться углом'; *\аарайха* 'виднеться, торчать'; *\ээрээхэ* 'торчать, выдаваться'; *шомбойхо* 'выпячиваться, вытягиваться'; *шонтогонохо* 'выдаваться углом'; *шонттойхо* 'быть острым, вытянутым вперед'; *шорбойхо* 'выпячиваться'; *шорхойхо* 'громоздиться, быть наваленным кучей'; *шушууртаха* 'выдаваться углом (клином)'. Их отличие заключается в том, что фактором, послужившим источником номинации, является соответствие или отступление от вертикальной и горизонтальной оси координат. Члены данной глагольной группы объединены одной конструктивной особенностью: большинство из них образовано от имен, обозначающих эти рельефы: *добойхо, добуутаха* ← *добо* 'холм, курган, бугор'; *обойхо* ← *обоо* 'куча, гряда'; *хамартаха* ← *хамар* 'нос'; *хушуурха, хушуутаха* ← *хушуун* 'выступ, выступающая вперед часть чего-либо';

᠋ᠡᠷᠡᠭᠡᠬᠡ ← ᠋ᠡᠷ ‘отросток реберной кости’; аржыха ← аржа-баржа ‘куча, масса’, шушууртаха ← шушуур ‘выступ, зубец’.

4. Глаголы, указывающие на **неясность очертаний объекта** при определении бытования предметов, обладающих указанными свойствами, обнаруживают тенденцию обыденного языкового сознания бурят связывать этот факт с одним из следующих факторов: 1) с низкой степенью освещенности, например: б=дыхэ ‘быть неясным, неотчетливым’ от б=дэг ‘сумерки, сумрак’, |=дыхэ ‘вырисовываться неясным силуэтом, иметь неясные очертания’; 2) с мерцанием или колеблющимся светом - |=мышэ ‘еле виднеться, чуть вырисовываться’ от |=мэг-|аамаг гэхэ ‘мерцать’; 3) с мельканием или особенностью появляться на короткое время - |=рэгэнэхэ ‘маячить’, |=дэлзэхэ ‘маячить, неясно виднеться, мерцать’; 4) силуэтом чего-либо черного - |=рэгэнэхэ ‘чернеть (о силуэте)’, |=рэгэшэхэ ‘чернеть’.

Данные глаголы можно рассмотреть с точки зрения противичности. В лингвистической литературе даются следующие определения прототипа: «наиболее характерный случай», «наиболее явный член категории» [Comrie, 1976; Rosch, 1978], «концепт, который наиболее полно отражает сущность и свойства единиц, относящихся к определенной категории, т.е. содержит информацию, применимую для большинства единиц данной категории» [Болдырев, 2002]. К основным признакам прототипа исследователи отнесли «центральность», подразумевающую концентрацию специфических признаков объекта; высокую регулярность; способность к воздействию на производные варианты [Бондарко, 2003]. С помощью прототипического подхода и анализа мотивировочных признаков достаточно определенно выявляется метонимический перенос структуры одних мыслительных образов на другой, в нашем случае внешнеразличительность напрямую связывается с наличием достаточной степени освещенности, а значит, распознаваемости параметров описываемого объекта. Косвенная номинация бытия объектов с неясными очертаниями соотнесена с прототипом эталонной категории восприятия зрением, качество которого напрямую связано с распределением света. Таким образом, новый смысл возникает на основе метонимической каузации двух разных категорий – типового представления пространственных параметров объекта и освещенностью.

5. Глаголы, указывающие на **расположение в определенном порядке**.

Представление об относительном порядке в пространстве по материалам языка ассоциируется с организацией условной линии ровно расположенных однородных объектов, при этом в качестве исходной возможна идея отсутствия промежутков. Так, глаголы *жэрбыхэ, жэрбылдэхэ* актуализируют сему 'ровный, стройный', а *хошоодлохо, хошоолхо* – 'объединять два однородных предмета как единое целое'. Существование *жагсаха* стало возможным благодаря метонимическому переносу по смежности, при котором пора взросления *жагсаа* воспринимается как вероятность быть поставленным в строй, как возложенная обязанность находиться в строю. В семантике *ирайха, ирайлдаха*, восходящих к *ира-ира* 'кишмя кишеть', зафиксирована специфика осознания понятия 'ряд' как множество ровно движущихся объектов. Последние находят продолжение и в *лубариха* 'идти, следовать, подниматься друг за другом'. Складывается впечатление, что глаголы данной группы эксплицируют идею порядка с позиции наблюдателя, находящегося выше описываемых объектов и имеющего возможность обозреть как ряды, так и скопление движущихся объектов.

6. Шестая группа – это глаголы, указывающие на **местонахождение**: *голлохо* 'находиться в центре, запрягать коренника в тройке'; *оройлхо* 'возглавлять, побеждать'; *толгойлхо* 'возглавлять; вершить; направляться; высовывать голову из воды (например, о нерпе)'; *т=р=лхэ* 'приходить первым; быть во главе'; *урдаха* 'вести за собой'; *урдалха* 'находиться впереди'; *уридалха* 'идти вперед, впереди'; *урагшалха* 'идти вперед; идти к югу'; *хойнотохо* 'опаздывать, оказаться в конце'.

Важной особенностью глаголов местонахождения является то, что они требуют агентивного субъекта и поэтому применимы в большинстве своем только к человеку. Кроме того, большинство из них реализует действие пространственных метафор, с помощью которых становится возможной оценка человека и результатов его деятельности. Человек становится мерилем всех вещей: построение модели мира, в центре которого стоит сам человек, основано на соотношении пространства со своим телом. Все в жизни человека, что маркируется как расположенное выше и впереди, имеет положительную аксиологию, отрицательной оценки удостоиваются

сущности, обозначенные идеей низкого и стоящего за спиной человека. Так, в семантической структуре глаголов местонахождения *толгойлхо* от *толгой* 'голова', *т=р==лхэ* от *т=р==* 'первый', *урдалха* от *урда* 'впереди', *уридлаха* от *урид* 'прежде, раньше', *урагшалха* от *урагша* 'вперед' содержащих указание на локализатор, пространственная ситуация подвергается переосмыслению, и новое значение, положительно маркированное, утрачивает свой собственно пространственный смысл и служит для характеристики агенса: *т=р==лхэ*, *оройлхо* 'побеждать', *голлохо* 'играть главную роль'.

7. Глаголы бытия, указывающие на размер объекта.

Объекты и предметы окружающего мира воспринимаются человеком вместе с их внешними свойствами – размером, формой, другими количественными характеристиками. Для глаголов данной группы решающим фактором в определении размера оказывается отступление от нормы. Эти глаголы скорее выполняют идентифицирующую функцию, нежели предикатную: ср. *архайха* 'громоздиться'; *баржылдаха* 'виднеться сплошной массой'; *бархайха* 'быть неровным; быть громоздким'; *бирсайха* 'быть в большом количестве'; *дигайха* 'быть огромным'; *орхойхо* 'быть громоздким'; *пирайха* 'лежать массой'; *пэгшихэ* 'виднеться большой массой'; *разбухать, увеличиваться*; *т=глыхэ* 'выделяться громадной темной массой'; *хархайха* 'лежать кучей'; *архайха* 'быть громоздким'; *балсайха* 'быть массивным'; *билайха* 'расплываться'; *билбайха* 'обрюзгнуть'; *доблойхо* 'быть толстым, пухлым (например, о губах)'; *мугдайха* 'быть тучным и инертным'; *пантайха* 'быть толстым'; *тэнжыхэ* 'быть пузатым'; *тэрзыхэ* 'быть пузатым'; *пинтайха* 'быть коренастым и плотным'; *пэдьыхэ* 'быть толстым'; *тархайха* 'быть низеньким и пузатым'. «Восприятие мира, как уже говорилось, прежде всего фиксирует аномальные явления» [Арутюнова, Н.Д. 1999: с. 80].

Среди глаголов бытия, указывающих на размер, выделяется группа глаголов, имплицитно указывающих на небольшие параметры объекта, ср.: *гардайха* 'быть жилистым; сухощавым, исхудавшим'; *гэрдыхэ* 'быть костлявым'; *жаадаха* 'быть меньше, чем предполагалось'; *жэжэдэхэ* 'оказаться меньше, чем необходимо'; *налыха* 'быть приземистым; быть обмякшим, вялым'; *нилсайха* 'быть приплюснутым; быть клейким, слизистым'; *нясайха* 'быть

приплюснутым'; хабшиха 'быть тощим, худым'; хабтайха 'быть плоским'; хальмыха 'быть плоским и тонким, быть мелким'; хоршихо 'быть тощим, исхудавшим'; \альмайха 'быть тонким'; \арсайха 'быть тонким'; \артайха 'быть низкорослым'; шордойхо 'быть щуплым, невзрачным'; шахыха 'иметь короткую шею'. Вычленение худобы, плоскости, вялости как наиболее важных и существенных признаков при определении небольшого размера объекта не случайно, оно основывается на сложившихся, общепринятых параметрических нормах объектов, определяющихся по умолчанию. Все, что лежит вне твердо установленных параметров, подвергается оценке. В большинстве своем последняя группа глаголов актуализирует отрицательный аксиологический оператор. В наивной картине мира бурят представления о мелких объектах связаны с нездоровьем, худобой, вялостью и т.п.

8. Глаголы, указывающие на **форму объекта**.

Глаголы бытия, указывающие на определенные формы объекта, условно можно разделить на несколько подгрупп: а) экзистенция **кривизны или отсутствия изгибов**: *годи бэди гэхэ* 'извиваться, виться'; *г=рбэхэ* 'извиваться'; *далжаганаха* 'склоняться набок'; *ёлтойхо* 'иметь неправильную форму'; *матарха* 'быть вогнутом'; *тахшиха* 'быть согнутым'; *тохойтохо* 'изгибаться (о дороге), делать излучину (о реке)'; *хазайха* 'быть кривым; отклоняться от нормы'; *хитайха* 'быть изогнутым'; *хотшихо* 'быть изогнутым'; *\олжыхо* 'быть кособоким'; *\==жэлдэхэ* 'сидеть боком'; *ялтайха* 'быть наклоненным в одну сторону'; *мардайха* 'быть прямым и сухощавым'; б) экзистенция **сгорбленности или откинутости назад**: *бэгзыхэ* 'быть сутулым'; *г=лдыхэ* 'сидеть с поникшей головой'; *гуныха* 'ходить с поникшей головой'; *нашиха* 'быть согнутым'; *нэрбыхэ* 'нависать'; *унжаха* 'свешиваться'; *=гсыхэ* 'сутулиться'; *хэлтыхэ* 'быть наклонным'; *хэсылдихэ* 'сидеть на одном боку'; *\анжыха* 'быть отвислым'; *налайха* 'откидываться назад'; *хинсайха* 'быть задранным, откинутым назад (о голове лошади)'; *ядайха* 'откидываться назад; быть загнутым назад'; *янайха* 'откидывать голову назад'; в) экзистенция **округлости форм**: *б--рэнхыдэхэ* 'быть круглым, шарообразным'; *б=мбыхэ* 'принимать округлую форму'; *бэлыхэ* 'иметь шарообразную форму'; *мондойхо* 'быть круглым, выдаваться'; *монсойхо* 'быть круглым'. В значение этих глаголов не встроено указание на

норму, в качестве точки отсчета выступает вертикальная ось координат, обозначенная частично в *мардайха* 'быть прямым и сухощавым'. Отклонение от эталона и составляет дистинктивный признак и служит причиной появления лексем.

Обращает на себя внимание четкая идентификация круглых предметов, глаголы, объективирующие данную геометрическую форму, составляют абсолютное большинство в нашей выборке, и это не случайно, ведь именно круг является основной геометрической формой освоения пространства у бурят.

9. Глаголы, указывающие на **высоту объекта**.

Глаголы бытия *га\айха* 'быть высоким, возвышаться', *данхайлдаха* 'выситься громоздкой массой', *дэнхыхэ* 'быть вытянутым кверху, высоким; возвышаться', *ёрхойхо* 'вытягиваться, вздыматься', *ёройхо* 'выситься, нависать', *соройлдохо* (взаим.) 'подниматься вверх, вздыматься', *данхайха* 'быть громоздким, рослым, неуклюжим' и другие помимо экспликации семы существования высоких предметов актуализируют идею большого количества, массивности, нагромождения этих объектов, иными словами, наблюдается взаимосвязь между высотой и размером предмета: высокий объект обладает большим размером. С другой стороны, ряд глаголов демонстрирует устойчивые наборы, отражающие два признака квалификации, которые не обнаруживают данной тенденции: *гонзойхо* 'быть продолговатым, вытянутым'; *ёсхойхо* 'торчат столбиком'; *ж=рыхэ* 'быть длинным и тонким'; *\|=зыхэ* 'быть долговязым и тощим, с длинной шеей'; *юдыхэ* 'быть высоким и неуклюжим'; *юыхэ* 'быть высоким и сутулым'.

10. **Быть лохматым, косматым, растопыренным.**

Наблюдение над семантикой глаголов *\арайха* 'быть растопыренным'; *=рбыхэ* 'быть взъерошенным, жалким'; *=рзыхэ* 'лохматиться'; *барбайха* 'быть взлохмаченным'; *борбойхо* 'быть всклокоченным'; *дарбайха* 'оттопыриваться'; *дордогонохо* 'топорщиться от ветра'; *дэльбыхэ* 'оттопыриваться'; *дэрбыхэ* 'быть растопыренным'; *лаглайха* 'быть косматым; торчат лохматой грудой'; *лэглихэ* 'быть косматым'; *нарбаха* 'развеваться; болтаться на ветру'; *оглойхо* 'быть взлохмаченным'; *орбойхо* 'быть взъерошенным'; *орбогонохо* 'ходить взъерошенным' позволяет говорить о наличии определенной связи между внешними очертаниями объекта и представлениями о его правильном, благо-

получном и надлежащем состоянии. Нельзя не заметить, что в языковом сознании закреплено следующее понимание собранности и нарушения порядка: колебания на ветру, бессистемное увеличение расстояния между структурными частями, расширение, рассеивание в пространстве метафорически осмысливаются как беспорядок; порядок же обладает компактностью, отсутствием промежутков, собранностью ее частей.

11. Глаголы, указывающие на **особенности поверхности**.

Можно выделить два семантических признака, которые присутствуют у всех глаголов и указывают на особенности поверхности - быть гладким и иметь шероховатую поверхность. Компонент нормы, хотя и считается неопределяемым, в данном случае тяготеет к *гэлишэ* 'быть гладким'. В то же время выделяется класс глаголов, обозначающих существование предметов, имеющих шероховатую поверхность: *дэндыхэ* 'быть зыбким'; *аржайха* 'быть шершавым, неровным'; *баржыха* 'быть неровным, шершавым'; *барзайха* 'быть шероховатым, корявым'; *бирзайха* 'быть шершавым, неровным'; *бордишо* 'иметь неровную, шероховатую поверхность'; *бэржыхэ* 'быть негладким, неровным'; *г=быхэ* 'быть бугристым, бугриться'; *горхойхо* 'быть высохшим (о шкуре)'; *дорсойхо* 'коробиться (от высыхания)'; *=рхишэ* 'быть шершавым, становится шершавым'; *хумиша* 'быть сморщенным, покоробленным'; *хумирха* 'сморщиться, покоробиться'.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что в бурятском языке часть бытийных глаголов ориентирована на определение пространственной параметризации объектов, при этом они тяготеют к выполнению качественной предикации. Репрезентация пространственных идей в нашем случае строится по принципу «профилирования» [Albertrazzi, 2000: с. 125], под которым в когнитивной семантике понимается механизм формирования значений, подразумевающий фокусирование внимания на отдельном концептуальном признаке, в результате которого высвечивается конкретный участок в пределах соответствующей когнитивной области или определенной зоны внутри концепта [Langaster, 1991].

Существование такого широкого перечня глагольных лексем, облигаторным компонентом которых выступает сенсорный, визуальный признак, отражает специфику бурятской языковой картины мира, для которой характерно восприятие, осмысление и выраже-

ние в языке предметов окружающего мира в первую очередь при помощи фиксации параметрических особенностей и отличий. Характерным является то, что мир и объекты, его организующие, воспринимаются во всей целостности проявления их особенностей, при этом кодируются наиболее существенные и важные для носителей языка признаки, репрезентирующие основу пространственных знаний носителей языка. Это позволяет определить тип мышления как ассоциативно-образный, что существенно отличается от логико-вербальной западной когниции. Факультативным компонентом данных глаголов является импликация способа приобретения отличительных параметрических признаков, прототипическими ассоциативными элементами которых выступают указания на множественность, увеличение в объеме и числе, большая, чем следует по норме, рассредоточенность в пространстве, охваченность по всему периметру, нарушение вертикальной или горизонтальной прямой и др. Существенно, что в фокусе внимания оказывается не само пространство как таковое, а реальные объекты и субъекты его организующие. При этом выявляется закономерность в оценке их параметров.

Известно, что количественный компонент чаще всего рождает в языке оценочный. В данном случае положительный аксиологический оператор наблюдается у лексем, референцией которых выступают целостные, большого объема фигуры. В то время как объекты с незамкнутыми или выдающимися частями, углами, а также плоские фигуры имплицитно отрицают коннотацию. Характер эмоционально-смысловой категоризации обусловлен характером хозяйственной деятельности, условиями проживания. Круг как базовая геометрическая фигура освоения пространства (юрта, хозяйственные постройки и др.), бескрайние степи послужили основой выражения языковой рефлексии окружающего мира.

3.4. Пространственные метафоры

Пространство, окружающее человека, в первую очередь получает подробную дифференциацию языковыми средствами, о чем и шла речь выше. Пространственные номинации являются универсальным средством формирования понятий, относящихся к непространственным сферам. Так, в русском языке о переходе простран-

ственных понятий в сферу иных семантических полей подробно писал В.Г. Гак [2000: с. 127-134]. В.Г. Гак выделил следующие сферы, в которые переходят пространственные номинации: *бытие, универсум, общность, предмет, абстрактные значения, деятельность, время, постепенность, качество, значимость, социальная значимость, общение, постепенность, приблизительность, количество, субъективный момент, чувства, лицо*. Механизм опредмечивания непредметных сущностей при помощи пространственных номинаций изучала Н.К. Рябцева, которая обнаружила, что с их помощью «внутренний мир человека параметризуются, а параметры внешнего мира психологизируются, кроме того, заведомо не имеющие единиц измерения получают количественную интерпретацию, имеющую аксиологический смысл» [2006: с. 108-116].

В бурятском языке пространственные параметры используются для обозначения близкородственных отношений, указания на общность происхождения или проживания: *ойрохон х=н* ‘близкий родственник’ (букв. близкий человек), *намда холо бэйэ* ‘он мне не посторонний’ (букв. мне он не далек), *д=тэ т=рэл* ‘близкий родственник’, *айл аймаг \ууха* ‘жить по соседству с родственниками’ (сидеть с семьей в аймаке). Зачастую наличие пространственной локализации свидетельствует о существовании самих предметов речи, а также свидетельствует о их близости и общности, наличии объединяющих признаков: *энэ газарта \уу\ан* ‘живущий здесь человек’, *манайхин х=д--дэ байдаг* ‘наши родные живут в сельской местности’, *тала дайда ногоон х=нжэл-- хэдэргэжэ, =нгэ б=риин сэсэг==д \албаран надхаба* ‘в степи, играя всеми цветами радуги, широкоим зеленым покрывалом расцвели цветы’.

Пространственные слова путем сужения и специализации лексического значения, метонимии участвуют также и в новых номинациях: *=з==р* ‘острие’, *булан тохой* ‘излучина’ (букв. угол локоть), *==дэн ш=дэн* ‘передние зубы’ (букв. дверь зубы), *хари газар* ‘чужбина’ (букв. чужая земля), *хилын саана*. ‘за рубежом’ (букв. за границей), *нюдэнэй =з==ртэ* ‘вдалеке’ (букв. на кончике глаз), *х=ндэтэ \уури* ‘почетное место’.

Многие локализаторы используются в языке для обозначения различных временных смыслов: *м=н-- х=рэтэр* ‘до сего времени’ (букв. сейчас доходя), *саг зуура* ‘временно’ (букв. время, промежуток), *=ни холын* ‘стародавний’ (букв. давно далекий), *\ая нааша*

‘в ближайшее время’ (букв. недавно сюда), эртэ урда ‘в древности’ (букв. рано впереди). Языковая традиция передачи временных значений при помощи пространственных носит универсальный характер и свойственна многим языкам мира, эта проблема ниже будет рассмотрена более подробно.

От слов, отражающих реалии физического пространства, образуется многочисленная абстрактная лексика: *адли тэгшэ эрхэ ‘равноправие’ (букв. одинаковое равное право), бага я\атан ‘малые национальности’ (букв. малой кости), баруунай хэлбэрл ‘правый уклон’, бодото байдал ‘реальное положение’ б=д==лиг заншал ‘примитивный обычай’ (букв. «толстый» обычай), гадаадын дайсан ‘внешний враг’, номой нюур ‘обложка книги’ (букв. лицо книги).*

Свойства физических объектов, наполняющих окружающее пространство, выражаются с помощью как геометрических значений, так и количественных характеристик. Пространственные лексемы несут информацию о величине, то есть способности предметов занимать определенную часть пространства, об их расположении, о соотношениях по длине, толщине, форме, свойствам их поверхности: твердости, мягкости, шероховатости и пр.

В работах многих исследователей отмечалось, что структура внешнего мира описывается серией пространственных противопоставлений: высокий – низкий, длинный – короткий, внешний – внутренний, далекий – близкий, внешний – внутренний, широкий – узкий, далекий – близкий, правый – левый. Лексические значения таких слов по своей природе двойственны. С одной стороны, они включают содержательный компонент, обозначающий физический объект, процесс, расположение, с другой – количественный компонент, представляющий оценку его особенностей. Наличие количественного компонента, предполагающего обязательную субъективную оценку параметров объекта, вызывает дальнейшее развитие семантической структуры слов в плане формирования переносных значений, обусловленных наличием психологического отношения.

Д. Лакофф и М. Джонсон, описывая возможности переноса пространственных признаков на разного рода понятия и явления, назвали подобные случаи ориентационными метафорами. Они выявили, что «посредством ориентационных метафор во многих культурах могут быть выражены физические, эмоциональные, социальные состояния человека, пространственная характеристика

понятий и явлений может отождествляться с оценкой» [Лакофф, Джонсон, 1990: с. 396-405]. Психологически значимыми и продуктивными с этой точки зрения являются вертикальные и горизонтальные характеристики, их близость или удаленность, передняя сторона – задняя сторона, центральное, периферийное место, занимаемое объектом, его размер, наполненность или пустота, соотносимость с частями тела человека. В обыденном языковом сознании оценочные представления о норме и отклонениях от нее объективируются пространственными параметрами. Так, в бурятском языке оппозиция *нарин* ‘тонкий’- $\bar{b}=\bar{d}==n$ ‘толстый, крупный’ тесно связана с такими качествами личности, как аккуратность, невежественность. Тонкими могут быть не только черты лица - *нарин ша-рай* (букв. тонкое лицо), а также *нарин* обслуживает целый ряд контекстов, в которых эксплицируют следующие значения: *внимательно: нараяр хараха* ‘внимательно следить’, *бдительно: ‘нарин сахихо’*, *осторожно: бэээ нарин абаад ябаха* ‘вести себя осторожно’.

Лексема $\bar{b}=\bar{d}==n$ ‘крупный’ и ее производные, кроме отсылки к размеру объекта, сформировали пласт семантики, связанный с представлениями о невежественности, грубости: $\bar{b}=\bar{d}==лиг$ *амитан* ‘невежественный’, $\bar{b}=\bar{d}==лиг$ *занишал* ‘примитивный обычай’, *харанхы* $\bar{b}=\bar{d}==лиг$ ‘высокомерный’ (букв. темный, толстый). Кроме этого, $\bar{b}=\bar{d}==n$ участвует в контекстах для обозначения зажиточности, богатства – *баян* $\bar{b}=\bar{d}==n$ ‘богатый’ (букв. богатый, толстый).

Оппозиция *холо* ‘далеко’ – *ойрохон*, $\bar{d}=тэ$ ‘близко’ чаще используется для характеристики интеллектуальной сферы человека. Особенности языкового представления о мышлении заключаются в том, что мыслительная деятельность в меньшей степени зависит от воли субъекта, и является неотъемлемой частью внутреннего мира человека [Урысон, 2003: с. 119]. Лексемы данной оппозиции выступают классификаторами выделенности / ординарности личности, участвуют в формировании социальных и этических идей: *холо бодолтой* ‘дальновидный’ (букв. с далекой мыслью); *урдаа хараха* $x=n$ ‘тот, кто верховодит и с кем связывают надежды в чем-либо’ (букв. впереди видящий человек), *урдуур хойгуурхише хараха* ‘быть прозорливым’ (букв. видеть впереди и сзади), *саагуур бодохо* ‘глубоко осмыслить’ (букв. далеко подумав). Концептуальная ме-

тафора, лежащая в основе этих фразем, обусловлена представлением о том, что личность, способная выйти за пределы личного пространства (физического и интеллектуального), обжитого и знакомого, понимается как неординарная.

На противоположном конце шкалы оценки качеств субъекта находится лексема $\delta = \text{тэ}$ 'близкий', которая обозначает неспособность характеризуемого человека к интенсивному умственному труду: *эгээл $\delta = \text{тэ}$ λ анагдаха λ воспринимаемый как самый близкий*'. С концептом *близкий* связаны психологические представления не только о кровном родстве, но и о дружбе совместимости, духовной близости. Такие выражения, как *ганзага ниил*==*лхэ* 'дружить' (букв. *торока соединить*), *ниилэхэ* 'жить вместе одной семьей' (букв. *соединиться*), *дотор ханаха* 'принимать за своего' (букв. *подумать, что внутренний*), позволяют утверждать о наличии ориентационной метафоры, в которой содержится тесная связь между пространственной и духовной близостью. К рассматриваемым сочетаниям примыкает еще выражение $\delta = \text{тэ} = \text{зэхэг} = \text{й}$ 'относится неприязненно' (букв. *не видеть вблизи*). В этой связи можно сравнить русские выражения *не переваривать, терпеть не могу, глаза бы мои не видели*, выражающие аналогичные эмоции и содержащие пространственные смыслы второго плана.

Универсальным средством описания и выражения оценки происходящего во внешнем и внутреннем мире человека является оппозиция *верх* – *низ*. Традиционно координата *верх* используется для положительной оценки разного рода явлений и объектов. Так, в бурятском языке счастье, благополучие, достаток, успех обозначаются в пространственных параметрах как *верх*., --*дэ нара хараха* 'удача улыбнулась' (букв. *наверху увидать солнце*), --*д-- болохо* 'становиться на ноги' (букв. *идти вверх*), *ами бэээ* =*ргэхэ* 'пожертвовать собой' (букв. *дыхание, тело поднимать*); грусть, неудача, невезение – как *низ*: --*д-- нараг*=*й* 'обездоленный' (букв. *вверху без солнца*), *доодо шадалтай* 'бедняк' (букв. *с низкой силой*), *газар м*=*ргэхэ* 'оказаться в безвыходном положении' (букв. *бодать землю*), *доройтохо* 'приходить в упадок, деградировать' (букв. *оказаться внизу*); здоровье и жизнь – *верх*: --*дэлхэ тэнхэхэ* 'набираться сил' (букв. *подниматься, поправляться*); болезнь – *низ*: *доротохо* 'здоровью ухудшиться' (букв. *становиться вниз*); обладание властью – *верх*: *дээдэ гарай х*=*н* 'человек высокого полета' (букв. *чело-*

век *высокой руки*), дээдэ *t=рэлтэн* ‘*знать*’ (букв. *высокого происхождения*), дээшээ *хараха зон* ‘*влиятельные люди*’ (букв. *люди, глядящие вверх*); подчинение – низ: *доро унаха* ‘*унижаться*’ (букв. *упасть вниз*), доодо *t=рэлтэй* ‘*чернь*’ (букв. *низкого происхождения*), старость – верх: *=ндэр на'ан* ‘*преклонный возраст*’ (букв. *высокий возраст*), детские годы – низ: *хара бага на'ан* ‘*младенческий возраст*’ (букв. *черный маленький возраст*), и т.д. Как видим, все лучшее номинируется как расположенное наверху - *=ндэр эрмэлзэл* ‘*высокие устремления*’, *эрын дээжэ* ‘*лучший из мужчин*’ (букв. *дээжэ* ‘*лучшая верхняя часть пицци, предназначенная для подношений богам*’). При этом оказаться внизу для человека в бурятском языке означает не только попасть в трудную ситуацию, но и попасть в зависимость – *гар доро оруулха* ‘*подчинить*’ (букв. *подвести под руку*), *x=лдэнь унаха* ‘*просить, умолять*’ (букв. *упасть к ногам*), *доро унаха* ‘*унижаться, заискивать*’ (букв. *низко упасть*). Данная языковая модель не находит продолжения лишь в контекстах с лексемой *сердце*, движение сердца вверх воспринимается как отклонение от нормы, как проявление сильных чувств – страха, волнения, несдержанности: *з=рхэн х--рэхэ* ‘*сильно испугаться*’ (букв. *сердце поднимается*), *з=рхэн амаараа гаран алдаха* ‘*растеряться*’ (букв. *сердце чуть не вышло через рот*), *дээрэ з=рхэтэй* ‘*трусливый, слабовольный*’ (букв. *наверху с сердцем*). Способность опустить сердце свидетельствует о личности, умеющей управлять своими чувствами: *з=рхэээ доро оруулха (дараха)* ‘*успокоиться*’ (букв. *сердце низко завести, подавить*), *з=рх-- бариха* ‘*не терять присутствия духа*’ (букв. *сердце держать*).

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что сердце занимает стабильную позицию, потому что является своеобразным центром человеческого организма, поэтому любое движение от этого центра воспринимается как отклонение от нормы. Кроме того, в бурятской языковой картине мира координата *низ* используется для обозначения чего-либо скрытого, совершаемого украдкой: *доогуур хэлэхэ* ‘*говорить по секрету*’ (букв. *говорить понизу*), *урагшалха* ‘*расспрашивать исподтишка*’ (букв. *понизу осведомляться*), *доогуур хадалдаха* ‘*торговать из-под полы*’ (букв. *понизу торговать*).

Оппозиция *твердый – мягкий* является значимой в бурятском языковой культуре, она способна выполнять функцию клас-

сификатора, формирующего менее наглядное парное соотношение качеств внутреннего мира человека – добрый / злой: *хатуу шэр*==*н тэмсэл* ‘жесточкая борьба’ (букв. твердая шершавая борьба), *хатуу шэр*==*ниие* =*зэхэ* ‘пройти суровые испытания’ (букв. узнать твердое и шершавое), *шэр*==*н* =*гэ* ‘суровое слово’ (букв. шершавое слово), а также участвует в реализации представлений о недостаточной работе некоторых органов – *шэхээр хатуу* ‘плохо слышащий’ (букв. ушами тверд). На другом конце полюса находится лексема мягкий - *з--лэн нюдэн* ‘добрые глаза’ (букв. мягкие глаза), *з--лэн хоолой* ‘ласковый голос’ (букв. мягкий голос), *з--лэн шарай* ‘доброе лицо’ (букв. мягкое лицо).

Бурятская языковая модель мира четко разделяет пространство на ту часть, которая располагается впереди человека, – *урда бэе* ‘передняя сторона’, и на заднюю (тыльную, обратную) ее часть – *ара* (хойто)*бэе*. Д. Лакофф и М. Джонсон писали, что «ориентационные противопоставления проистекают из того, что наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем на физическом мире» [Лакофф, Джонсон, 1990: с. 396]. Глаза человека, воспринимающие основную пространственную ориентацию, расположены в «фасадной» части тела человека, поэтому благодаря этим анатомическим свойствам человек «предпочитает» ту часть физического мира, которая расположена перед ним, семантизируя ее положительно: *урдаа хараха х=н* ‘тот, кто верховодит и на кого возлагают большие надежды’ (букв. впереди видеть человек), *урид \анаатай* ‘добродушный’ (букв. впереди с душой), *урдаа бариха зорилго* ‘главная цель’ (букв. цель, которую держат впереди), *урагшань татаха* ‘продвигать, помогать’ (букв. тянуть вперед). За тыльной стороной, также участвующей в создании метафор оценки, закреплена отрицательная семантика: *ара барлаг* ‘батрак’ (букв. спина батрак), *хойно гараха* ‘плестись в хвосте’ (букв. позади выходить), *хойшоо татаха* ‘препятствовать’ (букв. назад тянуть), *талаан буруулха* ‘отвернулась удача’.

Члены оппозиции *глубокий – мелкий*, обозначающие ‘что-то протянувшееся от края до края’ и ‘имеющие небольшую глубину’, являются отражением универсальной языковой метафоры, в результате которой манифестируют такие выражения – *глубокое чувство, глубинные силы, глубокие противоречия, мелкие плоды, об-*

мельчать душой и др. В бурятском языке представлена первая часть оппозиции - *г=нзэгы* 'глубокий', *оёор* 'дно', эксплицирующие следующие переносные значения: 'отличающийся глубиной содержания' – *г=нзэгы удха* 'глубокий смысл', 'касающийся существа чего-либо' – *г=нзэгыг--р бодохо* 'глубоко задуматься', 'достигший значительной степени' – *оёорг=й харанхы* 'глубокая темнота' (букв. *бездонная темнота*), 'достигший предела' – *ойн оёор* 'лесная глушь' (букв. *дно леса*).

Противопоставление практически сознанием длинного и короткого в пространстве происходило на основе следующих признаков: соответствия объектов некоему эталону, образцу длины; сравнению предметов между собой. В результате данных сравнений были выделены понятия нормы, минимума, максимума. Психологически выделенными, а значит, эмоционально окрашенными стали недостаточное или избыточное проявление признака длины. Нарращение смысла 'максимальное / минимальное проявление признака' сформировало негативную оценку к тому, что не соответствовало норме: *охор ухаан* 'короткий ум', *ухаанинш богони* 'короткий ум', *ута хэлтэй* 'болтливый' (букв. *с длинным языком*), *ута гартай* 'способный украсть' (букв. *с длинными руками*), *дэгэд хэлэхэ* 'говорить лишнее' (букв. *дальше говорить*).

Заслуживает внимания развитие переносных значений дейктических слов *наана* 'ближе' – *саана* 'дальше', *наагуур* 'близко' – *саагуур* 'далеко'. Эти лексемы выступают классификатором оценки внутреннего мира человека: *наагуур энеэхэ* 'неискренне смеяться', *саагуур бодохо* 'глубоко осмыслить' (букв. *глубоко подумать*).

Пространственные метафоры могут являться средством выражения различных характеристик физического мира – *далай дабирхай* 'наличие чего-либо в большом количестве' (букв. *море смолы*); психологического, эмоционального и социологического состояния человека – *зоболоной далай* 'море мучения', *унаган н=хэд* 'закадычные друзья' (букв. *жеребенок, друг*), *=гэнь хээрэ хонохо* 'не являться хозяином своих слов' (букв. *его слова в степи ночуют*).

Итак, пространственные метафоры с первичной пространственной семантикой в свободных сочетаниях и в составе фразем выступают как средство отражения в языке пространственного ко-

да категоризации мира, выявляют основные модели и роль в формировании представлений о таких непространственных сферах внеязыковой действительности, как время, деятельность человека, его личностные качества, положение в обществе и др. Внешний мир чаще всего описывается серией пространственных противопоставлений: «внешний – внутренний», «далекий – близкий», «высокий – низкий», «длинный – короткий», «широкий – узкий», «правый – левый» и др., т. е. к семантическому полю пространства относятся такие характеристики объектов, как мера длины, расстояния, объема и др. [Гак, 2000: с. 127]. Значимыми и продуктивными с этой точки зрения являются вертикальные и горизонтальные характеристики пространства, дистанция по отношению к говорящему, передняя сторона или задняя сторона объекта, его месторасположение (центральное или периферийное), размер, наполненность или пустота, соотносимость с частями тела человека и т. п. [Гопоров 1973]. При помощи пространственных метафор может быть выражено физическое, эмоциональное, социальное состояние человека, при этом пространственная характеристика понятий и явлений может сочетаться с оценочной характеристикой [Лакофф, Джонсон, 1987: С. 396–405].

Образование метафорической лексики бурятского языка с исходным пространственным значением осуществляется по следующим семантическим моделям:

Модель «пространство → время». Пространственные слова употребляются для обозначения различных временных смыслов:

– временной ориентир: *мунөө х=рэтэр 'до сего времени'* (букв. *сейчас доходя*)², *хая нааша 'в ближайшее время'* (букв. *недавно сюда*);

² Здесь и далее толкование слов бурятского языка приводится нами по «Бурятско-русскому словарю» [Черемисов, 1973] и «Бурятско-русскому фразеологическому словарю» [Цыденжапов, 1992]. В ряде примеров предлагается толкование, сформулированное автором (в таких случаях после слова не дается ссылка на источник).

– временная последовательность: =ни холын ‘стародавний’ (букв. давно, далекий), эртэ урда ‘в древности’ (букв. рано впереди), дабаан дээрэ ‘только что’ (букв. на перевале), халуун м=рөөрнь ‘тотчас’ (букв. по горячим следам); дайнай хойно ‘после войны’ (букв. войны позади), =дэр эдээнэй урдуур ‘перед обедом’ (букв. обеда впереди);

– временные интервалы определенной и неопределенной длительности: саг зуура ‘временно, на неопределенное время’ (букв. время, промежуток), нэгэ забһар олохо ‘улучить момент’ (букв. один промежуток найти).

Модель «путь как часть пространства и символ передвижения в пространстве → жизнь, судьба человека и его поведение»:

– жизнь, судьба человека. Модель «путь → жизнь, судьба» реализует метафоры, отражающие сложные философские понятия жизненного пути, его предназначения: бурханай зарлиг харгы ‘судьба, жизненный путь человека’ (букв. богом указанный путь), арга зам ‘путь спасения человека в конкретной ситуации’, ‘возможность’ (букв. способ, средство; путь), оршолон ‘жизнь человека’ (букв. входит куда-либо, пребывать где-либо), харгылуулха ‘наставлять на истинный путь, побуждать изменить поведение в хорошую сторону, помогать в избрании жизненного пути’ (букв. заставлять идти по дороге) и др. Пространство дороги и движение по ней ассоциируются с судьбой человека, переосмысливаются как поиск счастья, стабильности и средство их достижения: нэрэдэ х=рэхэ ‘осуществить свое предназначение’ (букв. достичь имени), тушаалда ябаха ‘занимать какой-либо пост’ (букв. в выборах идти). Благими делами, соблюдая каноны праведной жизни, путем обретения благословения бурханов и предков человек может обрести удачу в жизни – зам нээхэ (букв. открывать дорогу); открыть дорогу, т. е. получить возможность успешной реализации задуманного, устраняя препятствия (или устранить препятствия, мешающие осуществлению задуманного, – харгы гаргаха (букв. открыть дорогу); выйти на свою дорогу, т. е. избрать жизненный путь или направление жизненного пути, – харгыда орохо;

– поведение, образ жизни человека: з=гг=й ‘беспутный’ (букв. без направления), замаа табиха ‘проказничать’ (букв. дорогу отпустить) и др.

Модель «пространственный параметр → социальная характеристика»:

– политические отношения: *баруунай хэлбэрл* ‘правый уклон’ (букв. правый вид), *гадаадын дайсан* ‘внешний враг’ (букв. внешний враг);

– родственные связи, дружеские или враждебные отношения: *ойрхон х=н* ‘близкий родственник’ (букв. находящийся рядом человек), *намда холо бэшэ* ‘он мне не посторонний’ (букв. от меня недалеко), *д=тэ т=рэл* ‘близкий родственник’ (букв. близкий родственник), *нэгэ уг замтай* ‘с одной родословной’ (букв. с одним, происхождением, путем) и др. С понятием близкий связаны не только представления о кровном родстве, но и о дружбе, духовной близости между людьми: *ганзага нишл==лхэ* ‘дружить’ (букв. торока соединить), *д=т--р ханаха* ‘принимать за своего’ (букв. подумать, что внутренний). К рассматриваемым сочетаниям примыкает и выражение, имеющее противоположный смысл *д=тэ =зэхэг=й* ‘относиться неприязненно’ (букв. вблизи не видеть), аналогичное русскому просторечному выражению с подобным значением: *в упор не видеть*.

Модель «пространственный параметр → личностная характеристика».

Оппозиция ‘далеко’ – ‘близко’. Для характеристики интеллектуальной сферы человека бурятский язык использует противопоставление *холо* ‘далеко’ – *ойрхон, д=тэ, наана* ‘близко’. Лексемы данной оппозиции выступают классификаторами выделенности / ординарности личности, формируют социальные идеи: *холо бодолтой* ‘дальновидный’ (букв. с далекой мыслью), но *наана х=н* ‘недалекий человек’ (букв. близко, человек). Концептуальная метафора, лежащая в основе этих выражений, отражает представление о том, что личность, способная выйти за пределы «своего» пространства (физического и интеллектуального), обжитого и знакомого, понимается как неординарная, выделяющаяся среди других силой своего характера, адаптивностью к новым условиям, способностью к преодолению негативных жизненных обстоятельств. И напротив, личность, ограниченная пределами этого пространства, не отличается развитым интеллектом.

В рамках данной модели также развивают переносные значения дейктические слова *наагуур* ‘близко’ – *саагуур* ‘далеко’, на-

аша ‘сюда, в эту сторону’ – *сааша* ‘дальше, в ту сторону’, выступающие классификаторами оценки внутреннего мира человека.

В языковой картине мира бурят пространственный параметр *наагуур* ‘близко’ ассоциируется с неискренностью, лицемерием, характеризующими человека, чьи слова и поступки не соответствуют истинным намерениям: *наагуур гайхасагаалга* ‘ложная (или показная) скромность’, *наагуур хэлэхэ* ‘говорить, скрывая подлинные мысли’ (букв. близко говорить), *наагуураа* ‘показной, рассчитанный на внешний эффект’. В языковом сознании бурят это свойство личности соотносится с равнодушным, «поверхностным» отношением к окружающим людям, отсутствием желания глубоко проникнуться чужими печальями и радостями – отсюда и развитие переноса пространственного значения в область личностных характеристик.

Саагуур ‘далеко’, напротив, эксплицирует положительную оценку свойств человека – глубины мысли, обоснованности, продуманности действий, дальновидности: *саагуур бодохо* ‘глубоко осмыслить’ (букв. далеко подумать), *саагуур бодолтой* ‘продуманный’ (букв. с далекими мыслями), *саагуур удхатай* ‘глубокомысленный’ (букв. с далеким смыслом), *саагуур хэлэхэ* ‘говорить обоснованно’ (букв. далеко говорить).

Оппозиция ‘сюда’ – ‘туда’. Наречия бурятского языка *нааша* ‘сюда, в эту сторону’ – *сааша* ‘дальше, в ту сторону’ реализуют древнейшее представление о семантизированном «своем» и «чужом» пространстве. Все, что находится в личном, «своем» пространстве говорящего или направлено к нему, закреплено в языке как положительное, например: *наашань хараха* ‘быть удаче’ (букв. сюда смотреть). То, что связано с *сааша* ‘дальше, в ту сторону’, относится к сфере «чужого», враждебного и потому отрицательно оцениваемого: *сааша ханаатай* ‘вероломный’ (букв. в другую сторону с мыслями).

Оппозиция ‘верх’ – ‘низ’. В бурятском языке модели «пространственный параметр → социальная характеристика» и «пространственный параметр → личностная характеристика» представлены также оппозицией *өөдэ, дээдэ* ‘верх’ – *доодо, доро, уруу* ‘низ’. Координата *верх* традиционно используется для положительной оценки разного рода явлений и объектов [Лакофф, Джонсон, 1987: с. 396–405]. В бурятском языке она используется при социальной и

личностной характеристиках для обозначения процветания, благо-
состояния, удачи, высокого социального статуса: *дээрэдэхэ* `быть
лучше по сравнению с кем-либо`, *дээртэхэ* `идти на поправку`,
дээг = *р* *тушаалда байха* `занимать высокий пост`. Недуг, печаль,
невезение, нищета и т. п. язык маркирует абсолютным низом: *уруу-
гаа орохо* `прийти в упадок` (букв. вниз, входить), *доодо талынхид*
`низкие социальные` (букв. с нижней стороны), *доогуур сэгнэхэ* `недо-
оценивать` (букв. низко оценивать), *доро* = *зэхэ* `презирать` (букв.
внизу узнать) и др.

Оппозиция ‘передний’ – ‘задний’. В «отпространствен-
ных» характеристиках социума и личности отражается четкое раз-
деление пространства на две части в сознании носителей бурятско-
го языка: ту, которая находится впереди человека, – *урда бэе* (*та-
ла*) `передняя сторона` и ту, которая позади него, – *ара* (*хойто*) *бэе*
(*тала*) `задняя сторона`. Благодаря анатомическим свойствам че-
ловек «предпочитает» ту часть физического мира, которая распо-
ложена перед ним, оценивая ее положительно [Лакофф, Джонсон,
1990: с. 396]: *урдаа хараха х=н* `тот, кто верховодит` (букв. вперед-
ди, видеть, человек), *урда орохо* `быть успешным` (букв. вперед
брать), *урид ханаатай* `добродушный` (букв. впереди с душой) и др.
То, что находится сзади, за спиной человека, интерпретируется как
негативное, так как для наивной картины мира характерно воспри-
ятие пространства за спиной как скрытого или недоступного: *ара*
барлаг `батрак, очень бедный человек, имеющий низкое социальное
положение` (букв. спина батрак), *нюрганда хэлэхэ* `говорить за гла-
за` (букв. спине говорить), *арада дуугарха* `говорить в отсутствие
кого-либо` (букв. спине говорить) и др.

За действиями, направленными назад, закреплена отрица-
тельная семантика: *хойшоо гараха* `стать ненужным` (букв. назад
выйти), *хойшоо татаха* `препятствовать` (букв. назад тянуть),
юумын урда орохог=й `безуспешно` (букв. вперед чего-либо не зай-
дет), *гэдэргээ дуугарха* `перечить` (букв. назад говорить) и др.
Движения назад и действия, совершаемые сзади, вне поля зрения
говорящего, ассоциируются в языковом сознании бурят с бездея-
тельностью, желанием чинить препятствия, враждебным отноше-
нием к людям: *гэдэргээ булялдаха* `быть пассивным` (букв. назад
отбирать друг у друга), *хойшоолхо* `задерживать` (букв. двигаться

назад), *хойноһоо орохо* ‘приставать с угрозами, обвинениями’ (букв. *сзади заходить*) и др.

Оппозиция ‘длинный’ – ‘короткий’. Пространственные параметры *ута* ‘длинный’ – *охор* ‘короткий’ потенциально оценочны, так как недостаточность или избыточность длины объекта является основанием для его психологической выделенности и отрицательной оценки: *ута хэлэтэй* ‘болтливый’ (букв. *с длинным языком*), *ута гартай* ‘способный украсть’ (букв. *с длинными руками*), *ута хушуутай* ‘сплетник’ (букв. *с длинной мордой*), *гонзорхо* ‘иляться без дела’ (букв. *быть вытянутым в длину*), *охор ухаан* ‘короткий ум’, *охор бодолтой* ‘недалековидный’ (букв. *с короткими мыслями*), *охор һанаан* ‘несообразительный’ (букв. *короткие мысли*), *охоршоолхо* ‘унывать’ (букв. *укоротить*) и др. Определение практическим сознанием объектов как длинных и коротких основывается на их сопоставлении с определенным эталоном длины, возникающим при сравнении предметов между собой по этому параметру.

Модель «качество пространства → характеристика действия»:

– **пустота пространства.** В бурятской языковой картине мира категоризация пространства осуществляется на основе осознания его способности вмещать определенные объекты, которые и задают его пределы. Вследствие этого пространство и его части воспринимаются заполненными либо незаполненными, пустыми. Незаполненная часть окружающего мира именуется в бурятском языке *хии* ‘пустота; воздух’, *тала* ‘степь, сторона’. Образы пустоты (воздух, степь) послужили основой развития аксиологически маркированного значения ‘напрасно, впустую’, ‘ошибочно’ в выражениях *дэмы талаар* ‘попусту’ (букв. *напрасно, стороной*), *хии талада* ‘впустую’ (букв. *в пустоту; в сторону*), *хии буудаха* ‘высказаться ошибочно’ (букв. *стрелять в воздух*), *хии газар* ‘зря’ (букв. *пустота, место*) и др.;

– **«правильность» пространства.** К пространственным характеристикам объектов реальной действительности относим такое свойство этих объектов, как правильность геометрической формы предмета. Идея «правильной» формы предмета в языковом сознании бурят выражается в параметрах ‘*прямой*’, ‘*ровный*’, ‘*круг-*

лый', идея 'неправильной' формы – в параметре 'неровный, угловатый, с углами'.

С образом прямой линии, прямого пути связан метафорический смысл ясности и точности восприятия: *сэхэ хэлэхэ 'говорить прямо', сэхэ мэд==лхэ 'решительно заявить'* (букв. *прямо сообщить*), *сэхэ урбалта 'открытая измена'* (букв. *прямая измена*) и др.

Форма круга в сознании бурят символизирует целостность и гармоничность, идеальный порядок. Круглая форма жилища степняка – *юрты, хотона* 'огороженных хозяйственных построек', пастбищ, расположенных по окружности, центром которой является жилище, круговая форма загона для скота – *хорёо*, круговой маршрут традиционных кочевых перемещений, представление о структуре мироздания – все эти элементы физического пространства, окружающего номада, и его образа жизни выражают идею круга как символа гармонии. Основным признаком круга – равноудаленность всех точек от центра – проецируется на пространство кочевника и структурирует его. Это свойство пространства кочевника эксплицируется в выражениях *тойруулан хамтаруулха 'сплачивать'* (букв. *в круг собирать*), *добые тойруулха 'обходить острый вопрос'* (букв. *обходить гору круглым путем*), *т=хэрээлжэ духарялха 'пускать чару вкруговую'* (данное действие имеет сакральный характер и символизирует дружественное отношение, уважение исполнителей этого обряда друг к другу). Представление о физическом здоровье также связано с образом круга: *монсогор улахан 'кровь с молоком (о человеке)'* (букв. *круглый, красенький*).

В языковой картине мира бурят целостности и гармоничности круга противопоставлен угол. Слова, обозначающие пространственные объекты с выдающимися частями – углами, в результате семантической трансформации эксплицируют отрицательную оценку: *шонтогонохо 'вмешиваться не в свое дело'* (букв. *выдаваться углом*) и др.

Таким образом, средством репрезентации представлений о пространственной организации языковой картины мира бурят, как и других этносов, являются метафоры с исходным пространственным значением и выражения, в состав которых эти метафоры входят. Метафорическая трансформация значения пространственных номинаций позволяет передать идею времени, общественных отношений, социально и лично характеризовать человека. Мо-

дели метафоризации в бурятском языке не являются специфическими, они отражают универсальные языковые процессы в семантике таких единиц. Таким образом, наиболее продуктивной является модель метафоризации, результатом которой является переосмысление пространственных параметров, входящих в оппозиции 'верх' – 'низ', 'близко' – 'далеко', 'впереди' – 'сзади'. Специфика отражения пространства в бурятском языке проявляется в своеобразии осмысления качественных признаков пространства 'заполненность / незаполненность локуса' (степь как образ пустоты), 'правильность / неправильность формы пространственных объектов' (*круг* как образ мироздания кочевника, способ структурирования пространства и символ гармонии, *угол* как нарушение «правильной» формы).

Выводы по главе 3

Опираясь на данные проделанного анализа, обобщим полученные результаты. Отметим, что сама проблема вербализации пространства в силу своей многоаспектности распространяется не только на описание лексических единиц, номинирующих реальные объекты физического пространства, но и актуализацию разнообразных пространственных отношений сосуществующих частей материального мира, объектов, развертывание событий относительно определенных пространственных ориентиров и друг друга. Существенный анализ базируется на положениях В.А. Плунгяна [1999, 2002] и И.А. Мельчука [1998] о том, что все пространственные отношения характеризуют локализацию и ориентацию в пространстве, при этом локализация детерминирована взаиморасположением предметов, а ориентация – характером ситуации, т.е. его статичным или динамическим характером.

Доминантными средствами выражения пространственных отношений в бурятском языке являются падежно-послеложные конструкции, вербализующие как динамические, так и статические пространственные реляции. В сфере действия данных моделей выявлены основные реализуемые значения: установление местонахождения объекта: *x*==*ргын тэндэ ушарха* `встретиться возле моста`, ==*дэн тушаа байха* `стоять возле двери`; членение пространства локализации на топологические зоны: *болдог дундуур бэлиэхэ* `тебеньковать между кочками`, *н*==*р дээг*==*р ялабхилха* `поблескивать над озером`, *жалга соо сабшаха* `косить сено в овраге`, *у\ан соо хэбтэхэ* `лежать в воде; направление движения: *з*==*н тээшэ гэхихэлхэ* `направиться на восток`, *машинануудай хойно\оо г*==*йлдэхэ* `побежать за машинами`; указание на исходный или конечный пункт передвижения: *хото дээрэ\ээ бусаха* `вернуться из города`, *ургуули тээшэ ябаха* `направиться к школе`; определение траектории движения или перемещения: *доро\оо --дэ ниидэхэ* `взлететь снизу вверх`, *гэрэй хажуугаар бэдэрхэ* `искать около дома`, *модон дээрэ\ээ унаха* `упасть с дерева`. При описании траектории передвижения язык дифференцирует линейное и круговое движение относительно ориентира: *гэр тойрон г*==*йхэ* `оббежать дом`, *д*==*тэ тойрондоо агнаха* `промышлять в округе`, *эрье*

уруу харайба 'прыгнул в реку'. Для бурятского языка характерны два типа локализации и ориентации: горизонтальный и вертикальный. Для горизонтального типа характерно описание объектов и событий в плоскостном ракурсе их развертывания относительно предмета ориентации: сторон света, фигуры говорящего, участка пространства, дейктического центра и др. Вертикальный тип предусматривает проекцию вертикального членения мира на горизонтальную перспективу. При этом вертикальная проекция имплицитует иерархию пространственных фрагментов, их масштаб или природную силу. В соответствии с данной моделью происходит координация относительно течения реки, характерная для многих народов мира и представляющая древнейший тип ориентирования. Так, в бурятской языковой картине мира верхний сегмент реки – ее исток, нижний – устье и направление течения, что связано с конкретно-чувственным восприятием природного ландшафта местности ее протекания. Данные представления находят поддержку в семантике некоторых глаголов, содержащих помимо семы движения указание на направление действия вверх или вниз: *уруудаха 'ехать вниз, спускаться, идти вниз'*, *гол =гсэхэ 'подниматься вверх по течению'*.

По результатам наблюдений можно сделать вывод о том, что ситуация локализации объектов, действий или событий зачастую интерпретируется через акцентирование параметра фасадной ориентации. Репрезентативность фасадных описаний, а также наличие имплицитной маркировки фигуры говорящего в пространственной ситуации, когда пространственные отношения характеризуются с позиции непосредственного субъекта перцепции и мир как бы расположен у него перед глазами, позволяет трактовать пространственное мышление бурят как горизонтально-концентрическое с центростремительной структурой, в центре которой – субъект описания. Данный вывод при этом не исключает существования и вербальной передачи локализаций по вертикали.

Рассмотренные в главе языковые средства выражения семантики предела демонстрируют способность устанавливать границы и членить пространство природы, изначально не имеющее ни начала, ни конца. *Начало* и *конец* – продукты человеческого сознания, способ постижения и освоения объективного пространства. С помощью данного ментального конструкта опыта и познания

языком осуществляется несколько важных функций, среди которых разделение пространства на условные сегменты и установление их мерности, идентификация места без интерпретации его дифференциальных признаков и определение местоположения объекта в системе их границ, имплицитная характеристика расстояния. Для обозначения идеи предела широко используется соматический код, поскольку пространство в первую очередь оценивается с позиций человеческого тела, задействованы зооморфная и растительная метафора.

На периферии пространственной картины мира представлены экзистенциальные глаголы с интегральным семантическим признаком параметрических характеристик объектов: их расположения в определенном порядке, размера, формы, четкости, выпуклости и рельефности контуров, местонахождения. Выполняя качественную предикацию, экзистенциальные глаголы реализуют компоненты значений, в основе которых сенсорный визуальный признак, отражающий специфику восприятия, осмысления и вербализации предметов пространства на основе перцептивных параметрических отличий.

Анализируя особенности представления пространственных отношений в языке, механизмы и модели структурирования опыта носителей языка о внешнем мире, приходим к выводу, что метафора выступает одним из основных инструментов познания, переработки, оценки и хранения информации. Пространственные представления выступают той базой, на основе которой формируются знания о различных системах через обращение к близким и понятным пространственным идеям, сложившимся в результате чувственного опыта. Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации – процесс взаимодействия между структурами знаний, когда одна понятийная область описывается в терминах другой. Принято вычленять сферу-источник и сферу-мишень [Lakoff, Johnson 1980].

В бурятском языке выявлено несколько сфер-мишеней, на которые проецируются пространственные идеи: время, например: *ни холын* `давний`, *нэгэ заб\араар* `в свободное время`, социальные характеристики, например: *ара барлаг* `батрак`, *хойшоо татаха* `препятствовать`, личные характеристики, например: *бэээ нарин абаад ябах* `вести себя осмотрительно`, *ута гартай* `нечи-

стый на руку`, характеристики действия, например: *сэхэ хэлэхэ* `говорить прямо`, *тойруулан хамтаруулха* `спланировать`, жизнь, судьба, поведение, например: *харгы нээхэ* `открывать дорогу для успешного осуществления намеченных планов`, *з=гг=й* `беспутный`. В качестве сфер-источников языковое сознание выбирает систему пространственных оппозиций, способных профилировать в единицах вторичной номинации полярные характеристики: верх-низ, глубокий-мелкий, толстый-тонкий, впереди-сзади, близко-далеко, длинный-короткий, туда-сюда, заполненность-пустота. Метафорический выбор не случаен: бинарные оппозиции изначально позволяют не только легко и точно описать непространственные сущности, чаще всего абстрактные, но благодаря своей природной антиномии задают возможность аксиологической интерпретации.

Заключение

В настоящее время актуальными в лингвистике являются исследования, посвященные отражению разнообразных национально-культурных особенностей в семантике языковых единиц. Наиболее значимых результатов в этой области достигают те разработки, которые рассматривают универсальные понятийные категории: в силу своей универсальности они находят отражение в любом языке мира. В данной работе изучалось пространство как одна из основополагающих категорий для человека - вся его жизнедеятельность происходит в определенном пространстве и времени.

Анализ материала бурятского языка показал, что в сознании и языке присутствуют образы разных типов пространства. Так, пространство концептуализируется как бесконечная протяженность, универсум, в котором располагается весь сущий мир, например, *дэлхэй, дайда*. При этом целостность и протяженность не исключает его членимость, ассоциации целого формируются в единении его частей: языковое сознание четко выделяет отдельные его сегменты, структурируя и наделяя их смыслом, семантизируя. В основе членения - инструментальные оппозиции: *баруун / зуун, урда / хойно, нюур тала / ара тала, х=йтэн / халуун, дээрэ / доро, нютаг газар / хари газар, эрэ / эмэ* и др. Чтобы обеспечить свои витальные потребности человек в первую очередь осмысляет геопространство, в составе которого вычлениются ключевые объекты, познание и обживание которых сыграло важную роль в формировании национального миропонимания, формирующее другие существующие системы знаний. К объектам данного типа нами отнесены гора, земля, степь, дорога. В выборе местности, характеризующейся присутствием данного комплекса, предпочтение отдавалось той, которая отвечала представлениям этнического коллектива об идеальном жизненном пространстве, богатом ресурсными возможностями и обеспечивающем развитие и продолжение рода. Репрезентативность выявленных культурных смыслов и символических значений, регулярная воспроизводимость в текстах культуры, совокупность изученных имплицитно актуализируемых коннотаций и ассоциаций позволяют считать описанные объекты пространства культурно значимыми. На начальном этапе процесс постижения и освоения внешнего мира сопровождается присвоением

ключевым пространственным объектам дополнительных функций и символического содержания, что делает окружающее пространство понятным, позволяет беспрепятственно ориентироваться в нем и продолжать жизнедеятельность. Выявлено, что ментальный образ пространства, отраженный в языке, предполагает четкое деление на центр и периферию, сакральное и профанное: внешний мир понимается и строится по отношению к центру, символом которого выступает в высшей степени священное место – гора, зона духовной силы и проявления других реальностей. Анализ показал, что носители языка рассматривают горные образования как главную характеристику региона и место единения рода. Значимость и сакральность уменьшается по мере удаления от центра, символом периферии выбирается степь, фрагмент пространства, противопоставленный человеческому жилью и понимаемый как локус потенциальной человеческой активности. Связующим элементом противопоставленных мест служит дорога. Важным в формировании концептуального образа пространства является, на наш взгляд, иерархичность его фрагментов, инструментом достижения которой являются дифференциальные признаки *свой / чужой, положительный / отрицательный, благоприятный / враждебный, освоенный / неосвоенный, горячий / холодный*. Иерархия места определяется на основании его расположения относительно центра, сакральной значимости, аксиологического потенциала, включения в сферу своего или чужого пространства.

Если исходить из определения В.Н. Топорова о том, что пространство в языке чаще всего представлено двумя моделями: как нечто первичное, самодостаточное и независимое от материи (по Ньютону), и нечто, зависящее от материи, его определяющей (по Лейбницу), то бурятская пространственная картина конституируется объектами, представленными в ней. В качестве инструмента организации пространства языковое сознание использует методику сегментации, т.е. членения его на составные части на основе эмпирического опыта, чаще всего визуального, благодаря чему взаиморасположение и связь составных частей получают трехмерное устройство. Выявлено, что вербальное описание пространства на начальном этапе строится на основе его бытового понимания: осознается личное пространство, т.е. описание дома и освоенной территории, его структуры и категоризации частей, наделения их се-

мантической нагрузкой. В этом случае язык избегает конкретизации метрических его описаний и заостряет внимание на топологических свойствах, функциональном назначении, регламентации расположения одного относительно другого. Лингвистическая модель внешнего мира представлена интерпретацией ориентационных и метрических характеристик: размер, форма, расстояние между объектами и др.

К национально-специфическим средствам в осознании и отражении пространства в бурятском языке нами отнесены парные слова, экзистенциальные глаголы, падежно-последовательные конструкции, система ориентации в пространстве, языковые средства выражения семантики предела. Анализ парных слов показал, что данные сложные наименования имеют аппозитивную деривационную природу; рождаемое комбинативное значение позволяет реализовать целую гамму пространственных смыслов: топологические свойства местности, параметрические характеристики передвижения, положение описываемого объекта, его форму и размер, протяженность и границы фрагмента внешнего мира. Семантическая структура парных слов отличается дополнительным объемом информации, значительно превышающим содержание слов, в него входящих. Исследование показало, что наращения смысла возникает на основе семантических переразложений и контаминаций, семантических модификаций, метафоризации и сложения сем, в результате которых достигается не только вариативность содержания в репрезентации пространственных идей, но и максимальная степень обобщения и абстракции.

Пространство в сознании бурят эгоцентрично. На справедливость данного определения и для бурятской пространственной картины мира говорит, например, факт существования антропоцентрической пространственной ориентации, в которой стороны света в горизонтальной плоскости определяются относительно определенного положения фигуры говорящего. Ориентационная система бурят предполагает применение обязательной координатной сетки, устанавливающей фигуру говорящего в положение, когда за спиной находится север, впереди простирается южная часть горизонта, справа – западная, слева – восточная.

К доминантным средствам выражения пространственных отношений в бурятском языке следует отнести падежно-

последовательные конструкции, реализующие динамическую и статичную локализацию объекта относительно ориентира. С их помощью различаются различные сферы внеязыковой действительности: местонахождение объекта, место развития действия или ситуации, движение объекта относительно ориентира, местонахождение и восприятие говорящего. По материалам языка, пространственные отношения характеризуются наличием горизонтального и вертикального типа. В зависимости от используемого ориентира применяются абсолютная система, когда ориентиром выступают страны света, антропоцентрическая ориентация и локализация, предусматривающая наличие фигуры наблюдателя; дейктическая, которая напрямую связана с антропоцентрической у носителей бурятского языка и демонстрирует фиксацию происходящей ситуации говорящим относительно дейктического центра.

Структурированность и членимость пространства задают возможность говорить о наличии границ и пределов. Л.Б. Лебедева считает, что «воспринимать, осознавать и мысленно представлять себе бесконечную, ничем не ограниченную величину мы вообще не можем. ... Конец или предел является необходимой психологической опорой для восприятия любой данности». Предел в пространстве позволяет разделить его на сегменты в соответствии с их семантизацией, формировать суждение о целом, фиксированность их удаленность, при этом природные объекты, реально не имеющие конца наделяются свойствами предельности.

Когнитологи не раз подчеркивали первичность и онтологическую сущность пространственных восприятий и значений. Е.С. Кубрякова считает, что «одна из наиболее фундаментальных областей в познании мира – категоризация пространства». И в бурятской языковой картине мира пространственная категоризация – та база, на которой развиваются в дальнейшем и осознаются другие типы связей и системы знаний, в том числе и непредметные: этические, социальные, аксиологические, временные и т.п. В качестве инструмента метафоризации язык выбирает систему пространственных оппозиций, способных создавать противоположные интерпретации и оценки, присущие предметам и явлениям природы и общества: верх-низ, глубокий-мелкий, толстый-тонкий, впереди-сзади, близко-далеко, длинный-короткий, туда-сюда, заполненность-пустота.

Языковая пространственная картина мира бурят много-
слойна и многомерна, в ней представлен мифологический сегмент
и реальные предметные субстанции, параметрические характери-
стики и способы их измерения, динамика преодоления простран-
ства и средства объективации его топологических свойств, в ре-
зультате создается такая система, благодаря которой мир представ-
ляется упорядоченным и понятным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии / Л.Л. Абаева. Москва: Наука, 1992. 141 с. Текст: непосредственный
2. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 304 с. Текст: непосредственный
3. Алексеев Д.А. Синтаксические функции падежей в бурят-монгольском языке / Д.А. Алексеев // Сборник трудов по филологии. - Улан-Удэ, 1948. Вып. 1. 136 с. Текст: непосредственный
4. Алексеев Д.А. Причастия прошедшего времени и его функции в бурятском языке / Д.А. Алексеев // Вестник Ленинградского. ун-та: Изд-во ЛГУ, 1967. Вып. 2. С. 132-139. Текст: непосредственный
5. Алиференко Н.Ф. Когнитивно-семиологическая сущность фразеологизмов / Н.Ф. Алиференко // Проблема семантики языковых единиц в контексте культуры. Москва: Элпис, 2006. С. 271-282. Текст: непосредственный
6. Амоголонов Д.Д. Деепричастия в бурят-монгольском языке / Д.Д. Амоголонов. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1948. 111 с. Текст: непосредственный
7. Амоголонов Д.Д. Введение в морфологию бурят-монгольского языка / Д.Д. Амоголонов. Улан-Удэ, 1955. С. 95-113. Текст: непосредственный
8. Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык / Д.Д. Амоголонов. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. – 338 с. Текст: непосредственный
9. Апресян Ю. Д. Избранные труды: Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. Москва: Восточная литература. Языки русской культуры, 1995. 472 с. Текст: непосредственный
10. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т.32. № 1. С. 84-89. Текст: непосредственный
11. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. Москва: Наука, 1976. 383 с. Текст: непосредственный
12. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме «языковой картины мира») / Н.Д. Арутюнова // ВЯ. 1987. №3. С. 3 -19. Текст: непосредственный
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. Москва: Наука, 1988, 339 с. Текст: непосредственный
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. Москва: Языка русской культуры, 1999.- 896 с. Текст: непосредственный Текст: непосредственный
15. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 276-379. Текст: непосредственный

16. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы / М.Д. Ахундов. Москва: Наука, 1982. 223 с. Текст: непосредственный
17. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 104 с. Текст: непосредственный
18. Бадмаев Б.Б. Образы первопредков в бурятских родословных / Б.Б. Бадмаев // Монгол судлалын чуулган / Б.Б. Бадмаев. Улан-Батор, 2007. С.157-160. Текст: непосредственный
19. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях славян / А.К. Байбурин. Л., 1983. 183 с. Текст: непосредственный
20. Банзаров Д. Черная вера, или шаманство у монголов / Д. Банзаров. Москва: URSS: Либроком, 2010. 128 с. Текст: непосредственный
21. Баранов А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. №1. Т. 56. 1997. Москва: Наука, 1997. С. 11 – 21. Текст: непосредственный
22. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. Москва: Прогресс, Универс, 1994. 616с. Текст: непосредственный
23. Басаева К.Д. Хозяйственный календарь аларских бурят
24. / К.Д. Басаева, Зимин Ж.А. // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ, 1988. С. 57-75. Текст: непосредственный
25. Баторов П.П. Народный календарь аларских бурят
26. / П.П. Баторов // Этнографический бюллетень ВСОРГО. Иркутск, 1923. С. 9-10. Текст: непосредственный
27. Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова / Е.Г. Беляевская // Структуры представления знаний в языке. Москва: РАН ИНИОН, 1994. С.87-110. Текст: непосредственный
28. Бенвенист Э. О субъективности в языке / Э.Бенвенист // Общая лингвистика. Москва: Прогресс, 1974. С. 292-300. Текст: непосредственный
29. Бердяев Н.А. О власти пространства над русской душой / Н.А. Бердяев // Судьба России. Москва: Сов. писатель, 1990. 349 с. Текст: непосредственный
30. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского) / Т.А. Бертагаев. Москва: Наука, 1974. 383 с. Текст: непосредственный
31. Бертагаев Т.А. Сочетание слов и аналитическая конструкция / Т.А. Бертагаев // Аналитические конструкции в языках разных типов. Москва: Высшая школа, 1965. С. 121-127. Текст: непосредственный
32. Биткеева Г.С., Биткеев П.Ц. Парные слова в монгольских языках / Г.С. Биткеева, П.Ц. Биткеев // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. С. 3-15. Текст: непосредственный
33. Богданова Л.И. Особенности национального мировидения и их отражение в грамматическом строе языка / Л.И. Богданова // Россия и запад: диалог культур. Т.1. Москва: НОПАЗ, 2000. Вып. 8. С. 184-188. Текст: непосредственный

34. Брутян Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Филологические науки. 1973. №1. С. 34-48. Текст: непосредственный
35. Будаев Ц.Б. Роль парных слов в языке повестей Х.Намсараева / Ц.Б. Будаев // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989. С. 34-41. Текст: непосредственный
36. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т.В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. Москва, 1980. С. 320-355. Текст: непосредственный
37. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Москва, 1977. 959 с. Текст: непосредственный
38. Бураев И.Д. О бурятских личных именах / И.Д. Бураев, Л.Д. Шагдаров // К изучению бурятского языка.- Улан-Удэ, 1969. С. 106-116. Текст: непосредственный
39. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. Москва: Прогресс, 1993. 528 с. Текст: непосредственный
40. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Ван Дейк. Москва: Прогресс, 1989. 312с. Текст: непосредственный
41. Ван Дейк Т. К определению дискурса / Т. Ван Дейк / Перевод А. Дерябина. Отрывок из книги: Van Dijk T. Ideology: A Multidisciplinary Approach/ Teun Van Dijk. London: Sage, 1998. (<http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm>) Текст: электронный
42. Василенко В.А. Ценность и оценка / В.А. Василенко. Киев: Наукова думка, 1964. 165 с. Текст: непосредственный Текст: непосредственный
43. Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 288 с. Текст: непосредственный
44. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая. Москва: Русские словари, 1996. 416 с. Текст: непосредственный
45. Великорецкий А.Д. Типология пространственных значений / А.Д. Великорецкий // Исследования по теории грамматики. Т.2. Грамматикализация пространственных значений. Москва: Русские словари, 2002. С. 8-34. Текст: непосредственный Текст: непосредственный
46. Вернадский В.И. Пространство и время в живой и неживой природе / В.И. Вернадский // Философские мысли натуралиста. Москва: Наука, 1988. 520 с. Текст: непосредственный
47. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм / Б.Я. Владимирцов. Ленинград: АН СССР, 1934. 223 с. Текст: непосредственный Текст: непосредственный
48. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия / Б.Я. Владимирцов. Ленинград: Изд-во Ленинград. Вост. ин-та, 1929. 435 с. Текст: непосредственный Текст: непосредственный
49. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. М., 1985. 256 с. Текст: непосредственный

50. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение
51. / С.Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17. Вып. 2. Краснодар, 2003. С. 268–276. Текст: непосредственный
52. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С.Г. Воркачев, Л.Э. Кузнецов, Г.В. Кусов, Д.Ю. Полиниченко, М.А. Хизова. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400с. Текст: непосредственный
53. Всеволодова М.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. Москва: Русский язык, 1982. 262 с. Текст: непосредственный
54. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. Москва: Наука, 1988. С. 11-26. Текст: непосредственный
55. Гак В.Г. Русская динамическая языковая картина мира / В. Г. Гак // Русский язык сегодня. Москва: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 36 - 45. Текст: непосредственный
56. Гак В.Г. Семантическое поле *конца* // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. Ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Индрик, 2002. С. 50 – 55. Текст: непосредственный
57. Галданова Г.Р. Традиционные верования бурят в системе буддизма / Г.Р. Галданова // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 1997. Текст: непосредственный
58. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с. Текст: непосредственный
59. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира / Г.Д. Гачев // Народы Азии и Африки. 1961. №1. С.41-45. Текст: непосредственный
60. Гачев Г.Д. Европейские образы пространства и времени / Г.Д. Гачев // Культура, человек, картина мира. Москва: Наука, 1987. С. 198-227. Текст: непосредственный
61. Герасимова К.М. Культ *обоо* как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии / К.М. Герасимова // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1969. Вып. 5. С. 105-145. Текст: непосредственный
62. Герасимова К.М. Традиционная культура бурят / К.М. Герасимова, Г.Р. Галданова, Г.Н. Очирова. Улан-Удэ: Бэлиг, 2000. 144 с. Текст: непосредственный
63. Горин Д.Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации / Д.Г. Горин. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 280 с. Текст: непосредственный
64. Грамматика бурятского языка. Фонетика. Морфология. Москва: Изд-во восточ. лит-ры, 1962. 335 с. Текст: непосредственный
65. Дарбеева А.А. К вопросу о парных словах в бурятском языке / А.А. Дарбеева // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, 1963. С 15-27. Текст: непосредственный

66. Демьянков В.З. Соотношение обыденного языка и лингвистического метаязыка в начале XXI века / В.З. Демьянков // Языкознание: взгляд в будущее. Калининград, 2002. С. 136-154. Текст: непосредственный
67. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка / В.З. Демьянков // Структура представления знаний в языке. Москва, 1994. С.32-86. Текст: непосредственный
68. Демьянков Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С.17-33. Текст: непосредственный
69. Дмитриев Н.К. О парных сочетаниях в башкирском языке / Н.К. Дмитриев // Известия Ан СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930. Серия 7. С. 501-522. Текст: непосредственный
70. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37-48. Текст: непосредственный
71. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. Москва, 1996. №1. С.71-93. Текст: непосредственный
72. Дондокова Д.Д. Лексика духовной культуры бурят / Д.Д. Дондокова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 134 с. Текст: непосредственный
73. Дондуков У-Ж.Ш. Парное словообразование имен существительных в бурятском языке / У-Ж.Ш. Дондуков // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, 1963. С. 29-45. Текст: непосредственный
74. Дробницкий О.Г. Наука и ценности: (Состояние пробл. и ее постановка) / О.Г. Дробницкий //Филос. науки. 1973. №4. С. 14-18. Текст: непосредственный
75. Дугаров Д.С. К этимологии терминов *юурэн*, *==р*, *==рэн* / Д.С. Дугаров // Советская этнография. Москва, 1981. №1. С. 98- 102. Текст: непосредственный
76. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1960. Вып.1. С.264-389. Текст: непосредственный
77. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н.Л. Жуковская. Москва: Наука, 1988. 194 с. Текст: непосредственный
78. Жуковская Н. Л. Пространство и время в мировоззрении монголов / Н.Л. Жуковская // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. Москва, 1986. С. 118-135. Текст: непосредственный
79. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Москва: Языки русской культуры, 2005. 544 с. Текст: непосредственный
80. Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия Г.Е. Зборовский. Свердловск: СЮИ, 1974. 223 с. Текст: непосредственный

81. Иванов Вяч. Вс. Бинарная структура в семиотических системах / Вяч. Вс. Иванов // Системные исследования. Ежегодник 1972. Москва: Наука, 1972. С. 206-236. Текст: непосредственный
82. Иванов Вяч.Вс. О языке как модели мира / Вяч.Вс. Иванов // Интеллектуальные системы и их моделирование. Москва: Наука, 1987. С.142-153. Текст: непосредственный
83. Ивлева М.Х. Базисные концепты ментального мира человека / М.Х. Ивлева. Уфа, 2002. Текст: непосредственный
84. Каганский В.Л. Культ ландшафта и советское обитаемое пространство / В.Л. Каганский. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с. Текст: непосредственный
85. Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта / В.Л. Каганский // Наука о культуре: итоги и перспективы. Москва: РГБ (Информкультура), 1995. Вып. 3. С. 31-46. Текст: непосредственный
86. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 390 с. Текст: непосредственный
87. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 263 с. Текст: непосредственный
88. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В.Б. Касевич. СПб.: Изд-во СПбУ, 2004. 282 с. Текст: непосредственный
89. Кассирер Э. Понятийная форма в мифическом мышлении / Э. Кассирер // Избранное. Опыт о человеке. Москва: Гардарика, 1998. 784 с. Текст: непосредственный
90. Кибрик А.А. Об анафоре, дейксисе, и их соотношении / А.А. Кибрик // Разработка и применение лингвистических процессоров. Новосибирск, 1983. С. 107-128. Текст: непосредственный
91. Кляшторный С.Г. Представления древних тюрков о пространстве / С.Г. Кляшторный // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (краткие сообщения и аннотации). Москва: ГВРЛ, 1975. С. 29-30. Текст: непосредственный
92. Кобозева И.М. Как мы описываем пространство, которое видим: композиционные стратегии // Труды Международного семинара Диалог'97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1997. С. 132—136. Текст: непосредственный
93. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. Москва: Наука, 1990. 108 с. Текст: непосредственный
94. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке / А.В. Кравченко // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1996. №3. С.3-24. Текст: непосредственный
95. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В.В. Красных. Москва: Гнозис, 2003. 375 с. Текст: непосредственный
96. Крейдлин Г.Е. Метафора семантических пространств и значение предлогов / Г.Е. Крейдлин. Вопросы языкознания. 1994. №5. С. 19-27. Текст: непосредственный

97. Кубрякова Е.С. О понятиях места, времени и пространства Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 84 – 92. Текст: непосредственный
98. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и языка. Т. 56. № 3. Москва, 1997. С. 22 – 31. Текст: непосредственный
99. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. Москва, 1990. С. 387-415. Текст: непосредственный
100. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 12 - 51. Текст: непосредственный
101. Лебедев Л.Б. Пространственные и временные указания в общереферентных высказываниях / Л.Б. Лебедев // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 4. С 303-314. Текст: непосредственный
102. Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов / Л.Б. Лебедева // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 93 – 97. Текст: непосредственный
103. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с. Текст: непосредственный
104. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. Москва, 1994. 382с. Текст: непосредственный
105. Леви-Стросс К. Структура мифов / К. Леви-Стросс // Вопросы философии. Москва, 1970. №7. С. 152-164. Текст: непосредственный
106. Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков) / Тоан Тханг Ли. Москва: Институт языкознания РАН, 1993. 193 с. Текст: непосредственный
107. Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят / Л. Линховоин. Улан-Удэ: БКИЗ, 1972. 101 с. Текст: непосредственный
108. Лыскова В.Ц. Этнографический материал из личного фонда А.К. Богданова / В.Ц. Лыскова // Монголоведные исследования. Улан-Удэ, 1996. Выпуск I. С. 70-78. Текст: непосредственный
109. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. Москва: Прогресс, 1995. С.95-142. Текст: непосредственный
110. Мечковская Н.Б. Концепты начало и конец, тождество, антонимия, ассимилированность / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 109-120. Текст: непосредственный
111. Михайлов Т.М. Анимистические представления бурят / Т.М. Михайлов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (втор. пол. XIX — нач. XX в.). Ленинград: Наука, 1976. С. 292-319. Текст: непосредственный

112. Михайлова Т.А. Нечто о пространственной модели времени (на материале ирландского языка) [Текст]/ Т.А. Михайлова // Семиотика и информатика. 1995. Вып. 34. С. 114-123.
113. Мостепаненко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире / А.М. Мостепаненко. Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1974. 240 с. Текст: непосредственный
114. Мостепаненко А.М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени / А.М. Мостепаненко. Ленинград: Наука, 1969. 232 с. Текст: непосредственный
115. Нанзатов Б.З. Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Б.З. Нанзатов, Д.А. Николаева, М.М. Содномпилова. Москва: Вост. лит., 2008. 341 с. Текст: непосредственный
116. Нацов Г.Д. Материалы по истории и культуре бурят. Часть 1. / Г.Д. Нацов / Введение, перевод, и примечания Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНУ СО РАН, 1995. 156 с. Текст: непосредственный
117. Очир-Горяев В.Э. Культ гор у монгольских народов / В.Э. Очир-Горяев // Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. Элиста: КНИИИФЭ, 1980. С. 135-143. Текст: непосредственный
118. Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма и представление знаний / Ю.Г. Панкрац // Язык и структура представления знаний. Москва: ИНИОН, 1992. С. 78-96. Текст: непосредственный
119. Пете И. Пространственность, предлоги, локальные отношения, картины мира и явления ассимилированности / И. Пете // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 3. С. 61-74. Текст: непосредственный
120. Плуноян В.А. Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* / В.А. Плуноян, Е.В. Рахилина // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 1-17. Текст: непосредственный
121. Подлеская В.И. Лицом к лицу / В.И. Подлеская, Е.В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки пространств; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 98-107. Текст: непосредственный
122. Подосинов А.В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаичных культурах Евразии / А.В. Подосинов. Москва: Языки русской культуры, 1999. 718 с. Текст: непосредственный
123. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. С. 8-69. Текст: непосредственный
124. Постовалова В.И. Существует ли языковая картина мира? / В.И. Постовалова // Москва: Изд-во Моск. Пед. Института иностр. языков, 1987. Сб. науч. тр. Моск. пед. ин-та ин. яз. Вып.284. С.65-72. Текст: непосредственный
125. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология / Г.Ц. Пюрбеев. Москва: Наука, 1984. 120 с. Текст: непосредственный
126. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. Москва:

- Языки русской культуры, 1998. Вып. 36. С. 274-323. Текст: непосредственный
127. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Г. Рейхенбах / Общ. ред. А.А. Логунова. Москва: Прогресс, 1985. 344 с. Текст: непосредственный
128. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи / Э.Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии Москва: Прогресс, 1993. С. 26-203. Текст: непосредственный
129. Серебренников Б.А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва, 1988. С.70-107. Текст: непосредственный
130. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 152 с. Текст: непосредственный
131. Скородумова Л.Г. К характеристике пространственного мышления монголов (по материалам обрядового фольклора) / Л.Г. Скородумова // Этническая культура: история и современность. Серия: Сибирь: этносы и культуры. Москва, 2002. Вып. 7. С. 82-91. Текст: непосредственный
132. Скородумова Л.Г. Стихия воды в языковой картине мира монголов / Л.Г. Скородумова // Altaika. IX. Москва, 2004. Текст: непосредственный
133. Слюсарева Н.А. Язык и речь пространство и время / Н.А. Слюсарева // Теория языка. Англистика. Кельтология. Москва: Наука, 1976. С. 106-114. Текст: непосредственный
134. Содномпилова М.М. Организация пространства / М.М. Содномпилова // Пространство в традиционной культуре монгольских народов. Москва: Вост. лит., 2008. С. 241-320. Текст: непосредственный
135. Содномпилова М.М. Природные и культурные ориентиры жизненного пространства кочевников Центральной Азии / М.М. Содномпилова // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Вып. 2. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 90-111. Текст: непосредственный
136. Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят / М.М. Содномпилова. Улан-Удэ, 2002. 236с. Текст: непосредственный
137. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. Москва: Языки русской культуры, 1997. 824 с. Текст: непосредственный
138. Стернин И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакунарности / И.А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов, 1998. С. 22-31. Текст: непосредственный
139. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / И.А. Стернин, З.Д. Попова. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с. Текст: непосредственный

140. Талми Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник Московского университета. 1999. №1. с. 91–115; № 4: с. 76 –104; № 6 с. 88–121. Текст: непосредственный
141. Телия В.Н. Архетипические представления как источник метафорических процессов, лежащих в основе образа мира / В.Н. Телия // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997 г. Москва, 1997. С. 150-151. Текст: непосредственный
142. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. Москва: Прогресс, 1988. 656 с. Текст: непосредственный
143. Тойнби А.Дж. Постижение истории /А.Дж. Тойнби. Москва: Рольф, 2001 640 с. Текст: непосредственный
144. Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава / Н.И. Толстой // Вопросы языкознания. М., 1966. № 5. С.16-36. Текст: непосредственный
145. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. Москва: Наука, 1983. С. 227-284, 298-300. Текст: непосредственный
146. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т.В. Топорова. Москва: Радикс, 1994. 190 с. Текст: непосредственный
147. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. Москва: Иностранная литература, 1960. С 135-168. Текст: непосредственный
148. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. Москва: Языки русской культуры, 2003. 224с. Текст: непосредственный
149. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семантического описания лексики / А.А. Уфимцева. Москва, 1986. 239с. Текст: непосредственный
150. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва, Наука, 1988. С.108-140. Текст: непосредственный
151. Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в русском языке К вопросу префиксально-предложного детерминизма / Л. Ферм. Acta Univ. Ups.: Studia Slavica Upsaliensia 27. Uppsala, 1990. Текст: непосредственный
152. Филмор Ч. Дж. Основные проблемы лексической семантики / Ч.Дж. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. II. Прикладная лингвистика. Москва: Иностранная литература, 1983. С. 74-122. Текст: непосредственный
153. Филмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания / Ч.Дж. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Иностранная литература, 1988. Вып. 32. Когнитивные аспекты языка. С. 52-93. Текст: непосредственный

154. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М Фрумкина // Научно-техническая информация Информационные процессы и системы. 1992. Сер. 2. №6. С. 1-8. Текст: непосредственный
155. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. Москва: Прогресс, 1997. 408 с. Текст: непосредственный
156. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. Москва: Республика, 1993. 447 с. Текст: непосредственный
157. Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира: исследования по структуре текста / Т.В. Цивьян. Москва: Индрик, 1999. 376 с. Текст: непосредственный
158. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. Москва: Комкнига, 2005. 280 с. Текст: непосредственный
159. Цыренсодном Д. Традиционные методы исследования земель у кочевников / Д. Цыренсодном // Dialogue among civilizations: interection between Nomadic and Other Cultures of Central Asia. Ulaanbaator, 2001. С. 480-482. Текст: непосредственный
160. Чейф У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. Москва, 1975. С 27-110. Текст: непосредственный
161. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. Москва: Либроком, 2010. 320 с. Текст: непосредственный
162. Шмелев А.Д. Из пункта А в пункт В / А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Индрик, 2002. С. 181 – 194. Текст: непосредственный
163. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. Москва: Мысль, 1998. 606 с. Текст: непосредственный
164. Шпет Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольда) / Г.Г. Шпет. М.: ГАХН (История и теория искусств), 1927. Вып. 8. 219 с. Текст: непосредственный
165. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. Москва: Наука, 1974. 255 с. Текст: непосредственный
166. Яковлева Е.С. К описанию языковой картины мира / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом. 1996. № 1, 2, 3. С. 47 -56. Текст: непосредственный
167. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. Москва: Гнозис, 1994. 344 с. Текст: непосредственный
168. Albertrazzi L. Directions and perspective points in spatial persepction // L. Albertrazzi. Meaning and Cognition. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam; Philadelfia, 2000.
169. Barth F. Boundaries and connections // Signifying Identities. L., N.Y.: Routledge, 2000. P. 17-36.
170. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms, vol.2. Yale. Unif. Press, 1955. P. 103 -104.

171. Dewey D. *The Theory of Value* / D. Dewey/ Chicago, University of Chicago Press, 1939.
172. Lagopoulos A. – Rh. L'orientation des monuments des cultures de mentalité archaïque, I, P., 1969. P. 213-214.
173. Lakoff G., Jonson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.
174. Langacker R. Reference – Point Constructions / *Cognitive Linguistics* 4. P. 1 – 38. 1993.
175. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
176. Mach E. *Space And Geometry in the Light of Physiological and Physical Inquiry*. 1906.
177. Miller G.A., Johnson-Laird Ph.N. / G.A. Miller, Ph.N. Johnson-Laird. *Language and perception*. Cambridge, 1976.
178. Perry R.B. *General Theory of Value* / R.B. Perry. N.Y., 1926.
179. Rosch E. N. *Principles of Categorization // Cognition and Categorization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27 – 48.
180. Talmy L. *How language structures space // Special orientation: theory, research, and application*. Plenum Press, 1983. P. 225-282.
181. Walchli B. *Co-compounds and Natural Coordination*. - Stockholm University, 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Категоризация пространства в традиционном мировоззрении бурят	7
1.1. Ориентация человека в пространстве.....	9
1.2. Измерение пространства.....	29
1.3. Парные слова и редупликаты как средства объективации пространственных идей.....	36
Выводы по главе 1.....	56
Глава 2. Ключевые образы пространственной картины мира бурят	
2.1. Гора.....	58
2.2. Земля.....	67
2.3. Степь.....	74
2.4. <i>Харгы, зам</i> (дорога) в бурятской языковой картине мира.....	84
Выводы по главе 2.....	91
Глава 3. Пространственные аспекты языковой категоризации	
3.1. Выражение пространственных отношений при помощи падежных форм именных частей речи.....	93
3.2. Языковые средства выражения семантики предела.....	114
3.3. Пространственная семантика экзистенциальных глаголов.....	127
3.4. Пространственные метафоры.....	139
Выводы по главе 3.....	155
Заключение.....	159
Литература.....	164

*Научное издание
Екатерина Александровна Бардамова*

ПРОСТРАНСТВО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БУРЯТ

Монография

Издание второе, исправленное и дополненное
Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 22.11. 11. Формат 60 x 84 1/16.
Уч.-изд. л. 9,35. Усл. печ. л. 11,0. Тираж 500. Заказ 80.
Цена свободная

Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3-а
riobsu@jmail.com